

УДК 159.923.5

Развитие мотивации достижения у студентов-психологов как необходимого условия качественного образования

Абакумова Т.В.

Якутский государственный университет

Возможно, что мотивация достижения не является необходимой для нормального развития личности, но норма, как мы считаем, как статистическая абстракция, не может быть идеальной формой образования, поскольку критерий нормальности – стремление к усредненности. Качественное образование – это не усредненное развитие личности, а полноценное становление и развитие личности. И как раз мотивация достижения, как нам кажется, является важнейшей составляющей полноценного развития и становления личности. Причем успех или неудача не имеют для конкретного индивида иных прямых последствий, кроме самооценочных. Движущей силой попытки выйти за рамки нормальной усредненности – познавательный интерес. Познавательный интерес расширяет границы “Я”, включает “Не-Я”.

Познавательный интерес формирует мотивацию достижения. Познавательный интерес различается по устойчивости и интенсивности. Из двух характеристик более предпочтительна устойчивость, поскольку интенсивность быстро истощает познавательный интерес. Интенсивность в большей степени характеризует спонтанный познавательный интерес. Последний же, нуждается в постоянном подкреплении. Роль подкрепления может выполнять достижение. Достижение может быть подкреплено познавательным интересом. А одним из источников познавательного интереса, возможно, является интеллект. Тогда можно предположить, что интеллектуально более развитые субъекты могут обладать более устойчивым познавательным интересом.

Другими словами, высокий уровень интеллектуального развития обуславливает более устойчивый познавательный интеллект.

Устойчивый познавательный интеллект формирует стабильную мотивацию достижения. Мотивация достижения как таковая, различается не только стабильностью, но и направленностью на выполнение более или менее трудных задач. Выбор степени трудности задач зависит от индивидуальных различий. Возможно, что основную роль в выборе степени трудности задач также играет уровень интеллекта.

Более высокий уровень интеллекта нуждается в самоудовлетворении посредством исполнения более трудных задач. Следовательно, высокий уровень интеллекта посредством устойчивого познавательного интереса влияет на стабильность мотивации достижения, что показывает косвенное влияние интеллекта на мотивацию достижения. Также интеллект непосредственно влияет на степень трудности выбираемых задач, что говорит о прямом влиянии интеллекта на мотивацию достижения. Следовательно, человек мотивирован на достижение в выполнении наиболее трудных задач своим собственным интеллектом.

1. Асеев В.Г., *Мотивация поведения и формирование личности*. М., 1976.
2. Вилонас В.К., *Психологические механизмы мотивации человека*. М., 1980.
3. Леонтьев А.Н., *Потребности, мотивы и эмоции*. М., 1971.
4. Магун В.С., *Потребности и психология социальной деятельности личности*. Л., 1983.
5. Симонов П.В., *Мотивированный мозг*. М., 1987.
6. *Философско-психологические проблемы развития образования*. – Под ред. В.В.Давыдова. М., 1994.

УДК 321

Исследование переживания «опыта потока» у игроков в многопользовательские ролевые игры, опосредствованные Интернетом

Аветисова А.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Технический и технологический прогресс привел к широкому распространению информационных технологий (ИТ) и к опосредствованию ими многочисленных некоторых сфер человеческой деятельности. Появление Интернета способствовало внедрению ИТ в такие виды деятельности, как познавательная, коммуникативная и игровая, что пробудило интерес психологов к исследованиям в новой области человеческой практики [1].

Одним из перспективных направлений в исследовании психологии игровой деятельности, опосредствованной Интернетом, является теория опыта потока, предложенная М. Чиксентмихайи [4], [5], [6], [7]. Под переживанием опыта потока понимается такое состояние, называемое поглощенностью деятельностью, которая ориентирована на сам процесс, состоящая из последовательных действий, подчиненных внутренней логике самого субъекта. Опыт потока сопровождается потерей чувства времени, внимание субъекта направлено непосредственно на игру, переживается состояние удовлетворенности, спокойствия, субъект деятельности постоянно контролирует ситуацию, в которой находится, при решении задач соблюдается тонкий баланс между навыками субъекта и требованиями ситуации [2], [4], [5], [7].

В настоящем исследовании объектом изучения стало переживание опыта потока игроками в групповые ролевые Интернет игры типа MUD. MUD (Multi-User Dungeon, Multi-User Dimension) представляют собой ролевую групповую приключенческую игру, которая текстуально организована, т.е. MUD предполагает «проигрывание» сюжета и общение с другими игроками посредством письменных сообщений. В качестве прототипа ролевой игры чаще всего выступают фантастические сюжеты из книг. Перед началом игры каждый игрок создает виртуального персонажа, с помощью и «от лица» которого игрок решает миссии в игре и взаимодействуют с игроками [3], [4], [6].

Двумя основными гипотезами исследования было: А. игроки в MUD переживают опыт потока во время игры и Б. переживание опыта потока связано с общением в игре. В онлайн-исследовании приняло участие 352 игрока в MUD. В качестве методического материала был разработан и апробирован опросник, который был составлен на основе подобных исследований [4], [6]. Данные были проанализированы корреляционным и факторным анализом. Анализируемая выборка большей частью состояла из мужчин (90%), средний возраст которых составлял 21 год, люди с

незаконченным высшим образованием, средний опыт игры которых составляет 3 года, проводят в игре в среднем около 16 часов в неделю. В ходе анализа был выявлен фактор, названный Переживание опыта потока, который содержал основные пункты опросника (игрок активен, воодушевлен и вдохновлен, по завершении игры обдумывает игру, играет с интересом, следит за сообщениями на экране, много общается, теряет чувство времени и не отвлекается на внешние проблемы), что подтвердило гипотезу 1. Гипотеза 2 была подтверждена благодаря выявлению взаимосвязи между показателями опыта потока и общением ($r=0,322$).

Подробные результаты выполненного онлайн-исследования по изучению переживания опыта потока у игроков MUD будут представлены в докладе.

1. Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е., Смылова О.В., «Интернет: воздействие на личность» // *Гуманитарные исследования в Интернет*/ под ред. А.Е. Войскунского. - М.: «Можайск-Терра». 2000, С. 11-39.

2. Буякас Т.М., «О феномене наслаждения процессом деятельности и условиях его возникновения (по работам М. Чиксентмихайи)» // *Вест. Моск. Ун-та*, сер. 14, Психология, 1995, №2, С. 53- 61.

3. Войскунский А.Е., «Групповая игровая деятельность в Интернете» // *Психологический Журнал*, 1999. Т.20, №1, С.126-132.

4. Войскунский А.Е., Смылова О.В., Аветисова А.А. «Исследование опыта потока в деятельности, опосредствованной информационными технологиями» // *Технологии информационного общества – Интернет и современное общество. Труды VI Всероссийской объединенной конференции. Санкт-Петербург, СПбГУ, 3-6 ноября 2003г.*, С. 9-11.

5. Csikszentmihalyi M., *Beyond boredom and anxiety: experiencing flow in work and play*. San-Francisco: Jossey-Bass, 2000, p. 232.

6. McKenna K., Lee S. «A love affair with MUDs: Flow and Social Interaction in Multi-User Dungeons» // <http://oak.cats.ohiou.edu/%7Esl302186/mud.htm>, 2000.

7. Novak T, Hoffman D. «The Flow experience among Web users: Measurement and Structural Models» // Available as [WWW document] URL elab.vanderbilt.edu/research/papers/pdf/manuscripts/Flow-odelWorkingDec1997-pdf.pdf, 1997.

УДК 159.96

Исследование индивидуальной эйдетики непрофессионально танцующей группы

Аксененко Е.В.

Томский государственный университет

Настоящая работа является исследованием потенциальных возможностей танца. Здесь рассматривается не то, каким танец является в повседневной жизни, а то, каким он может быть, показав, таким образом, глубину данного феномена. Толчком к написанию послужил собственный опыт, наблюдения за танцующими, а также отношение современных людей к собственному телу.

В работе речь идет о непрофессиональном спонтанном танце с закрытыми глазами. Этот танец несет в себе свободу монолога или диалога с собой и другими, свободу от норм «высокого искусства», контроля над движениями, но в котором всегда есть место искренности, индивидуальному стилю самовыражения, спонтанности в своей внутренней жизни, в своих мыслях, побуждениях.

Танцевать – это, прежде всего, общаться, вступать в диалог [2]. Таким образом, танец имеет коммуникативную природу, но в непрофессиональном танце проявляется наиболее ее тонкий уровень – транскомуникация (ТК). Термин введен В.И. Кабриным, понимается как общение на основе переживаний, чувств, озарений, коммуникация преобразующая, впечатляющая негативно и позитивно [1]. Отличия коммуникации и ТК в языке. Во втором случае это емкие символы, контексты, обогащенные невербальными средствами.

Танец богат образами, их энергию и мощь увеличивает музыка, чему также способствуют закрытые глаза. Танец дарит возможность путешествия во внутренний мир, выйти за пределы понятий, преодолеть границы физического мира и продолжить себя в неземных образах, духовных символах и смыслах, вплоть до абсолюта [3].

Не случайно предметом настоящего исследования является эйдетика танца. Говоря об эйдетике, имеется в виду динамика образов (не просто отражающих предметы, а информационно – энергетических образований, несущих в себе информацию и заряженных энергией), эйдосов (ярких образов, несущих в себе идею, незамутненную, чистую (проявляется в снах, в искусстве), не ограниченных плоскостями (идея добра, зла), открывающих новое пространство «за» предметом, снимающих стереотипы, маски, не отражая, а показывая суть вещей, явлений [2].

В танце участники имеют возможность танцевать наедине с собой, в собственных образах (благодаря закрытым глазам), но не исключается вступление участников во взаимодействие. В этой связи предполагается, что в танце возможно формирование общего эйдоса группы, возможен выход в единое эйдетическое пространство (ЕЭП). ЕЭП – пространство Встречи участников, оно заявляет о себе как ТК со-бытие или реализация сверхвозможного [2].

С этой же точки зрения мы увидим эйдетическую и нозтическую природу транскомуникабельности человека, то есть природу его духовно-душевно-телесного соответствия [2]. Нозтическая идея апеллирует к сверхчеловеческому и сверхфизическому. Здесь акцентирована не рациональная, а духовно-интуитивная изначальная суть нозиса как процесса постижения духовной сущности космоса, духовного становления в нем человека.

В результате исследования индивидуальной эйдетики непрофессионально танцующей группы и на основе проведенной интерпретации полученных данных становится очевидным наличие у испытуемых в танце переживаний богатых эйдосами.

У отдельных участников в процессе танца наблюдается формирование единого эйдоса, выражающегося в синхронности движений, что влечет за собой образование пар. Прослеживается динамика эйдосов у танцующих пар: вначале формируется идея себя, затем партнера и созданного дуэта. Это говорит о невозможности встречи с другим без встречи с собой [2].

В непрофессионально танцующей группе наблюдается формирование единого эйдетического пространства Встречи всех участников, выражающегося также в синхронности движений, что является ТК со-бытием, говорит об активизации интуитивно – духовных возможностей участников, что формирует представление о человеке нозтическом. Наблюдается способность участников к самотрансценденции – выход за пределы себя на встречу другому [3].

В состоянии респондентов повышается творческий потенциал, целостность и гармоничность, чувствительность, вместе с тем, прослеживается направленность участников в собственный внутренний мир, осознание наличия проблемной ситуации. Следует отметить, что переживания в танце не всегда связаны с приятными эмоциями, однако создается благоприятный контекст для терапевтической работы.

Таким образом, благодаря эйдетике танца возможна работа с образами, символами, архетипами танцующих, возможен выход на интуитивно – духовный, нозтический уровень, что позволит подойти к процессу постижения духовной сущности космоса и предназначения в нем Человека.

1. Кабрин В.И., *Транскомуникативное и личностное развитие*. Томск, 1992, с.256
2. *Личность в парадигмах и метафорах: ментальность – коммуникация – толерантность*. / Под ред. В.И. Кабрина. Томск, 2002, с.262
3. Франкл В., *Человек в поисках смысла* / Общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева. М., 1990, с.366

УДК 37.032

Возможности практического психолога в формировании психологической компетентности преподавателей

Алексеева В.А.

Северо-Кавказский государственный технический университет

Исследования в области психологии сегодня приобретают в системе образования особое значение. Это объясняется целью, которую ставят перед собой образовательные учреждения: воспроизводство и развитие культуры во всем многообразии ее общечеловеческого и национального богатства. Система образования может стать эффективной лишь тогда, когда в обществе будет высок статус человека знающего, культурного, интеллигентного. Подготовить такую личность может только тот учитель, который сам обладает не только знаниями в области своего предмета, но и знаниями о человеке, его индивидуальных особенностях, т.е. психологическими знаниями. Такая ситуация возможна в том случае, когда вся совокупность общественных отношений будет материально и духовно стимулировать потребность в образовании и постоянном самообразовании. Особенно это важно в педагогической деятельности. Но необходимо постоянно ориентировать на это весь педагогический коллектив и искать новые пути повышения общей и психологической культуры. Наиболее профессионально сегодня решить эту задачу могут специалисты психологических служб.

Проблема формирования психологической и аутопсихологической компетентности рассматривается в психолого-педагогических исследованиях Г. И. Метельского, Н. В. Кузьминой и др. как система знаний, умений и навыков, которые обеспечивают учителю не только общепсихологические знания, но и высокий уровень профессионального самосознания, умения управлять своими психическими состояниями. Формирование названных особенностей является делом не одного практического психолога, а всех служб образовательных систем.

Но, в первую очередь необходимо рассмотреть возможности практического психолога в формировании психологической компетентности учителей. Теория и практика, показывают, что к ним относятся:

- нравственно- психологическое просвещение и повышение психологической грамотности педагогов в целом;
- обучение позитивному межличностному общению;
- обучение приемам саморегуляции психических состояний;
- формирование гуманистических установок учителей и т.д.

Необходимо отметить, что это требует от педагога гуманистической позиции, ориентированной на человека, признающей ценность совместной деятельности. Психолог обладает реальными возможностями гуманизировать совместную деятельность, вносить в нее свой специфический вклад.

Основные направления деятельности практического психолога (просветительско-профилактическое, консультационное, психодиагностическое, коррекционное) предоставляют ему широкие возможности для организации работы с педагогическим коллективом по формированию их психологической компетентности. Основной формой такой деятельности может быть организация спецкурсов для педагогов и учащихся школы.

Спецкурсы должны включать в себя как традиционные (лекции, беседы, консультации, педагогические консилиумы), так и нетрадиционные формы работы (тренинг, деловые игры, проблемные ситуации, аутотренинг, круглые столы, психодрама и т.д.).

Выбор методов, применяемых практическим психологом на занятиях, зависит от его индивидуальных особенностей, профессиональных способностей и тех возможностей, которыми он располагает, работая в педагогическом коллективе.

УДК 159.922.7

Ранняя юность: взаимосвязь психологического возраста со смысловой сферой и Я - концепцией

Алексеева Е. Ю.

Казанский государственный университет

Ни в какую другую пору жизни прошлое (детство) и будущее (взрослость) не пересекаются в настоящем столь противоречивым образом, как в юности. Подвергается изменению чувство непрерывности своего Я, преемственности его во времени. Так, Эрик Эриксон, подробно анализируя общие закономерности и различные варианты развития в этом возрасте, приходит к выводу о том, что типичной для ранней юности психопатологией является расстройство временной перспективы, тесно связанной с проблемами в формировании идентичности. Кроме возрастной идентичности как таковой, целесообразно рассматривать понятие психологического возраста (ПсиВ) личности, который, согласно исследованиям А.А.Кроника, во многих случаях не совпадает с возрастом хронологическим (ХроВ), и это несовпадение, будучи не всегда осознаваемым, влияет на особенности возрастной идентичности и, как следствие, на поведение. Однако, неизвестно, каким образом психологический возраст оказывает влияние на самоопределение юношей и девушек, поскольку в этот период становится весьма напряженным не только восприятие собственного психологического времени, но и поиск своих возможностей, своего места и предназначения в жизни.

Нами было проведено исследование, в котором приняло участие 57 старшеклассников (9- 11 класс). Использовались методики: «Психологический возраст» (Кроник А.А.), СЖО (Леонтьев Д.А.), «Кто Я» (М. Кун и Т. Макпартлен). Математическая обработка осуществлялась с помощью анализа средних, сравнительного анализа по t-критерию Стьюдента, анализа линейных корреляций Пирсона, дивергентного анализа.

По результатам методики, измеряющей психологический возраст, выборка была условно поделена на три группы: 1) ХроВ $\approx$ ПсиВ; 2) ХроВ $\ll$ ХроВ (условно «младшие»); 3) ПсиВ $\gg$ ХроВ («старшие»). Сравнение данных групп дало следующие результаты:

1. Существует взаимосвязь между психологическим возрастом и смысловой сферой личности, причем не имеет принципиального значения: старше или младше хронологического возраста ощущает себя юноша, значение имеет лишь степень отклонения. Чем ближе психологический возраст к хронологическому, тем выше оценка осмысленности жизни, что подтверждается значимыми корреляциями между параметрами методик, измеряющих психологический возраст, и шкалами СЖО. Кроме того, чем выше оценка способности контролировать события своей жизни, свободно принимать решения и воплощать их, тем более длительной и эмоционально насыщенной прогнозируется собственная жизнь, о чем свидетельствуют корреляционные зависимости между ожидаемой длительностью жизни и шкалой «Локус контроля – жизнь» ($r = 0,32$; $p < 0,05$).

2. Обнаружены зависимости между параметрами психологического возраста и определенными типами Я - высказываний. Так, например, в описании трансцендентного Я, у «младших» более представлена образная сфера: Я - солнышко, Я - яблоко и т.п. ($t = 1,74$; $p < 0,05$), а у «старших» - абстрактно-логическая, т.е. предельно обобщенные категории: субъект, личность ($t = 3,28$; $p < 0,01$). Кроме того, «младшие» чаще указывают на роль ученика, а в группе «старших» встречается больше упоминаний о будущей профессии, деятельности. У них более выражена половая идентичность, что выражается в том, что обозначение собственного пола располагается ближе к началу списка, иными словами, имеет более высокий рейтинг. В группе «старших» количество социальных ролей, так или иначе обусловленных семейными отношениями, преобладает над количеством упоминаний ролей, так или иначе связанных с дружбой ($t = 2,409$; $p < 0,05$), а в выборке «младших» их соотношение примерно одинаково.

3. Эмоциональная насыщенность второй трети жизни у «младших» выражена более сильно, чем у «старших», а последней трети жизни наоборот. Иными словами, «старшие» более оптимистично смотрят на старость, чем младшие, однако их взгляд отличается, большим пессимизмом по отношению к периоду зрелости. Получена также положительная корреляция физического Я с эмоциональной насыщенностью первой трети жизни ($r = 0,49$; $p < 0,05$), а также отрицательная с эмоциональной насыщенностью последней трети ($r = -0,45$; $p < 0,05$). Упоминания физического Я в данных выборках, в большинстве своем, содержали позитивную оценку собственной внешности, повышенное внимание к которой для данного возраста вполне естественно. С этой точки зрения логично, что чем интенсивнее интерес к физическому Я, чем более ценна внешность, тем более эмоционально насыщена первая треть и тем меньшая насыщенность прогнозируема в последней трети.

Таким образом, в результате проведенного нами исследования была подтверждена гипотеза о существовании взаимосвязей между психологическим возрастом, Я-концепцией и смысловой сферой личности, однако неизвестно, какая из этих переменных является независимой, что станет задачей последующих исследований.

Нравственное развитие в исследованиях западной психологии XX века

Анищенко Ю. Н.

Академия последипломного образования

Нравственность как предмет психологического исследования была выделена сравнительно недавно, хотя история ее философского анализа насчитывает около полутора тысячелетий. Изучению проблематики нравственности как психологического феномена посвящено не так много работ, что удивительно, поскольку нравственные представления определяют самый широкий спектр явлений, изучаемых общей, социальной, культурной психологией, психологией личности, развития и целым рядом других отраслей. Видимо, это объясняется комплексным характером предмета, сложностями его исследования традиционными методами.

Подходы к изучению нравственности в западной философии XX века в целом повторяют историю ее развития. Нравственность рассматривалась в рамках психодинамической, бихевиористской, когнитивной теорий. Объединяло их признание универсальности нравственности, что позволяло определять ее как одну из базовых характеристик человеческой личности. На протяжении почти всего столетия нравственность рассматривалась как универсальная константа, и лишь с 70-80 гг. развернулись исследования, изучающие специфичность нравственных представлений и моральных принципов в зависимости от гендерных и социокультурных факторов.

В нравственности выделяются эмоциональный, поведенческий и когнитивный компоненты [1, с.755]. Психодинамическое направление, не являясь научной теорией в строгом смысле этого слова, подтвержденной эмпирическими данными, рассматривает нравственность как преимущественно эмоционально обусловленный феномен мировосприятия человека. Согласно основателю психоанализа Зигмунду Фрейд, нравственные представления есть следствие формирования Суперэго – подструктуры личности, выполняющей функции внутреннего цензора. Этот цензор регулирует мысли и поведение личности с помощью эмоционального фона. Нарушение моральных запретов вызывает сильные негативные чувства и тем самым детерминирует нравственное поведение.

Первоначально в рамках бихевиористского подхода самостоятельных исследований нравственности как таковых не велось, в силу сложности предмета и невозможности объяснить его в рамках S→R схемы. Впоследствии Альберт Бандура рассматривал поведенческий аспект морали и утверждал, что нравственность формируется путем научения через наблюдение.

Итак, для психоаналитического и бихевиористского подхода характерно рассмотрение нравственности как внешне обусловленного явления, а моральное развитие определяется принятием либо неприятием индивидом общественных условий и требований. В отличие от этой точки зрения, представитель когнитивистского направления Жан Пиаже постулировал нравственность как имплицитно присущий человеческой личности элемент ее нормального развития [2]. Пиаже разработал двухступенчатую модель нравственного развития, включающую стадии морального реализма и морального релятивизма. Становление представлений ребенка о моральных нормах определяется его когнитивным развитием и трансформируется от доморальной стадии через гетерономию (признание объективной ответственности) к автономии (принятию субъективной ответственности). Эта тенденция связана с процессом социализации ребенка, его постепенным обретением самостоятельности и критическим осознанием социальных норм.

Концепция стадий нравственного развития Пиаже подвергалась критике за неоправданное преобладание когнитивного компонента в ущерб эмоциональному и поведенческому, определенную тенденциозность в построении экспериментов, предъявляющих слишком высокие требования к возможностям детей вербализировать свои мысли, неразграниченность договорных норм и нравственных убеждений, недооценку способностей детей младшего возраста формировать моральные суждения и др.

Идеи Пиаже были развиты Лоуренсом Колбергом [3], который разработал широко известную модель нравственного развития, выделяющую 3 уровня и 6 стадий. Основание нравственных представлений, по Колбергу, является принцип справедливости. Вслед за Пиаже он утверждает активную позицию личности в усвоении универсальных нравственных ценностей и постулирует нравственность в качестве закономерного результата развития мыслительных процессов. Процесс становления нравственности состоит в последовательном совершенствовании нравственных целей от стремления к предотвращению наказания (1-я стадия 1-го уровня) до следования своим внутренним убеждениям относительно справедливости и уважения прав человека, которые соответствуют абсолютным этическим принципам (6-я стадия 3-го уровня). Таким образом, нравственность представляется имплицитно присущим качеством гармонично развивающейся личности.

Эта теория также не свободна от определенных недостатков, среди которых можно назвать универалистскую установку в отношении справедливости как определяющей характеристики нравственности, этноцентризм в определении нравственных ценностей, зависимость уровня нравственных суждений от образования, социально-экономического статуса, принадлежности городской субкультуре, игнорирование гендерного фактора. Так, Кэрл Гиллиган указывала, что справедливость как ведущий моральный принцип характерна скорее для маскулинного типа мышления, в то время как женщины во главу угла ставят прежде всего заботу и участие к людям. По Гиллиган, нравственные представления гендерно специфичны, причем у женщин преобладает эмоциональный компонент,

отражающий значимость для них межличностных связей [4]. Методологической проблемой модели Колберга является гипотетичность моральных дилемм, на основе комментирования которых определялась принадлежность к той или иной стадии, то есть слабая связь с поведенческим аспектом нравственности.

Приоритет социального фактора в формировании нравственности характерен для концепции Туриела. Согласно его теории обособленных доменов нравственные представления складываются в результате осмысления индивидом социальной значимости различных поступков. Согласно его теории обособленных доменов, нравственные представления складываются в результате осознания индивидом социальной значимости различных поступков. Выделяются домены моральных обязательств, общественной нормы и личного выбора. К собственно нравственной проблематике относятся вопросы уважения прав человека и поддержания социальной справедливости, причем эти нормы усваиваются интуитивно, а не путем логических рассуждений, как в модели Колберга. Таким образом, Туриел не рассматривает когнитивное развитие в качестве основы нравственного развития.

Актуальная тенденция психологических исследований нравственности состоит в выявлении широкого спектра факторов, определяющих специфические особенности нравственных представлений и реализации компаративистского подхода. В настоящее время широкое распространение получили кросс-культурные исследования нравственности, которые позволяют реализовать сравнительный анализ процессов формирования нравственных представлений в зависимости от специфичных социокультурных условий. Как показывают исследования, актуальные социокультурные условия определяют порядок приоритета нравственных обязательств, предъявляемые к личности требования в системе общественных отношений, зависимость нравственных представлений от религиозных верований и т.д.

При всем разнообразии рассмотренных подходов и самом широком спектре взглядов на проблематику нравственности в любом случае речь идет именно о различных вариациях одного явления, что позволяет определить нравственность как универсальный конструкт мировосприятия.

1. Шэффер Д., *Дети и подростки*. СПб.: Питер, 2003.
2. Piaget, J., *The moral judgment of the child*. London: Routledge & Kegan Paul, 1932.
3. Kohlberg, L., *The philosophy of moral development: Moral stages and the idea of justice*. (Vol.1). New York: Harper & Row, 1981.
4. Giligan, C. *In a different voice: Psychological theory and women's development*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982.

Восприятие больших социальных групп на примере инвалидов

Бабкина Т.Б.

Ленинградский государственный областной университет им. А.С. Пушкина

1. Тема нашего исследования посвящена проблемам восприятия социумом людей с ограниченными возможностями (инвалидов). Эта проблема является актуальной, так как в нашей стране инвалидов около 7% и они находятся в положении меньшинства, права и интересы которого игнорируются большинством. В то же время в современной психологической литературе эта тема недостаточно подробно изучается. За последние несколько лет практически не проводилось исследований по изучению эмоционально-психологического восприятия социумом представителей такой большой социальной группы как инвалиды.

2. Предметом нашего исследования является изучение стереотипного образа инвалида в массовом сознании. Необходимость исследования образов и понятий, формирующихся у людей друг о друге, не вызывает сомнения, так как названные формы отражения выполняют функцию регулятора общения. Особенностью исследования является попытка изучить не только отношение здоровых людей к инвалидам, но и определить, как сами инвалиды воспринимают себя и других людей с ограниченными возможностями.

3. Основным методом нашего исследования является метод семантического дифференциала, разработанный Ч. Осгудом. С помощью этого метода изучается отношение людей к разным родам объектов. Метод направлен на поиск семантического пространства и анализ лежащих в его основе факторов.

4. Восприятие как психический процесс изучали многие отечественные и зарубежные ученые: Рубинштейн Л.С. 1989, Величковский Б.М. 1980, Лурия А.Р. 1980, Немов Р.С. 2001, Леонтьев А.Н. 1985, Таджури Р. 1969. Восприятие – многогранный процесс отражения действительности, но его можно рассматривать и как социальный процесс, который в психологической литературе получил название социальной перцепции. В нашем исследовании социальная перцепция рассматривается как процесс восприятия социальных объектов, под которыми обычно подразумеваются люди и социальные группы.

5. Одним из механизмов социальной перцепции является стереотипизация, при помощи которого создаются социальные стереотипы – упрощенные, схематичные, эмоционально окрашенные и устойчивые образы какой-либо социальной группы. Эти образы распространяются на всех представителей этой группы. Социальные стереотипы могут меняться, но этот процесс идет крайне медленно, они могут быть враждебными, когда возникает социальная напряженность между группами. При отсутствии личных контактов между членами социальных групп может произойти стигматизирование, т.е. клеймение, навешивание ярлыка. Стигма оказывает серьезное негативное воздействие на социальное принятие индивида, при этом его личностные качества не имеют значения.

6. В мире доминирует медицинское восприятие инвалидности. Так называемая медицинская модель рассматривает инвалида как проблему. Акцент делается на зависимости человека с нарушениями от окружающих, а сам подход основан на стереотипах, по которым инвалидность вызывает страх и желание опекать. Обычно внимание концентрируется на самом нарушении, а не на реальных потребностях человека. В последние годы медицинская и связанные с ней административные и благотворительные модели восприятия инвалидности подвергается критике, так как они не могут определить причин изоляции инвалидов. Однако большинство людей воспитаны с сознанием, что физические нарушения делают инвалидов менее полноценными людьми. Страх, невежество, предрассудки и дискриминация – это то, что на самом деле ограничивает возможности инвалидов. «Лечение» проблемы инвалидов лежит в плоскости общества.

7. Альтернативой медицинской модели стала социальная модель, направленная на определение тех барьеров, которые изолируют людей с инвалидностью и не позволяют им стать полноправными членами своих обществ. Общественные объединения инвалидов считают, что общество обязано адаптировать существующие в нем стандарты к особым нуждам людей, имеющих инвалидность, для того, чтобы они могли жить независимой жизнью и быть интегрированными в общество на таких же основаниях, как и другие члены общества. Медицинская модель гласит, что изменять надо самих инвалидов, тогда как главной целью социальной модели является изменение общества и отношения общества к инвалидам.

Мы считаем дальнейшую разработку этой темы перспективной, так как в нашем обществе только начинается процесс изменения отношения к инвалидам. Данное исследование может стать отправной точкой для разработки комплекса мероприятий для формирования в социуме положительного образа людей с ограниченными возможностями.

Это будет способствовать более успешному взаимодействию социальных групп и приведет к снижению изоляции инвалидов. Эффективное развитие будущего общества немислимо без привлечения инвалидов (в пределах их возможностей) к социальным и экономическим процессам. При таком подходе выиграют обе стороны: и человек, и общество.

Межгрупповые отношения и прогнозирование организационного развития

Бакай Ю.Б.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Межгрупповые отношения на протяжении всей истории их исследования становились единицей анализа, с помощью которой было возможно понимание природы существования различных социальных групп в обществе и осознание детерминирующих процессов их жизнедеятельности. Изучение межгрупповых отношений помогло найти объяснение многим противоречиям, которые возникают в обществе и выработать практические руководства для предотвращения наиболее негативных из них. Более того, знания, которые были накоплены в этой области до сегодняшнего дня, позволили также лучше понять саму природу межгрупповых отношений в рамках социальной психологии [1], [2], [4].

С одной стороны, межгрупповые отношения являются единицей анализа, вскрывающей природу внутригрупповых и межгрупповых процессов, и являются их качественным выражением, с другой стороны, выступают в качестве объяснительного принципа поведения групп в ситуации взаимодействия и, в свою очередь, детерминируют процессы и результаты их деятельности. В то же время, группы, будучи включенными в более сложные системы, например, организационные, влияют на их развитие и жизнедеятельность, в том числе за счет построения адекватной и эффективной системы взаимоотношений. В свою очередь, организационные системы обуславливают деятельность групп, влияют на процессы формирования этих групп, детерминируют процессы жизнедеятельности, задают межгрупповой контекст взаимодействия, и, что самое важное, проецируют принципы и законы своего устройства и развития на межгрупповые отношения.

Межгрупповые отношения в этой связи становятся той единицей анализа, через которую возможно понимание систем более сложного порядка. Это становится возможным, в том числе и потому, что межгрупповые отношения являются более стабильными, обладают большей устойчивостью, консервативностью, ригидностью по сравнению, например, с индивидуальными отношениями. Формирование межгрупповых отношений есть более длительный процесс и отражает лишь устойчивые, сложившиеся связи и представления.

Таким образом, межгрупповые отношения, пользуясь терминологией Л.С. Выготского, выступают в своем роде «молекулой вещества», репрезентирующей целое в меньшем масштабе, и в которой потенциально представлены все его свойства [3].

Выделение межгрупповых отношений в качестве единицы анализа представляется особенно значимым в контексте организационной психологии, поскольку именно здесь встает проблема исследования сложных организационных систем, понимания динамики и закономерностей развития, выделения ситуаций развития, не попадающих под традиционные классификации. Сложность также заключается в том, что сам объект исследования – межгрупповые отношения – погружен в жесткие условия внешней организационной среды, требующей не только своевременной адекватной реакции на изменения, но и своевременного развития внутренней среды организации. На данный момент одной из принципиально новых возможностей своевременного разрешения противоречий, мешающих релевантному развитию организаций, видится в создании технологий прогнозирования тенденций ее развития, в качественном переходе от стратегии «пассивного реагирования» к стратегии «активного упреждения».

Напрямую понять тенденции развития организации, с нашей точки зрения, возможно на основе анализа межгрупповых отношений в организации и разработки технологии прогнозирования, находящейся на стыке организационной и социальной психологии.

Открытым остается вопрос о понимании содержательной стороны тенденций развития организации. До конца неясно, на основе каких критериев возможна количественная и качественная оценка тенденций развития; существует ли критерий, на основе которого можно было бы типологизировать тенденции развития и определить адекватность этих тенденций. Можно выдвинуть предположение о том, что, обладая информацией о критериях, характеризующих релевантные и нерелевантные тенденции развития, с помощью организационной диагностики мы будем иметь возможность выснить, укладываются ли полученные показатели в некий нормативный диапазон или нет. На этой базе в дальнейшем можно выстраивать адекватные прогнозы в отношении развития организации. Организационная психология в этом смысле становится прогнозирующей, а для социальной психологии открываются новые возможности включения в более широкий экономический и социальный контекст и расширения сферы своего практического влияния. Построение модели прогнозирования на основе анализа межгрупповых отношений является целью наших дальнейших исследований.

1. Андреева Г.М. Социальная психология. - М.: Аспект Пресс, 1996
2. Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. - М.: Изд-во МГУ, 1983
3. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса. - М.: Педагогика, 1982
4. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. - М.: Наука, 1979

УДК А2782С36

Факторы дестабилизации современного моногамного брака

Батракова Ю.В.

Липецкий государственный педагогический университет

Анализ развития семьи как института и малой социальной группы приводит к выводу о неизбежности возникновения противоречий между супругами и невозможности существования бесконфликтных семей [3]. Изучая причины брачной дестабилизации, Э. Гийт выделила три совокупных фактора, повышающих её вероятность: первый — происхождение и воспитание в родительской семье, второй — предыстория и условия заключения брака и третий — негативные последствия собственно супружеского общения. И хотя все перечисленные отношения и обстоятельства, по ее мнению, оказывают влияние на стабильность брака, самыми важными оказались индивидуальные ценности каждого из супругов и личностный уровень их взаимопонимания [7].

Возникновение кризисных ситуаций в браке во многом предопределено его природой — сама свобода выбора брачного партнера внутренне подразумевает и свободу прекращения супружеских отношений, если они складываются неудачно. Будничность бытовых забот притупляют остроту и свежесть чувств супругов и не способствуют сохранению

любви, если она была изначально. Учитывая тот факт, что средний уровень сексуальной активности современных супругов значительно выше, чем у прошлых поколений, рутинизация супружеских отношений и невозможность полного эротико-сексуального самовыражения в браке побуждает многих супругов активизировать поиск внебрачных каналов эмоционального и эротического общения [1].

Анализируя дестабилизирующие брак факторы, Обозов Н.Н., Обозова А.Н. выделяют четыре основных уровня супружеского взаимодействия и соответствующие им четыре вида супружеских дисгармоний: психофизиологический (психофизиологическая совместимость); психологический (психологическая совместимость); социально-психологический (семейно-ролевая совместимость); социокультурный (духовная совместимость). [4]

Традиционный моногамный брак существенно ограничивает, во всяком случае, морально, сексуальную свободу индивида в его праве устанавливать новые контакты и связи [6]. Возникающее в такой ситуации противоречие между потребностью в личностном и сексуальном самовыражении, с одной стороны, и основным требованием моногамной брачной идеологии (один сексуальный партнер на всю жизнь) не может быть разрешено без ущерба для одной из сторон.

В качестве факторов, дестабилизирующих брачно-семейные отношения, рассматривают отсутствие общих взглядов и интересов, различия в уровне образования, культуры, мировоззренческих установках, несходство характеров, пьянство одного из супругов, бытовые конфликты и супружеские измены [2; 5].

Принципиальным отличием адюльтера среди факторов семейной дестабилизации является его качественная определенность и локализованность в самой глубинной области супружеских отношений — сексуально-эротической. Характерной особенностью адюльтера является то, что в полной мере его деструктивность реализуется лишь в случае раскрытия факта измены обманутым партнером. До этого момента существование внебрачной связи может и не оказывать какого-либо значимого влияния на взаимоотношения супругов. Проявление заботы и знаков внимания к «обманываемому» супругу за счет осознаваемого комплекса вины, может приводить к уменьшению напряженности в отношениях между супругами, оказывая тем самым благотворное влияние на супружеский союз.

Раскрытие факта измены обманутым супругом, а также вовлечение в конфликт родственников и знакомых, вызывает стремительную его иррадиацию на бытовые, экономические и досуговые стороны семейной жизни. В результате это приводит к возникновению кризисной ситуации, угрожающей целостности и самому существованию семьи. Все это делает супружескую измену одним из наиболее психотравматичных событий не только для брачных партнеров, но и для всех членов семьи.

1. Васильева О.С., Хмарук И.Н., Супружеская измена как предмет социально-психологического исследования // *Прикладная психология*. 1999, №2, С.59-66.
2. Гудова Н.В., Влияние личностных характеристик субъекта на его представления об идеальном партнере по общению // *Психологический журнал*. 1993, Т. 14, №3, С.28-37.
3. Левкович В.П., Зуськова О.Э., Социально-психологический подход к изучению супружеских конфликтов // *Психологический журнал*. 1985, Т. 6, №3, С.126-137.
4. Обозов Н.Н., Обозова А.Н., Диагностика супружеских затруднений // *Психологический журнал*. 1982, Т. 3, №2, С.147-151.
5. Пезешкиан Н., *Позитивная семейная психотерапия: Семья как терапевт*. М., 1993.
6. Перехов А.Я., Думбай В.Н., *Семейно-сексуальные гармонии и дисгармонии*. Ростов-на-Дону, 1997.
7. Тийт Э.М., Факторы риска, вызывающие расторжение брака // *Социально-демографические исследования семьи в республиках Советской Прибалтики*. Рига, 1980, С.108-117.

УДК 159.923

К проблеме исследования смыслового будущего студентов-психологов

Белова Д.Е.

Российский государственный профессионально-педагогический университет

Феномен будущего изучается в психологии в контексте теорий психологического времени личности и психологии жизненного пути, в которых человек рассматривается как субъект своей жизни, обладающий способностью к ее осознанию и организации (Р. Baltes, 1983, 1987; G. Craig, 1999; Ш. Бюлер, 1959; П. Ржичан, 1983; Э. Эрикссон, 1968; А.К. Абульханова-Славская, 1999; В.И. Ковалев, 1995; Е.Ю. Коржова, 1994, 1995; Л.В. Бороздина, И.А. Спиридонова, 1998 и др.). При этом субъективно переживаемое личностью время понимается как относительное, отражающее индивидуальное время жизни данного человека в прошлом, настоящем и будущем. Временные соотношения являются психологическими образованиями в структуре личности. К ним относят установки, ценности, идеалы и в том числе ориентации на будущее.

Область будущего в контексте психологии жизненного пути человека может быть представлена в двух аспектах: временном, включающем собственно временную перспективу, т.е. планирование человеком своих достижений в четком хронологическом порядке, (J. Nuttin, 1985; P. Fraisse, 1981; Е.И Головаха, А.А. Кроник, 1984; Н.А. Логинова, 1985; Л.В. Куликов, 1997 и др.) и смысловом, представляющем собой картину будущей жизни человека, выражающуюся в его ценностных представлениях, ожидаемых событиях, их значимости и смысле для человека, при этом будущее не привязывается к конкретной хронологии (М.Р. Гинзбург, 1991, 1994).

Цель нашего исследования – изучение смыслового будущего студентов-психологов.

Актуальность изучения смысловых аспектов будущего у студентов обусловлена важностью этапа профессиональной подготовки в целостном процессе профессионализации личности. Именно на этом этапе формируется основа компетентности и идентичности будущего профессионала. При этом большую важность приобретает осознание смыслов своей профессиональной деятельности и взаимосвязи настоящего и будущего. Особую значимость эти процессы имеют в помогающих профессиях, эффективность специалистов в которых во многом зависит от их личностных особенностей.

На основе полученных данных планируется разработка технологий психологического сопровождения специалистов помогающих профессий, в частности технологий самофутурирования в профессию на этапе профессиональной подготовки.

Работа выполняется при поддержке гранта Министерства образования РФ А 03-1.4-62.

Исследование взаимосвязи агрессивности с индивидуальными личностными особенностями в деятельности сотрудников правоохранительных органов

Бердникова Е. А.

Тверской государственный университет

Кардинальным изменениям экономической, социально-политической и духовных сферах российского государства и общества неизбежно сопутствует обострение криминогенной ситуации. В свете этих тенденций невозможно не признать, что насилие и конфликт относятся к числу наиболее серьезных проблем, перед которыми оказалось человечество. И, возможно, лишь сотрудники правоохранительных органов, профессиональная деятельность которых направлена на поддержание правопорядка в обществе, способны удержать людей от деструктивных действий. Деятельность в системе органов внутренних дел предъявляет чрезвычайно высокие требования к физическим, физиологическим, функционально-психическим и личностным качествам сотрудников. Необходимо четко понимать, что любое действие сотрудника правоохранительных органов характеризуется огромной социальной значимостью, а также высокой степенью риска. Поэтому представитель данной профессии должен быть не только исполнительным и трудоспособным, но также обладать рядом личностных характеристик, позволяющих адекватно реагировать на нестандартные ситуации, провоцирующие конфликтность, агрессивность личности. Кроме того, в отечественных и зарубежных источниках редко встречаются работы, посвященные анализу агрессии в рамках данной профессиональной деятельности, вот почему эта тема так актуальна.

Целью нашей работы было выявить взаимосвязь агрессивности как формы человеческого поведения с индивидуальными личностными особенностями в деятельности сотрудников правоохранительных органов. Объектом исследования выступали средний и старший начальствующий состав суточных нарядов ОВД и УВД Тверской области. В исследование принимало участие 37 человек. В своей работе мы использовали «Методику многофакторного исследования личности Р. Кеттела (№ 187)» [2] и «Методику диагностики форм агрессии (Тест Басса-Дарки)» [3]. Для проведения анализа результатов мы составили матрицу и выявили значимые коэффициенты корреляции, которые показали, что косвенная агрессия положительно коррелирует с факторами «А», «О», «Q4» и отрицательно с фактором «Q3»; «негативизм» положительно коррелирует с факторами «F», «L» и имеет сильную положительную связь с фактором «Q1»; «индекс враждебности» отрицательно коррелирует с факторами «С», «Q2», и положительно - с «О», «Q4»; «обида» отрицательно коррелирует с фактором «С» и обнаруживает положительную взаимосвязь с фактором «Q4»; «подозрительность» положительно коррелирует с фактором «L» и отрицательно с факторами «В» и «Q2»; «вербальная агрессия» положительно коррелирует с факторами «Н» и «L»; «чувство вины» обнаруживает сильную положительную связь с факторами «О» и «Q4», а также отрицательно коррелирует с фактором «Q3»; «раздражительность» положительно коррелирует с факторами «L» и «Q4»; «индекс агрессивности» положительно коррелирует с такими факторами как «Е» и «L».

Подводя итог, можно сказать, что представители данной профессии обладают такими яркими качествами как внимательность к людям, практичность, исполнительность, однако они также склонны к непостоянству и имеют некоторое конфликтное представление о себе, их также отличает хорошая способность к быстрому решению практических задач, что подтверждает данные эмпирических исследований других авторов, изучавших личностные особенности сотрудников правоохранительных органов. Наши результаты позволяют уточнить, что в совокупности с данными качествами у сотрудников ярко выражен индекс агрессивности. Настораживает тот факт, что в данную профессию приходят люди с уже изначально высоким уровнем проявления агрессивности.

Проведенный анализ литературных данных и результаты исследования, подтвердив обоснованность выдвинутой в работе гипотезы о взаимосвязи особенностей личности с агрессивностью, как формой человеческого поведения [1], позволили сделать нам следующие выводы: на современном уровне развития психологических знаний проблемы агрессивности, индивидуальных личностных особенностей достаточно подробно разработаны как в теоретическом, так и в экспериментальных аспектах; устойчивые личностные черты, влияющие на формы агрессивности, что позволяет, в свою очередь, использовать данный факт для дополнительного измерения агрессии. Таким образом, полученные в результате нашего исследования данные могут упростить процедуру диагностики агрессивности, как деструктивной формы человеческого поведения. Результаты работы могут быть использованы в профессиональном отборе, при профессиональной аттестации кадров, а также при составлении индивидуальных психокоррекционных программ.

1. Берон Р., Ричардсон Д., *Агрессия*. СПб.; 2000.
2. *Практическая психодиагностика: Методики и тесты: Учеб. пособие*. Самара, 2001.
3. *Прикладная социальная психология* / Под ред. А. Н. Сухова и А. А. Деркача. М.; Воронеж; 1998.

Связь удовлетворенности добрачными отношениями с представлениями и переживаниями любви

Боброва И.В.

Воронежский государственный университет

Удовлетворенность является одной из важнейших составляющих межличностных отношений. Каждый человек в течение своей жизни влюбляется и вступает во взаимоотношения с противоположным полом. Нам представляется важным изучение данной проблемы еще и потому, что в наступившем веке очень остро стоят вопросы об обретении устойчивого, гармоничного союза с другим человеком и сохранении его на всю жизнь.

Целью данного исследования является выявление связи уровня удовлетворенности с переживаниями любви в добрачной паре и с идеальными представлениями о любви. Объектом исследования являются 15 добрачных пар со сроком от 2,5 месяцев до 4 лет - 30 человек женского и мужского пола в возрасте от 17 до 26 лет. Данное исследование проводилось в г. Воронеже среди студентов третьего курса факультета философии и психологии ВГУ. В нашем исследовании мы использовали следующий комплекс методик: опросник межличностного восприятия в добрачной паре М.А. Абалякиной, опросник З.Рубина по изучению любви и симпатии в супружеских отношениях, свободное описание на тему: «Опишите, как вы представляете идеальную любовь к другому человеку».

В результате проведенного исследования были получены следующие результаты:

1. С увеличением уровня удовлетворенности уровень переживания любви уменьшается. Возможно, это объясняется тем, что при низкой удовлетворенности отношениями основное внимание в паре обращается на свои чувства к партнеру. При высоком же уровне на первый план выходят скорее сами взаимоотношения, что неизбежно снижает уровень переживания любви.
2. Идеальные представления о любви отличаются в группах со средним, высоким и низким уровнем удовлетворенности отношениями. Отличительными характеристиками представлений об идеальной любви для низкого

уровня является чувство единства (схожести), идеализация реальности, спокойствие и уравновешенность. Для среднего – желание быть вместе, рядом с любимым, взаимность чувств и взаимоуважение. Для высокого уровня – долговременность отношений, взаимопринятие, способность к компромиссу, честность, искренность и счастье. Возможно это объясняется тем, что при низком уровне удовлетворенности отношениями идет поиск путей взаимодействия партнеров. В данной группе присутствует желание «стабилизировать» эмоции, что может быть связано с чувством тревоги как следствием неудовлетворенности отношениями. При среднем уровне удовлетворенности качения – то связь между партнерами, по – видимому, уже есть, и это человека устраивает (тревожность снизилась). При высоком уровне имеют место взаимоотношения, при которых партнеры хорошо знают друг друга, умеют взаимодействовать, а также стремятся (можно даже сказать, что настроены на это) к длительным отношениям. При этом партнеры желают доставить положительные эмоции (или увеличить их) друг другу, испытывая при этом такую же гамму чувств. Тревожность во взаимоотношениях сведена к минимуму.

3. Представление об идеальной любви специфично у мужчин и женщин при различном уровне удовлетворенности отношениями. Возможно, это связано с различными ожиданиями полов от взаимоотношений и различием в понимании чувства любви. Динамика изменения представлений в зависимости от уровня удовлетворенности в целом согласуется с общей картиной.

4. Идеальные представления о любви изменяются в зависимости от уровня ее переживания. Отличительными характеристиками представлений об идеальной любви в группе с низким уровнем ее переживания являются взаимоуважение, страсть и мысли о любимом. Со средним уровнем – чувство единства (схожести), желание и потребность в помощи, поддержке и опоре, взаимопринятие и долговременность отношений. С высоким уровнем – счастье и сюрприз, неожиданность в отношениях. Возможно, это объясняется тем, что с увеличением уровня переживания любви некоторые характеристики теряют свою актуальность (как, например, взаимность). Возможно также, что с увеличением переживания любви она претерпевает качественные, а не количественные изменения. Для всех уровней переживания любви характерно присутствие таких категорий, как взаимопонимание, доверие друг к другу и желание сделать что-либо для любимого человека. Причем с увеличением уровня переживания любви частота встречаемости категорий взаимопонимания снижается, доверие – колеблется на одном уровне, а желание сделать что-либо – увеличивается. Желание быть вместе, рядом, потребность во взаимности чувств тоже снижается с увеличением уровня переживания любви от низкого к среднему и пропадает на высоком уровне.

Таким образом, в ходе нашей работы гипотеза полностью подтвердилась, а именно: чем выше удовлетворенность отношениями, тем ниже переживание любви.

Дальнейшее изучение данной тематики важно как с теоретической, так и с практической точки зрения. Знания специфики соотношения удовлетворенности доброчными отношениями с представлениями и переживаниями любви могут быть полезны в работе практических психологов, в центрах создания и планирования семьи, в семейной психотерапии.

УДК 159:377

Осмысленность жизни и профессиональная успешность педагогов

Боголюбова О.В., Дьяченко Е.В.

Российский государственный профессионально-педагогический университет

В настоящей работе представлены результаты исследования зависимости осмысленности жизни как субъективной характеристики Я и успешности деятельности педагога системы среднего профессионального образования.

Проблема. Я-образ как характеристика субъектности человека обуславливает поиск релевантных и доступных эмпирическому изучению показателей. В качестве одного из таковых мы определяем осмысленность жизни. Наполненность жизни смыслом исследовалась в связи с психопатологией (Б.В. Зейгарник, 1971; Ю.А. Васильева, 1997; Е.Т. Соколова, 1991; J.S. Crumbaugh, 1968; I. Yalom, 1980 и др.), девиантным поведением (Ю.А. Васильева, 1995, 1997; Д.А. Леонтьев, 1997; А.Г. Белобородов, 1999), алкоголизмом (Б.С. Братусь, 1974, 1984; В.С. Хомик, 1985; Д.А. Леонтьев, В.Н. Бузин, 1992), наркоманией (В. Франкл, 1990), безработицей (М.В. Дмитриева, 1999), поздним возрастом жизни (В.В. Болтенко, 1980). Однако вопрос зависимости осмысленности жизни и профессиональной успешности остается открытым.

В нашей работе был сформулирован следующий исследовательский вопрос: осмысленность жизни коррелирует с успешностью профессионально-педагогической деятельности?

Участники и методики исследования. В исследовании приняли участие педагоги Нижнетагильского торгово-экономического техникума со стажем работы от 8 мес. до 35 лет ($M = 9.5$, $SD = 11.22$). Всего 33 женщины, возраст в диапазоне от 21 до 63 лет ($M = 34$, $SD = 13.3$).

Осмысленность жизни измерялась опросником Д.А. Леонтьева (1993) – адаптированной версией теста “Цель в жизни” (J.S. Crumbaugh, L.T. Maholick “Purpose-in-Life Test”, 1964) Успешность деятельности педагога системы среднего профессионального образования оценивалась 4-я независимыми экспертами по разработанному нами проекту параметров, который прошел эмпирическую экспертную валидизацию [1].

Зависимость показателей осмысленности жизни и успешности профессионально-педагогической деятельности изучалась посредством (1) корреляционного (Spearman) и (2) индуктивного анализов (U-Mann-Whitney).

Результаты. Корреляционный анализ. Показатель успешности профессиональной деятельности положительно коррелировал с показателями цели в жизни ($r = .439$, $p < .03$) и локуса контроля – Я ($r = .507$, $p < .01$); не коррелировал с показателями интереса и эмоциональной насыщенности жизни; удовлетворенности самореализацией и локуса контроля – жизнь. *Индуктивный анализ.* У педагогов с высокими показателями успешности деятельности выявлены более высокие показатели цели в жизни ($p < .05$) и локуса контроля – Я ($p < .01$), чем у педагогов с низкими показателями успешности деятельности.

Выводы. Высокоуспешных педагогов с сравнении низкоуспешными отличает наличие целей, придающих жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Педагоги с низкой успешностью деятельности находятся в ситуации поиска и неопределенности. Интересен факт, что и те, и другие разделяют представление о том, что человек способен осуществлять контроль над собственной жизнью, свобода в принятии решений и их реализации (отсутствие достоверных различий по шкале “локус контроля – жизнь”). Однако воплощают подобное представление в жизнь педагоги по-разному. Высокоуспешные педагоги ответственность за происходящие с ними события берут на себя, они способны контролировать свою жизнь, быть инициаторами происходящих с ними изменений. Низкоуспешные – не уверены в своей способности контролировать жизнь в соответствии со своими стремлениями и целями. Причину происходящих с ними как позитивных, так и негативных изменений они видят в других людях, в сечении обстоятельств и редко в себе.

Таким образом, изучение осмысленности жизни в зависимости от успешности профессиональной деятельности показало, что высокоуспешные педагоги в сравнении с низкоуспешными характеризуются наличием жизненных перспектив и их четкой определенностью, а также интернальным локусом контроля в отношении своего развития.

1. Дьяченко Е.В., Глуханюк Н.С., Эффективность профессионально-педагогической деятельности: опыт параметризации и экспертной валидации // *Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской академии образования.* – Екатеринбург. 2002. Вып. №1 (13). – С. 117-128.

УДК 159.947.3

Человек с инвалидностью как объект и субъект жизнедеятельности

Бондаренко Г.И.

Институт специальной педагогики и психологии

В нашей стране стало традицией воспринимать инвалидов исключительно как объектов, нуждающихся в покровительстве других лиц и социальных институтов. С самого рождения ребенка с физическими нарушениями опекает семья, в особенности матери и бабушки. Из кирпичиков жалости и всяческих опасений они усердно строят крепость «мы-концепции». До определенной степени это закономерный этап развития взаимоотношений, который сменяется разделением субъектов (матери и ребенка). Однако в ситуации фиксации «мы-концепции» разделение не происходит, и ребенок также начинает поддерживать имеющуюся у матери (бабушки) фиксацию, не мысля себе существования без взрослого [4].

В школьные годы ребенка-инвалида опекают профильные интернаты, после органы социального обеспечения или учреждения закрытого типа. Таким образом, государство отстраняется от решения проблем социальной адаптации инвалидов в обществе.

Но обвинять в очередной раз государство, которое в советские времена удовлетворяло потребности инвалида приличной пенсией, воспитав тем самым из него социального иждивенца, дело бесперспективное. Нынешняя власть лишена опекуной функции, а правовым гарантом выступает слабо. В разных городах, например, утверждены правовые акты о безбарьерной среде, которые практически не реализуются, но ни одна инвалидная структура по данному поводу не судилась с городскими властями. Потому что инвалид в качестве объекта с монархическим сознанием, считает, что социальные блага – добрая воля властных структур.

Общественное сознание постулирует относительно инвалидов пренебрежительное либо покровительственное отношение. Для «условно здоровых людей» маргинальность инвалидов очевидна. Поэтому структура межличностных взаимоотношений между «не-инвалидами» и инвалидами лишена элемента партнерства.

К сожалению, большинство инвалидов в силу чрезмерной интравертности собственной личности и отсутствию волевой регуляции (самомобилизации) мало усилий прилагают, чтобы перестать быть исключительно объектом. Для невротика, коим, бесспорно, является инвалид, подобная ролевая функция достаточно удобна, ибо сводит к минимуму влияние разного рода конфликтов на ранимую психику. Но такая адаптационная стратегия является ущербной, потому что лишает личность с инвалидностью переживаний полноты бытия – «пика- и плато-переживаний», а также не ведет к самоактуализации [6].

Изменить ситуацию может только качественное преобразование как сознания индивида с инвалидностью, так и общественного сознания. Понятие «инвалид» необходимо заменить словосочетанием «человек с инвалидностью». Человек в данном случае стоит на первом месте, а его инвалидность рассматривается только как одна из множества характеристик. Инвалидность не есть медицинская проблема. Инвалидность – это проблема неравных возможностей! Инвалидность – это ограничения в возможностях, обусловленные физическими, психологическими, сенсорными, культурными, законодательными и иными барьерами, которые не позволяют человеку с инвалидностью интегрироваться в общество на тех же основаниях, что и другие его члены. Поэтому общество обязано адаптировать существующие в нем стандарты к особым нуждам людей с инвалидностью, что делает их свободными, а жизнь – независимой [5].

Социальная адаптация человека с инвалидностью – это духовная самореализация в профессиональной и частной жизнедеятельности. Залогом успешной адаптации должно стать правильное отношение к собственному физическому недостатку как органичному элементу целостной жизнеспособной системы (субъекта) и выработка «волевой я-концепции», которая составит энергетическое ядро субъектной личности с инвалидностью. Содержание адаптации несет не приспособленческую, а преобразовательную функцию [7]. Таким образом, личность с инвалидностью не слепо усваивает социальные нормы, что ведет к потере индивидуальности, а качественно преобразует действительность, чем создает предпосылки для адекватного восприятия лиц с физическими нарушениями.

1. Адлер А., *Практика и теория индивидуальной психологии.* СПб, 2003, с 248.
2. Ботта Н., Ботта П., *Лечебное воспитание детей с двигательными расстройствами церебрального происхождения.* Л., 1964, с. 144.
3. Вовк А.И., «Инвалидность как качество и контекст в аспекте высшего образования инвалидов» // www.geocities.com/Heartland/Shores/9008/
4. Вовк А.И., «Мне кажется, инвалидность здесь не при чем» // www.geocities.com/Heartland/Shores/9008/
5. *К независимой жизни (пособие для инвалидов).* М., 2000, с. 259.
6. Маслоу А., *Мотивация и личность.* СПб., 2003, с. 351.
7. Посохова С. Т., *Психология адаптирующейся личности.* СПб., 2001, с. 240.

Самооценка и привязанность: перспективы будущих исследований

Борисова И.А.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В психологической литературе довольно давно существуют концепции, полно и развернуто описывающие процесс возникновения и развития самосознания и самооценки, как составной его части. В последнее время в отечественной и зарубежной литературе появляются публикации, описывающие связи самооценки ребенка с различными сферами его жизни, взаимовлияние самооценки и других психологических конструктов личности ребенка (связь самооценки ребенка с его уровнем притязаний, социальной компетентностью, общением со сверстниками, школьной успешностью, эмоциональным благополучием, депрессией и т.д.).

Особое место среди этих исследований неслучайно отводится изучению связи между общей самооценкой ребенка (понимаемой как общее принятие себя, осознание своей ценности и значимости) и его типом или степенью привязанности к матери. Эта тема действительно имеет огромное значение для развития психологической науки и практики. Привязанность и самооценка являются основными, базовыми конструктами личности ребенка, они формируются на ранних этапах онтогенеза и оказывают большое влияние на последующее психическое развитие

ребенка. В некоторых исследованиях даже встает вопрос о том, какой конструкт является первичным – большинство авторов, однако, придерживается классической позиции и отдает главенствующую роль привязанности.

Принимая во внимание особую значимость самооценки и привязанности для формирования особенностей личности, мы считаем крайне перспективным, изучить самооценку младших школьников с точки зрения типологического, дифференциального подхода, раскрыв и проследив особенности самооценки у детей с разными типами привязанности к матери. Конечно, невозможно исследовать траекторию развития самооценки каждого конкретного ребенка, но можно попытаться выстроить типологию различных вариантов развития, складывающихся в зависимости от различных факторов и условий. Это поможет не только расширить общую концепцию возрастной динамики самооценки, но также будет способствовать более глубокой и полной диагностике и коррекции проблем ребенка.

1. Бурменская Г.В. Типологический подход в возрастной психологии развития. Вестник МГУ. Серия 14. Психология, 2000, № 4.

2. Материалы всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи» в 3-х частях. Ч.1. Москва, 14-16 февраля, 2003.

3. Davis-Kean P.E., Sandler H.M. A meta-analysis of self-esteem for young children: a framework for future measures. Child Development, May/June 2001, Vol. 72, #3, pp.887-906.

УДК159.922.8

Исследование качества жизни подростков с различными соматическими заболеваниями

Борисова Т.В.

Воронежский государственный университет

В качестве одного из интенсивно развивающихся направлений в медицине является реализация психологического подхода к больному. Безусловно, личность пациента, его отношение к болезни, социальные условия влияют на лечебный процесс. Особенно психосоматический подход актуален в педиатрии, где развитие личности ребенка, его отношения к себе происходит непосредственно вместе с формированием его внутренней картины болезни. Следовательно, качество жизни ребенка, прежде всего, отражает уровень его личностного развития и благополучия.

Предметом данного исследования является изучение качества жизни у детей с хроническими соматическими заболеваниями. Согласно Всемирной организации здравоохранения качество жизни есть "восприятие индивидами их положения в жизни в контексте культуры и систем ценностей, в которых они живут, и в соответствии с их собственными целями, ожиданиями, стандартами и заботами" [1]. Данное определение предполагает субъективное отношение пациента к собственной жизнедеятельности. Оценка различий между качеством жизни здоровых и хронически больных подростков, а также внутри групп хронически больных подростков с различными заболеваниями, проводилась с помощью адаптированных шкал опросника SF-36: интегральная оценка своего здоровья (GH), оценка ограничений в выполнении физической деятельности (PF), оценка влияния физического состояния на каждодневную деятельность (RP), ограничения из-за боли (BP), активность (VT), социальной активности (SF), оценка влияния эмоционального состояния на каждодневную деятельность (RE), ощущение благополучия и хорошего настроения (MH). Достоверность различий значений по шкалам сравниваемых групп проверялась с помощью однофакторного дисперсионного анализа. Выборку составили 224 подростка (120 девушек и 120 юношей) со средним возрастом 13,5 лет. В нее вошли следующие группы подростков: подростки с сахарным диабетом I типа (61), с бронхиальной астмой (20), с хроническим гастритом (12), подростки с хроническими заболеваниями мочевой системы (85). Контрольную группу составили здоровые подростки (45). Согласно проведенному однофакторному анализу выборки можно предположить, что различия в оценке качества жизни по шкалам опросника SF-36 между выделенными группами являются более выраженными, чем случайные различия внутри каждой группы. Выделенные группы значительно отличаются в оценке качества жизни. Качество жизни хронически больных детей значительно ниже, чем здоровых (GH<55, PF<89, BP<78, VT<69, SF<85). Однако важно отметить, что даже у здоровых детей среднее значение по шкале генеральной оценки своего здоровья (GH) составляет 55 баллов (из 100) т. е., здоровые подростки оценивают свое здоровье в целом довольно низко. Для хронически больных подростков в целом характерны значимо низкие оценки собственного здоровья, они испытывают влияние физического и эмоционального состояния на их повседневную деятельность (например, для детей с хроническим гастритом RP=47, RE=52,7), для их жизни более значимы болевые ограничения (BP=24), низкая активность (VT=59) и ограничения в социальных связях (SF=76). Следует обратить внимание на тот факт, что пациенты с бронхиальной астмой и хроническим гастритом отмечают ограниченность в повседневной деятельности из-за боли (BP) и физического состояния в целом (RP). Для пациентов с хроническими заболеваниями мочевой системы характерны более высокие средние значения по указанным шкалам, но низкая оценка возможности социальной активности (SF=73). Полученные данные не противоречат логичной связи специфики протекания заболевания с его субъективной оценкой пациентом. Пациенты с сахарным диабетом I типа более высоко оценивают свое физическое и эмоциональное состояние (RP=70,5, RE=75,4), отмечают большие возможности в общении (SF=85,6) и выполнении всех видов активности (PF=89) по сравнению со здоровыми подростками. Подобная оценка своего состояния подростками, возможно, является защитным механизмом.

Данное исследование носит пилотажный характер. В качестве перспектив исследования следует отметить изучение специфических факторов и условий оценки качества жизни подростков с определенным заболеванием и разработку соответствующей программы психолого-педагогического сопровождения развития личности ребенка в условиях длительного лечения.

1. The WHOQOL Group. What Quality of Life // *World Health Forum*, 1996, 17, с. 354-356.

УДК 316.6

Образ «хорошего человека» в представлении различных возрастных групп

Браун О. А.

Кемеровский государственный университет

Представления о «хорошем» и «плохом», «правильном» и «неправильном», являясь конструктами, производным от системы ценностей могут быть рассмотрены как разновидность социальных представлений.

Социальные представления, как объект эмпирических исследований и теоретический конструкт разрабатывались в первую очередь французской школой С. Московиси с середины прошлого века [2; 3]. В теоретическом плане концепция социальных представлений наиболее четко была сформулирована в работе Д. Жоделе «Социальные представления: явление, понятие и теория». Именно её определение в настоящий момент считается наиболее полным: «Категория

социального представления обозначает специфическую форму познания, а именно знания здорового смысла, содержание, функции и воспроизводство которого социально обусловлены. В более широком плане социальные представления – это свойства обыденного практического мышления, направленные на освоение и осмысление социального материального и идеального окружения» [4, 276]. Таким образом, социальные представления – это элемент группового сознания, отраженный на индивидуальном уровне.

Исходя из этого, любая ценность с содержательной точки зрения может быть рассмотрена как социальное представление, более того на наш взгляд такой анализ в процессе изучения ценностей позволил бы получить весьма интересную информацию о том, какое именно наполнение ценностные ориентации имеют в сознании индивида или группы.

Основная проблема в изучении социальных представлений связана с их качественным и описательным характером. Чаще всего для этой цели используются метод незаконченных предложений, различного рода описания с последующим анализом документов. Нами для аналогичного изучения представлений о «хорошем человеке» был использован модифицированный вариант опросника М. Куна и Т. Мак-Партланда «Кто я?» («Двадцати утверждений самооотношения тест») [1]. По аналогичной инструкции испытуемым предлагалось дать 10 ответов на вопрос «кто такой хороший человек?». Далее все полученные ответы анализировались при помощи контент-анализа. Были выделены следующие категории: 1 блок – качества, связанные с процессом взаимодействия (порядочный, принципиальный, общительный и т.д.), 2 блок – индивидуалистические качества (властный, эгоистичный, уверенный в себе и т.д.), 3 блок – физиологические характеристики (красивый, здоровый, молодой, сексуальный и т.д.) 4 блок – качества, связанные с профессиональной самореализацией (исполнительный, профессионал, добросовестный и т.д.), к 5 блоку мы отнесли качества, которые сложно было классифицировать по каким-либо основаниям (например, «наш чувак», правильный, влюбленный, без криминального прошлого и др.). Нами были опрошены 245 человек в возрасте от 15 до 80 лет. По возрасту, все испытуемые были разделены на 4 группы: 1-от15до18лет; 2-от19до25 лет; 3-я от 26до55 лет; 4-от 56 и старше (группы составлены на основе классификации Э. Эриксона с учётом целей исследования). В целом из полученных определений (всего 1966) к 1-ому блоку относится 43%, к 2-ому блоку – 36%, к 3-ему – 9%, к 4-ому – 11% и к 5-ому – 1%. При анализе ответов по возрастным группам выявлена примерно та же картина:

(от 15 до 18 лет) – преобладают ответы 1 и 2 блока (38 и 36 % соответственно), то есть в образе «хорошего человека» проявляется сбалансированное сочетание индивидуалистических качеств и качеств, связанных с общением;

(от 19 до 25 лет) резко возрастает количество ответов, относимых ко второму блоку (индивидуалистические качества: самодостаточный, умный, эгоистичный, наглый и т.д.) сюда можно отнести 47% полученных ответов, для сравнения к 1 блоку относится 34%, а к 3-ему – 12% определений;

ответы респондентов 3-ей и 4-ой возрастной группы (26-55 и старше 56 лет соответственно) показывают между собой сходную картину (самое большое расхождение по 1-ому блоку – 6%), при этом акцент смещается в сторону определений, относящихся к 1-ому блоку (42 и 48 %) , т.е. качествам, связанным с взаимодействием: справедливый, культурный, воспитанный, открытый, отзывчивый и т. д; ко второму блоку определений относится 32 и 35 % ответов.

Существует еще целый ряд различий, проанализировать которые в данной работе не представляется возможным. В целом, на наш взгляд приведённые результаты отражают, во-первых, возрастные особенности групп, а во-вторых – подтверждают ценностную динамику в обществе.

Нам представляется весьма перспективным подобное изучение социальных представлений, так как это позволит с одной стороны рассмотреть содержание ценностных ориентаций и их возрастную динамику, с другой стороны полученная информация может быть использована в процессе воздействия на общественное сознание.

1. Андреева Г. М., *Психология социального познания: Учеб. пособие для студ. вузов.* М.: Аспект Пресс, 2000, 288 с.
2. Емельянова Т. П., Социокультурные представления – понятие и концепция: Итоги последнего десятилетия // *Психологический журнал.* 2001, №6.
3. Московиси С., Социальные представления: исторический взгляд // *Психологический журнал.* 1995, № 1, №2.
4. Шихирев П. Н., *Современная социальная психология.* М., Екатеринбург, 2000. 448 с.

Особенности личности интеллектуально одаренных и творчески одаренных младших подростков

Бучельникова Н.В.

Пермский государственный педагогический университет

В настоящее время в нашей стране наблюдается повышенный интерес к проблемам одаренности в целом и одаренности интеллектуальной и творческой в частности. Для поддержки одаренных школьников зачастую важно знать не столько особенности развития их когнитивных способностей, а те черты личности, которые присущи таким детям для повседневного общения с ними.

Целью нашего исследования стало экспериментальное изучение особенностей личности интеллектуально одаренных и творчески одаренных младших подростков.

Экспериментальное исследование проходило на базе пятых классов МОУ средней школы № 28 г. Перми в апреле 2003 года. В исследовании приняли участие 88 школьников. Были использованы следующие методики: Вербальный тест творческого мышления «Необычное использование» Дж. Гилфорда, краткий тест творческого мышления (фигурная форма) П.Торренса, тест структуры интеллекта Д.Векслера (детский вариант): субтест 3 (математический) и субтест 5 (словарный). Детский многофакторный личностный опросник Р.Б.Кеттелла.

В соответствии с полученными данными были выделены три группы школьников:

интеллектуально одаренные, творчески одаренные и подростки со средними показателями по тестам интеллекта и креативности. К интеллектуально одаренным подросткам мы отнесли ту группу испытуемых, чьи средние значения по субтестам 3 и 5 теста структуры интеллекта Д.Векслера превышали 30 баллов, т.е. высокие показатели (19 человек). Творчески одаренные младшие подростки – это группа испытуемых, чьи средние значения по тестам Дж. Гилфорда и П.Торренса были выше 60 баллов, т.е. высокие показатели (16 человек). А к третьей группе относятся те подростки, которые имеют средние показатели по данным методикам, т.е. от 15 баллов до 30 баллов по субтестам 3 и 5 теста структуры интеллекта Д.Векслера и от 40 баллов до 60 баллов по тестам Дж. Гилфорда и П.Торренса (53 человека).

Для выявления особенностей личности проводилось сравнения этих групп между собой, использовался Т-критерий Стьюдента; в результате были получены следующие данные:

- интеллектуально одаренные младшие подростки и их сверстники со средними показателями по коэффициенту интеллекта имеют значимые различия по следующим факторам: фактор А -аффектотимия-шизотимия (t-value -5,527, p***), фактор С -сила «Я»-слабость «Я» (t-value -4,487, p***), фактор D -возбудимость-флегматичность (t-value 2,705, p**), фактор О -гипотемия-гипертимия (t-value 2,577, p**) и фактор Q3 -контроль желаний-импульсивность (t-value -2,210, p*).

Очевидно, что интеллектуально одаренные школьники имеют некоторые отличительные черты личности. Этими чертами являются: стремление к уединенности, скрытности; беспокойство и эмоциональная нестабильность; неуверенность в себе и в своих способностях; боязнь и недоверие к окружающим людям.

- творчески одаренные младшие подростки и их сверстники со средними показателями по коэффициенту креативности различаются по следующим факторам: фактор А -аффектотимия-шизотимия (t-value -4,108, p***), фактор С -сила «Я»-слабость «Я» (t-value 2,693, p**), фактор D -возбудимость-флегматичность (t-value -3,804, p***), фактор F -сургенсия-десургенсия (t-value 2,854, p**) и фактор О -гипотимия-гипертимия (t-value -2,839, p**);

Следовательно, творчески одаренных подростков отличают от их сверстников, имеющих средние показатели, следующие черты личности: склонность к уединению, замкнутости, но наряду с ними выступает и противоположная черта – общительность; жизнерадостность; самоуверенность; смелость.

- группа интеллектуально одаренных младших подростков и группа творчески одаренных младших подростков показали различия по следующим факторам: фактор С -сила «Я»-слабость «Я» (t-value 5,544, p***), фактор D -возбудимость-флегматичность (t-value -6,219, p***) и фактор О -гипотимия-гипертимия (t-value -3,943, p***).

Интеллектуально одаренные и творчески одаренные школьники имеют следующие черты личности, которые отличают их друг от друга: творчески одаренные младшие подростки являются более эмоционально устойчивыми и спокойными, имеют адекватную самооценку; в отличие от них интеллектуально одаренные младшие подростки являются более эмоционально нестабильными и возбудимыми, неуверенными в себе.

По результатам исследования можно дать следующие практические рекомендации: интеллектуально одаренным подросткам необходимо уединение и возможность побыть наедине с собой, также в повседневном общении необходимо учитывать их склонностью к заниженной самооценке, возможно, такие дети требуют большей поддержки и внимания к их деятельности, собственным мыслям и проектам. Творчески одаренные младшие подростки общительны и склонны к широкому социальным контактам, их следует включать в активную общественную и творческую деятельность, тем более что они показывают большую эмоциональную стабильность и более спокойно относятся к критике и собственным ошибкам, чем их интеллектуально одаренные сверстники.

УДК 159.923.2

Уверенность в себе как источник личностного самоопределения в период взрослости

Будич Н.Ю., Морозова И.С.

Кемеровский государственный университет

Базовым для понимания природы личностного самоопределения является "принцип детерминизма", предложенный С.Л. Рубинштейном, согласно которому "внешние условия не прямо и непосредственно определяют конечный результат, а преломляясь через действие внутренних условий, собственную структуру данного тела или явления" [5, 287]. В этом контексте самоопределение выступает как самодетерминация, в отличие от внешней детерминации, а в понятии "самоопределение" выражается активная природа "внутренних условий", через которые преломляются внешние воздействия [5]. Таким образом, важную роль в личностном самоопределении играет активность.

К.А. Абульханова-Славская полагает, что активность "выступает как личностный способ соотношения себя с другими людьми, определение своей позиции и тем самым самоопределение" [1, 11]. Она описывает "модель пространства личностной активности", которая состоит в сочетании личностью внешних социально-психологических и собственно личностных опор активности. То есть, личность наряду с собственными критериями и ценностями в большей или меньшей степени руководствуется также и групповыми нормами и ценностями, и в зависимости от этого является более самостоятельной, автономной или более зависящей от внешних опор [1].

Многие психологи, изучая личностное самоопределение, делают акцент на нахождении личностью своей "внутренней сути", они ставят на первое место познание человеком самого себя, благодаря чему он определяет свое собственное отношение к жизни и свое место в ней.

Другие рассматривают личностное самоопределение как процесс, который подразумевает "поиск цели и смысла своего существования" [2, 381], формирование у индивида осознания цели и смысла жизни [6] и который происходит относительно ценностей, существующих в обществе, с целью выделения и обоснования для себя ценностно-смысловых оснований собственной жизненной концепции [7]. Этот аспект личностного самоопределения называют ценностно-смысловым [3].

Кроме ценностно-смыслового аспекта личностное самоопределение обладает пространственно-временным аспектом, который выражается в постановке целей, планировании, реализации замыслов в деятельности и тем самым в конструировании личностью своего "жизненного поля"[3]. На наш взгляд, на оба указанных аспекта личностного самоопределения оказывает влияние собственная активность личности, которая связана с уверенностью в себе. То есть, чем более человек уверен в себе, тем он будет более активен, будет чаще опираться на свои "внутренние опоры" и будет более не зависимым от ситуации и от других людей. Из чего мы сделали предположение, что уверенность в себе выступает как источник самоопределения личности.

Относительно "уверенности" мы придерживаемся точки зрения И.Л. Зиновьевой, что все явления, связанные с ней, следует рассматривать как целостный симптомокомплекс, представляющий собой поведенческое описание некоторого гипотетического единого механизма [4]. Среди его составляющих описывают такие как высокая стабильная самооценка, принятие себя и позитивное отношение к себе, наличие навыков уверенного поведения, а также самооценки собственного поведенческого репертуара и вера в его эффективность.

С целью подтверждения предположения о том, что уверенность в себе выступает как источник личностного самоопределения, мы провели эксперимент, в котором участвовали взрослые люди в возрасте от 35 до 55 лет, находящиеся на инвалидности по различным заболеваниям. Среди членов данной группы показатели личностного самоопределения (осмысленность жизни, удовлетворенность самореализацией, наличие целей в будущем и принятие на себя ответственности), также как и показатели уверенности в себе (самооценка, проявление смелости, самоуважение и самоуверенность) оказались заниженными.

С испытуемыми были проведены тренинговые занятия по повышению уверенности в себе и сеансы аутогенной тренировки (психологическая разгрузка), способствующие снятию психологического напряжения. После участия в этих занятиях у многих участников группы наблюдалось установление позитивного отношения к себе, повышение самооценки и стрессоустойчивости (силы "Я"), развитие навыков уверенного поведения. Вместе с тем у них повысился уровень восприятия своей жизни как целостной и осмысленной, в связи с чем они начали ставить цели, придающие жизни направленность и временную перспективу. Повысился уровень ответственности за происходящие события и за жизнь в целом. Исходя из полученных результатов, мы полагаем, что уверенность в себе действительно является источником личностного самоопределения.

2. Божович Л.И., *Личность и ее формирование в детском возрасте*. М., 1968, с. 464
3. Гинзбург М.Р., *Психология личностного самоопределения: автореферат*. М., 1996, с.60
4. Зиновьева И.Л., *Влияние уверенности на организацию мыслительной деятельности*: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1989.
5. Рубинштейн С.Л., *Проблемы общей психологии*. М., 1976, с. 418.
6. Сафин Е.Ф., *Психология самоопределения личности*. Свердловск, 1986, с. 142.
7. Шибаева М.М., "Человеческая субъективность и культура" // *Культура, человек и картина мира*. М., 1987, С. 135-167.

Влияние акцентуации на профессиональное развитие медицинских работников

Бурдина Е.

Психологический факультет Зеленодольского филиала ИЭУП

Профессиональное развитие - это качественные и прогрессивные изменения в психике человека, обеспечивающие успехи его профессионального становления. Важной составляющей профессионального развития являются физические изменения, оптимизирующие деятельность, связанную с конкретной профессией. Профессиональное развитие – это не только процесс формирования специалиста в период его учебы и на начальном этапе его профессиональной деятельности, а длительный процесс, протекающий на протяжении всей трудовой жизни человека.

Уровень индивидуальных достижений в труде определяется личностными возможностями и психологическими особенностями человека. В своем исследовании мы пытались выявить связь между типом акцентуации характера и профессиональным развитием медицинских работников. Также рассматривалась проблема эмоционального выгорания, как негативного фактора в профессиональном развитии личности.

Исследованием было охвачено 75 медицинских работников женского пола, в возрасте от 25 до 55 лет, со стажем от 2 до 35 лет. Из них 23 медицинских специалиста старшего звена (врачи) и 52 испытуемых представляли средний медицинский персонал.

Исследование показало, что у всех медицинских работников четко выражен эмотивный тип акцентуации. Средний показатель по шкале выраженности эмотивного типа у испытуемых равен 72,5%, при этом индивидуальный максимальный показатель равный в диапазоне 18 - 24 баллов был у 50 человек, минимальный (12 - 15 баллов) - у 25 человек. Причем у среднего медицинского персонала эмотивный тип выражен ярче, чем у врачей. Таким образом, можно сделать вывод, что эмотивный тип акцентуации определяет профессиональный выбор представителей женского пола, влияя на их решение стать работниками медицинской сферы. Характерные качества эмотивного типа личности (люди данного типа редко вступают в конфликты, обиды носят в себе, не "выплескивают" на окружающих, присуща доброта, сострадательность, обостренное чувство долга, исполнительность) благоприятны для профессиональной деятельности медиков. Они способствуют позитивному взаимодействию медицинских работников с их пациентами.

В ходе проводимого исследования нами выявлялась зависимость между акцентуацией характера и эмоциональным выгоранием. Проблема эмоционального выгорания медицинского персонала является актуальной социальной проблемой. Следствием эмоционального выгорания могут быть нарушения отношений между медицинскими работниками и больными (проявлением таких нарушений являются черствость, грубость, равнодушие и т.д.); снижение работоспособности специалиста, эффективности выполнения им профессиональных обязанностей. Анализируя показатели эмоционального выгорания испытуемых в сравнении с данными по типу акцентуации, мы получили следующие результаты:

Менее выгораемыми оказались медицинские работники, имеющие выраженный педантичный тип акцентуации характера.

Медицинские работники с тревожным типом акцентуации попадают в группу риска эмоционального выгорания чаще, чем люди с другими типами.

К факторам, влияющим на эмоциональное выгорание можно отнести среду, в которой работает специалист и специальность (врач, мед.сестра, фельдшер и т.д.). Так как показал наш эксперимент более «выгораемыми» оказались врачи, особенно хирурги.

Фактором, способствующим выгоранию, можно считать и стаж профессиональной деятельности.

УДК 159.9

Взаимосвязь эмоциональной близости с различными уровнями супружеского взаимодействия

Велента Т.Ф.

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка

Тезис о том, что эмоциональные узы (любовь, эмоциональная близость) – основной фактор, скрепляющий супружеские союзы, является вполне доказанным. Для определения эмоциональной связи, близости или привязанности членов семьи Черниковым А.В. [2] был введен термин «сплоченность». Он используется для описания степени, до которой члены семьи видят себя как связанное целое. Сплоченность семьи зависит от совместности супругов. Чаще всего под ней понимается совпадение, подобие социальных позиций, психических процессов и свойств, сходство ценностных ориентаций, интересов, установок, взглядов на жизнь, проявляющихся на различных уровнях супружеского взаимодействия: перцептивном, ролевом, ценностно-ориентационном. О сложившихся в паре эмоциональных отношениях можно также судить по ощущению удовлетворенности – неудовлетворенности браком. Оно по своей природе является обобщенной эмоцией, генерализованным переживанием, когнитивная оценка которого позволяет судить о качестве семейных отношений [1].

В исследовании приняли участие 60 супружеских пар, разделенных на две группы по стажу брака: молодое супружество (стаж брака до 6 лет) и зрелое супружество (стаж брака 18 – 26 лет). Эмоциональная близость в супружеских парах исследовалась с помощью методики «Измерение психологической дистанции» (Медведская Е.И.). Для изучения различных уровней супружеского взаимодействия использовался следующий ряд методик: опросник ПЭА (понимание, эмоциональное притяжение, авторитетность), разработанный А.Н. Волковой (модификация В.И. Слепковой), методика «Ролевые ожидания и притязания в браке» (А.Н. Волкова), методика исследования ценностных ориентаций (М. Рокича), опросник удовлетворенности браком (В.В. Столин, Г.Л. Романова, Г.П. Бутенко). Результаты корреляционного анализа (отдельно для мужчин и женщин) показали, что длина психологической дистанции статистически не связана с показателями ролевой структуры семьи. Анализ взаимосвязи психологической дистанции с другими переменными свидетельствует о том, что и у мужчин, и у женщин с увеличением стажа брака роль тех или иных параметров межличностного восприятия, влияющих на эмоциональную близость, меняется. У молодых женщин эмоциональная близость с супругом связана с ощущением уважения к нему ($r=-0,65$; $p\leq 0,05$) т.е. чем выше уровень

значимости и принятия супруга как личности, чем больше разделяется его мировоззрение, интересы, чем ближе его ценности и идеалы, тем более тесной оказывается эмоциональная связь с ним. В свою очередь восприятие супруга как авторитетной личности связано с ощущением его привлекательности, с эмоциональным притяжением к нему ($r=0,83$; $p \leq 0,05$). Это выражается в желании находиться как можно больше времени рядом, общаться с ним, включаться в совместную деятельность. Само по себе присутствие супруга может оказывать позитивное терапевтическое воздействие, что благотворно влияет на общий эмоциональный фон семьи и ощущение удовлетворенности браком ($r=0,69$; $p \leq 0,05$). Возникновение эмоциональной близости с супругой у молодых мужчин в значительной мере не связано ни с одной из изучаемых переменных. Однако длина психологической дистанции у 83% из опрошенных минимальная (соответствует зоне симбиотических отношений), что может указывать на присущую молодым мужчинам склонность к слиянию. Для женщин зрелого возраста переживание эмоциональной близости к супругу в большей степени связано с эмоционально-психологическими факторами ($r=-0,62$; $p \leq 0,05$). Это прежде всего переживание позитивного отношения к личности партнера, к его поступкам, действиям, необходимость в проявлении нежности, заботы, внимания со стороны супруга, желание получать психологическую поддержку, ощущать безопасность, что в свою очередь связано с удовлетворенностью браком ($r=0,77$; $p \leq 0,05$). Для зрелых мужчин степень эмоциональной близости с супругой взаимосвязана с получением от нее эмоциональной поддержки, заботы, нежности, внимания ($r=-0,61$; $p \leq 0,05$), что, как правило, сопровождается общей положительной оценкой своего брака ($r=0,59$; $p \leq 0,05$).

Таким образом, перцептивный уровень супружеского взаимодействия, включающий особенности восприятия личностных свойств партнера и их оценку, эмоциональное созвучие, духовную общность, оказывает наибольшее влияние на эмоциональную близость супругов. Именно этот уровень супружеского взаимодействия обуславливает общий эмоциональный фон семьи.

1. Столин В.В., Романова Г.М., Бутенко Г.П., «Опросник удовлетворенности браком» // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, психология*, 1984, №2.
2. Черников А.В., *Интегративная модель системной семейной психотерапевтической диагностики*. М., 1997.

УДК 612.821

Определение группы риска в практике боевых искусств с позиций нейропсихологии

Венкатеш К.

Московский государственный университет

В настоящее время круг нейропсихологических исследований, проводимых в различных сферах деятельности человека, значительно расширился. Однако в русле спортивной психологии количество исследований, имеющих нейропсихологическую базу, невелико, еще меньше их в направлении спортивных единоборств. В таких спортивных областях, как художественная и спортивная гимнастика, плавание, теннис, легкая атлетика и самбо проводилось изучение связи типа профиля латеральной организации и успешности в спортивной деятельности [1]. Что касается восточных боевых искусств, то этот подход по отношению к ним не применялся. Таким образом, актуальность изучения проблемы вклада нейропсихологических факторов в процесс занятий боевыми видами искусств (в частности, карате) обусловлена тем, что наблюдается практическая неразработанность данного вопроса на фоне повышенного интереса молодежи к различным видам единоборств.

В спортивной психологии неоднократно отмечалось, что существуют разные уровни агрессивного поведения, одни из которых продуктивны и желательны, другие носят деструктивный характер [2, 3]. В боевых видах искусств оптимальным является сочетание высокого уровня агрессии с высокой степенью самоконтроля. В рамках проведенного нами исследования была выдвинута гипотеза, что существует группа риска при обучении боевым видам искусств, которую можно диагностировать с нейропсихологических позиций. Под группой риска понимаются люди, у которых в процессе тренировок проявляется повышенная агрессивность и тревожность в совокупности с низким уровнем контроля над этими качествами. При взаимосвязи практическая характеристика этой группы может быть потенциально опасной не только в спортивной, но и в повседневной деятельности.

В исследовании использовались 3 комплекса методик: 1 - направлен на выявление профиля латеральной организации [4] (опросник Аннет; моторные пробы: «переплетение пальцев кистей», «поза наполеона», «тест на аподирование», «динамометрия», «теппинг – тест»; оценка слухоречевой асимметрии: дихотомическое прослушивание; оценка зрительной асимметрии: проба Розенбаха, тест «карта с дырой»); 2 - ориентирован на изучение эмоционально-личностной сферы [5] (методики Спилбергера, Г.Айзенка, Тейлора, Рабиновича, тест форм агрессии А. Басса и А. Дарки в адаптации А.К. Осницкого, диагностика уровня эмпатии В.В. Бойко); 3 - представляет собой педагогическую оценку успешности спортивной деятельности (федеральные контрольные нормативы общей физической подготовки; профессиональная прикладная подготовка; контрольные нормативы технической и тактической подготовки по карате; участие в соревнованиях).

В выборку вошли студенты 1-5 курсов технических и гуманитарного ВУЗов Москвы (МГАПИ, МГТУ им. Баумана, РГГУ), проходящие обучение в секции карате в рамках программы физ. воспитания. На первом этапе было проведено измерение мануальной асимметрии у 210 студентов мужского пола. Затем были сформированы 2 группы (по 20 человек каждая), в которые вошли обладатели самой высокой степени левосторонней и правосторонней асимметрии, с ними были проведены комплексы вышеуказанных методик.

Предварительная обработка результатов показала, что для группы левшей (пло – ллл) характерны низкие показатели по параметрам агрессии, тревожности, гнева и высокие – по эмпатии, радости. При этом проявления эмоциональной сферы в группе левшей управляемы. Распределение в группе правшей (пло – ппп) иное - наблюдается преобладание высоких оценок по агрессии, тревожности, средних – по радости и низким – по эмпатии. Кроме того, в этой группе был выявлен пониженный контроль эмоциональных состояний, что является основным критерием отнесения правшей к группе риска. Таким образом, группу риска составили обладатели правосторонней асимметрии в 3 сферах (мануальной, зрительной, слухоречевой).

Подводя первые итоги проведенного исследования, можно сделать вывод, что выдвинутая гипотеза подтвердилась – группа риска при обучении боевым видам искусства существует, и ее можно диагностировать с нейропсихологических позиций. Поскольку эмоционально-личностная специфика, свойственная группе правшей, требует повышенного внимания, начиная с самых ранних этапов тренировок, в дальнейшем предполагается разработка рекомендаций тренерам по подготовке данной категории учащихся к спортивной деятельности в области боевых искусств.

1. Хомская Е.Д., Ефимова И.В., Будыка Е.В. и др., *Нейропсихология индивидуальных различий*. М., 1997, с. 222
2. Брайент Дж.Кретти., *Психология в современном спорте*. М., 1978, с. 116
3. Уэйнберг Р. С., Гоулд Д., *Основы психологии спорта и физической культуры*. Киев, 1998, с. 292
4. Хомская Е.Д., Привалова Н.Н., Ениколопова Е.В. и др., *Методы оценки межполушарной асимметрии и межполушарного взаимодействия*. М., 1995
5. Карлинская И.М., *Психодиагностические материалы*. М., 1999

Изучение феномена погруженности в сеть: количественные или качественные критерии?

Виданова Ю.И.

Липецкий государственный технический университет

Интернет в нашей стране появился сравнительно недавно, в 90-х годах прошлого столетия. Однако темпы роста Сети впечатляют. Число пользователей в России уже превысило 10 млн. человек [4]. Таким образом, Интернет всё больше внедряется во все сферы нашей жизнедеятельности и влияет на них. Это одна из перспективных возможностей обеспечения кросскультурного взаимодействия [1,2]. Интернет-игры могут выполнять функцию психологической разгрузки, играть роль психологического тренинга. Выделяют также и негативные последствия работы информационных технологий: Интернет-аддикцию, игровую наркоманию и хакерство [3]. Поэтому изучение психологических аспектов деятельности в Интернете является актуальной задачей на сегодняшний день.

В ходе исследования, проведенного нами на базе ЛГТУ, были выделены и изучены особенности восприятия и особенности самопринятия Интернет-сообщества пользователями с разной степенью погруженности в Сеть. Для того чтобы поделить выборку испытуемых (студенты 1 и 5 курсов, N=40) на менее погруженных и более погруженных, была специально разработана анкета «Интернет и личность». Критериями погруженности выступили частота использования Интернет-ресурсов и среднее количество часов, проводимых пользователями в Сети одновременно (т.е. количественные критерии). Первую группу (n1=15) составили пользователи с большой погруженностью, т.е. они проводят в сети более 2 часов ежедневно. Вторая группа (n2=25) – пользователи с небольшой погруженностью, одновременно проводящие в Интернете от 0,5 до 2 часов.

В качестве основного метода был использован Личностный Дифференциал (ЛД) – модификация классической техники семантического дифференциала Ч. Осгуда. Также использовались такие методики, как тест «Несуществующее животное» М.З. Дукаревич и тест двадцати утверждений на самоотношение М. Куна и Т. Мак-Паргленда. Полученные в ходе исследования данные, позволили сделать следующие выводы.

1. Пользователи Интернета не испытывают трудностей в самопринятии, в принятии своего физического и социального «Я». 70% погруженных пользователей и 86% непогруженных пользователей принимают своё «Я» [5].

2. В присоединяющей составляющей Я-концепции испытуемые выделяют такую категорию, как пользователь Интернета. Пользователи с меньшей погруженностью идентифицируют себя чаще с этой категорией (40%), чем пользователи с большей погруженностью (20%).

3. Пользователи с большей погруженностью в Сеть несколько дистанцированы от остальных членов Интернет-сообщества – «одиночки». В тоже время они осознают свою принадлежность к этой социальной группе. Менее погруженные пользователи также характеризуются индивидуализацией своего «Я», но испытывают зависимость от Интернет-сообщества, им важна поддержка этой группы.

Сделанные выводы позволяют сравнивать погруженных в Интернет с людьми, погруженными в другие, так называемые «группы по интересам». Это, например, рок-клубы, джаз-клубы, клубы любителей покера, дамские клубы и т. д. Следовательно, не совсем верно признавать критерием погруженности только лишь количественные (временные) показатели. Необходимо разрабатывать иные критерии, в частности качественные или психологические. Например, возможно судить о степени погруженности по элементам моторики, проявляющимся у пользователей во время работы в Интернете, и по эмоциональному отношению, эмоциональному реагированию на события или информацию, получаемую на Интернет-ресурсах.

Элементы моторики целесообразно изучать при помощи наблюдения. Чтобы изучать эмоциональное реагирование, необходимо разрабатывать новый методический инструментарий или же модифицировать имеющиеся методики. Возможно исследование данного аспекта через мотивационные структуры личности. Например, через мотивацию «потока» (опыт «потока»), описанную у Войскунского А. Е. и Смысловой О. В [3] применительно к деятельности хакеров.

1. Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е. «Психологические последствия информатизации»// *Психологический журнал*, 1998, т.19, №1.
2. Васильева И.А., Осипова Е.М., Петрова Н.Н. «Психологические аспекты применения информационных технологий» // *Вопросы психологии*, 2002, №3.
3. Войскунский А.Е., Смылова О.В. «Роль мотивации «потока» в развитии компетенции хакера»// *Вопросы психологии*, 2003, №4, С.35-43.
4. Скрипюк И.И. «Интернет: политическая реклама и PR»// *Общество и политика*. СПб., 2000.
5. Чудова Н.В. «Особенности образа «Я» жителя Интернета»// *Психологический журнал*, 2002, т.23, №1.

Образ времени как социальное представление

Виценко В.О.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Рассмотрение временной структуры личности позволяет охарактеризовать ее как сложную многоуровневую структуру. Основой внутренней организации времени является простое ощущение длительности, во многом связанное с физико-биологическим статусом человека. Этот уровень временной организации как правило неосознаваем.

Условием сознательной организации времени является усвоение принятых в данной культуре темпоральных знаковых систем и формирования в высшей степени семиотизированных социальных временных форм, представленных в сознании индивида в совокупности с правилами оперирования и законами их функционирования. Подчеркивая факт социального конструирования времени, Э.Дюркгейм включал его в социальную сферу, определяя как коллективное представление. Кроме того, Э.Дюркгейм отмечал культурную относительность времени, отмечая различные формы проявления темпоральных систем и отношения к ним в разных типах обществ.

П.Сорокин и Р.Мертон отмечали, что временные системы варьируются вместе с социальной структурой, а время является не просто количественной шкалой, но связано с содержанием социальных процессов и в разных типах обществ течет по-разному.

Таким образом, образ времени, присущий определенному типу общества связан с характеристиками процессов, происходящих в данной социальной среде, системой ценностей, способов интерпретации действительности и т.д.

Таким образом, индивидуальный образ времени в значительной степени является системой культурных временных значений, темпоральных норм, ценностей, ритмов и способов временной регуляции, принятых в конкретной социальной системе. Их усвоение происходит в процессе взаимодействия с социумом, практической деятельности и т.п.

Таким образом, образ времени можем быть рассмотрен как социальное представление (СП).

Исследование образа времени у представителей различных религиозных конфессий.

Исследования культурологов позволяют выделить несколько концепций времени, доминирующих в разные исторические периоды в различных типах обществ: линейная концепция времени современного общества, циклическая концепция времени, свойственная архаическому обществу и ее более поздняя эволюционная форма, основанная на понимании «повторения без повторения» и привнесении в циклическую модель характеристик линейности.

Специфика временной модели, присущей определенной культуре или обществу связана с системой социальных практик, ценностей и нормативов, характеризующих когнитивный строй культуры. Представления о времени и его свойствах являются важными составляющими «идентификационной матрицы» социальной структуры.

Согласно представлению о внутренней организации СП, мы предлагаем рассматривать структуру представления о времени как иерархически организованную, состоящую из элементов центральной системы (берущих истоки из коллективной памяти группы, являющихся результатом социального консенсуса, отличающихся высокой устойчивостью к изменениям и являющихся генератором значения представления в целом) и периферийных элементов (отличающихся большей индивидуальной вариативностью, гибкостью, терпимостью к противоречиям и высокой чувствительностью к сиюминутному контексту).

Мы предполагаем, что у представителей различных социальных формаций внутреннее содержание и структура представлений о времени будет обладать как общими чертами, связанными с универсальностью феномена, так и индивидуальными чертами.

В качестве объектов оценки были выбраны два понятия: «Я» и «ВРЕМЯ вообще», а так же графические объекты, изображающие временные формы, описанные в исследовании Н.Ю. Григоровской.

Предлагаемый респондентам пакет методик содержал:

Анкету конфессиональной принадлежности

Модифицированную методику исследования социальных представлений «идеографическая матрица»

Задание дать собственное определение понятию «время»

Семантический дифференциал, разработанный В.Ф.Петренко

Семантический дифференциал, разработанный Е.И. Головахой и А.А. Кроником для исследования индивидуального времени

В качестве объектов оценки были выбраны два понятия: «Я» и «ВРЕМЯ вообще», а так же графические объекты, изображающие временные формы, описанные в исследовании Н.Ю. Григоровской.

Обработка результатов методик «идеографическая матрица» и «определение понятия «ВРЕМЯ» позволит приблизиться к пониманию содержания представления о времени.

Анализ результатов методики «семантический дифференциал» позволит оценить внутреннюю структуру представления, содержание ядерной и периферийных систем у приверженцев разных религиозных течений, а так же обнаружить тенденции к предпочтению той или иной временной модели в данных группах.

УДК 159.923.2

Взаимосвязь стратегии поведения личности в конфликтной ситуации с уровнем её тревожности

Волгач Г.А.

Воронежский государственный университет

Каждому из нас, так или иначе, приходилось сталкиваться с конфликтными ситуациями. К сожалению, для многих людей характерно неумение находить достойный выход из них. Кроме того, как только возникает конфликт, а он всегда связан с эмоциями, мы начинаем испытывать дискомфорт, напряжение, которые могут привести к стрессовым ситуациям, нанося тем самым немалый ущерб здоровью участников конфликтов. Поэтому человеку необходимо иметь хотя бы элементарные представления о конфликтах, способах поведения при их возникновении. Таким образом, рассматривая поведение личности в конфликтной ситуации, требуется учитывать эмоциональное состояние и уровень тревожности этой личности в данный момент.

Это и побудило нас предпринять исследование, целью которого было изучение взаимосвязи стратегии поведения личности в конфликтной ситуации с уровнем её тревожности.

Объектом исследования выступило поведение личности в конфликтных ситуациях, а его предметом – особенности поведенческих стратегий, используемых людьми в конфликтах в связи с присущим им уровнем тревожности.

В психологии конфликт определяется как столкновение, противоборство противоположно направленных, несовместимых друг с другом тенденций в сознании отдельно взятого индивида, в межличностных взаимодействиях или межличностных отношениях индивидов или групп людей, связанное с отрицательными эмоциональными переживаниями. Конфликт – это противоречие. Но не всякое противоречие становится конфликтом. Для его возникновения необходим ряд дополнительных условий. Прежде всего, противоречие должно осознаваться человеком и при этом восприниматься как значимая для него проблема, требующая решения. Именно эта важнейшая особенность конфликтов порождает сопутствующие им эмоциональные переживания [3].

Поскольку мы изучаем стратегии поведения человека в конфликте в связи с его тревожностью, кратко охарактеризуем её.

Синонимами понятия “тревожность” в повседневном языке являются такие слова, как беспокойство, страх, опасение, боязнь. Согласно теории тревожности, разрабатываемой зарубежными и отечественными психологами (Р. Кеттелл, Ч.Д. Спилбергер, Ю.Л. Ханин и др.), существует два основных её вида: личностная тревожность (устойчивая черта личности, которая формируется и закрепляется уже в детстве) и ситуационная тревожность (внешнее проявление тревожного поведения индивида в конкретной ситуации) [1].

При неблагоприятных социальных условиях повышенная тревожность может способствовать возникновению конфликтов как внутриличностных, так и межличностных.

Нас заинтересовало, каковы особенности поведения старших школьников в ситуациях конфликта. Мы исходили из предположения о том, что стратегия поведения личности в конфликтной ситуации взаимосвязана с уровнем её тревожности.

Базой предпринятого нами исследования послужили гимназия им. Н.Г. Басова при Воронежском госуниверситете и шахматный клуб г. Воронежа. В исследовании приняли участие 40 человек старшего школьного возраста (16-19 лет). Были использованы два теста: 1) шкала личностной и ситуационной тревожности Ч.Д. Спилбергера [4]; 2) тест описания поведения К. Томаса [2].

На основе полученных результатов можно констатировать, что 72,5% опрошенных имеют средний уровень тревожности, 17,5% – высокий и только 10% – низкий.

Следует отметить, что чем выше уровень тревожности личности, тем менее эта личность склонна к соревнованию. В этом случае подростки ищут выход из конфликта путём его избегания. Испытуемые же с низким уровнем тревожности чаще используют стратегии соревнования и сотрудничества, так как они не сомневаются в правильности

своих намерений и принимаемых ими решений. К приспособлению прибегают в основном подростки со средним уровнем тревожности.

Таким образом, наша гипотеза подтвердилась: стратегия поведения индивида в конфликтной ситуации связана с определенным уровнем его тревожности. Проведенное исследование убедило нас в том, что необходимо продолжать психологическое изучение конфликтов с целью их предотвращения, а также эффективного управления в случае их возникновения.

1. Астапов В.М., *Тревога и тревожность*. СПб., 2001, с. 256.
2. Болотова А.К., Макарова И.В., *Прикладная психология*. М., 2001, С. 297-299.
3. *Психология. Учебник* / Под. ред. А.А. Крылова. М., 2000, С. 356-384.
4. Ханин Ю.Л. *Краткое руководство к шкале реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера*. Л., 1976, с. 18.

УДК 159.922

Изучение критических ситуаций в контексте психобиографического подхода: теория, методология, методика исследования

Волкова Н.В.

Московский педагогический государственный университет им. В.И. Ленина

Психобиографический подход в отечественной науке является молодым направлением психологического исследования жизненного пути, но уже сейчас может выступать прочной теоретико-методологической базой изучения психологических ситуаций и позволяет целостно рассмотреть ситуационную специфичность деятельности человека и его способов взаимодействия с миром. Кроме того, в контексте психобиографического подхода разработан надежный методический инструментарий, адекватно решающий задачу исследования особенностей взаимодействия человека и ситуаций.

Перспективное направление психологического исследования жизненного пути человека имеет своим истоком событийно-биографический подход, основателями которого в отечественной психологии являются Б.Г. Ананьев и С.Л. Рубинштейн. Введенное в 1936 г. С.Л. Рубинштейном определение «события жизненного пути» как поворотного этапа, на котором принимаются важные решения на длительное время, стало центральным в многочисленных исследованиях организации событийной структуры жизненного пути, проблем личностно-ситуационного взаимодействия, индивидуального стиля и стратегии жизни. Научное осмысление индивидуального стиля жизни, отражающего единство всех жизненных проявлений человека как индивидуальности (по Б.Г.Ананьеву) постулируется здесь как необходимое условие понимания жизни как предмета психологического исследования.

Процесс жизнедеятельности в контексте психобиографического подхода представляется как цепочка взаимодействий человека с жизненными ситуациями различной степени значимости (с событиями повседневности либо поворотными, критическими) и различного «масштаба» (от отдельных ситуаций, в которых осуществляется та или иная деятельность до построения стратегии жизни).

Рассматривая модель субъект-объектного взаимодействия, предлагаемую А.А.Кроником, Р.А.Ахмеровым, можно выделить условия, при которых психологическая ситуация будет становиться для субъекта критической. Субъект, опираясь на сформировавшийся у него образ ситуации, принимает решение относительно целей своей деятельности в ней, причем на выбор оказывает влияние субъективная значимость объекта и субъективная возможность его достижения. Совокупность этих факторов выступает основой формирования общей мотивации субъекта к объекту: чем больше мотивация, тем с большей вероятностью объект станет целью деятельности в конкретной ситуации. В случае сильного несоответствия степени значимости целей и возможности их достижения в конкретных жизненных условиях при наличии определенных особенностей субъективной репрезентации этих условий ситуация с большой степенью вероятности будет оцениваться и переживаться субъектом как критическая, несущая угрозу психологическому и (или) физическому здоровью.

В связи с тем, что ситуация является своего рода «экраном», на котором проявляются скрытые от внешнего наблюдения черты личности, склонности, мотивы, ценности и система смыслов, значимые цели, исследование типа ситуаций, воспринимаемых человеком как критические, а также способов его взаимодействия с различными ситуациями открывает широкие диагностические и психотерапевтические возможности. В силу того, что критические ситуации «затрагивают» некоторые базовые, имеющие высокую значимость для субъекта ценности (невозможность реализовать которые в конкретных жизненных обстоятельствах и является психологической сущностью и причиной кризисного состояния), их специфика определенным образом сигнализирует об актуальном личностном состоянии субъекта, о возможных нарушениях личностного развития.

Биографический метод, разработанный на основе идей Б.Г.Ананьева о жизненных событиях внешнего и внутреннего мира как единицах жизненного пути, дает уникальную возможность изучить стабильность и изменчивость поведения личности сквозь призму времени и в зависимости от ситуации; позволяет исследовать вариант выбора или избегания личностью тех или иных социальных ситуаций, а также сами ситуации, в которые попадает личность на своем жизненном пути. Созданные в русле психобиографического подхода методики исследования жизненных ситуаций («Психологическая автобиография» Е.Ю. Коржовой, Л.М. Бурлачук, «Опросник стратегий преодоления значимых ситуаций» Е.Ю. Коржовой, «Каузометрия» А.А. Кроника и др.) выступили предпосылкой создания авторского «Опросника критических ситуаций», направленного на решение задачи диагностики типа критических ситуаций, характерных для лиц с нормальным и логоневротическим личностным развитием, а также эмпирической верификации типологии критических ситуаций.

УДК 37.032

Формирование профессионального имиджа специалиста

Волкова В. В.

Северо-Кавказский государственный технический университет

Можно констатировать тот факт, что специалисты из разных областей науки (социология, психология, педагогика, философия и пр.) начинают проявлять интерес к такому явлению, как имидж, о чем свидетельствует резкое увеличение в последние годы числа научных публикаций на темы, связанные с имиджем и затрагивающие те или иные его стороны.

Как справедливо отмечают многие исследователи (Перельгина Е. Б., Почепцов Г. Г., Шепель В. М. и др.) ощущается настоятельная необходимость в создании психологической теории имиджа, основательно объясняющей основные проявления этого феномена с точки зрения современной психологической науки.

Следует отметить, что объективно сложились предпосылки к разработке научно-теоретических оснований психологической теории имиджа, которые широко представлены в отечественной и зарубежной психологии.

Непосредственное отношение к исследованию явлений имиджа имеют результаты разработки таких научных направлений, как теория деятельности, теория социального влияния, изучение образа, общения, социального познания.

Анализ научной литературы по проблеме изучения имиджа позволил нам обозначить следующие вопросы, наиболее активно разрабатываемые на сегодняшний день: определение понятия «имидж»; характеристики имиджа; природа имиджа; виды имиджа; технологии формирования имиджа; формирование профессионального имиджа. При этом следует отметить, что в рамках каждого из перечисленных направлений существуют различные точки зрения, порой взаимоисключающие друг друга. Так, например, в рамках первого направления – определение понятия «имидж» – некоторые исследователи отождествляют последний с авторитетом (Зимбардо Ф., Ляйппе М.), другие с репутацией (Кошмаров А. Ю.), третьи – с мнением о человеке (Панасюк А. Ю.), что свидетельствует о том, что понятие «имидж» подменяет уже существующие понятия «репутация», «мнение», «авторитет». Тогда возникает вопрос о целесообразности употребления понятия «имидж». Нами приведен только один пример, демонстрирующий наличие абсолютно противоположных точек зрения на один и тот же вопрос.

Обозначим нашу позицию по решению такого вопроса, как формирование профессионального имиджа. Считаем, что следует разработать технологию формирования профессионального имиджа. Ею может стать «интенсивная технология обучения», определение которой дано Н. Д. Крюковой. Интенсивная технология – это «система факторов, интенсифицирующих процесс обучения: идеальных (действия преподавателя, направленные на повышение степеней активности обучающегося, на познавательную, эмоциональную и поведенческую сторону его личности) и материальных (технических), обеспечивающих заданный уровень обучения в кратчайшие сроки», «это мобильная система целенаправленных процессов преподавания и учения, каждый из которых представляет собой логически взаимосвязанную совокупность компонентов идеального и материального характера».[1]

В Северо-Кавказском государственном техническом университете нами апробирована интенсивная технология формирования имиджа специалистов в области социально-культурного сервиса и туризма, которая позволяет сформировать потребность в работе над своим габитарным, кинетическим, вербальным, овеществленным и средовым имиджем как составными частями профессионального имиджа;

развивать личностные качества, способствующие формированию положительного профессионального имиджа; овладеть современными научными знаниями в области анализа и формирования профессионального имиджа.

Студенты в процессе изучения данной дисциплины получают представление об основных понятиях имиджологии; предмете, задачах, методах исследования имиджологии, ее месте в системе наук о человеке; психологических рекомендациях по формированию положительного профессионального имиджа; психологических технологиях формирования профессионального имиджа; гендерных и этнопсихологических особенностях имиджа и т.д.

Учатся выбирать удачную стратегию формирования собственного имиджа (каналы перемещения имиджформирующей информации); формировать позитивный габитарный, овеществленный, средовый, вербальный и кинетический имидж и пр.

Овладевают понятийным аппаратом имиджологии; психологическими техниками формирования габитарного, овеществленного, средового, вербального и кинетического имиджа.

1. Крюкова Н. Д. Роль и место понятийно-терминологического аппарата в разработке теории интенсивной технологии профессионального обучения рабочих // *Методологические основы проектирования интенсивных технологий профессионального обучения: Сборник научных трудов.* СПб., 1992., Т. 1., С. 412-423.

УДК 159.99

Арт-терапевтические техники преподавания психологии в высшей школе

Грецов А.Г., Бедарева Т.А.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Для повышения эффективности преподавания психологии в высшей школе целесообразно включение в учебный процесс ряда арт-терапевтических техник. Они позволяют продемонстрировать ряд психологических феноменов, актуализировать жизненный опыт студентов, наполнить субъективным содержанием психологические понятия, активизировать обсуждение изучаемого материала. Кроме того, эти техники позволяют сделать занятия динамичнее и интереснее, способствуют формированию мотивации к изучению психологии, дают возможность переносить психологические знания на анализ реального жизненного опыта. Они могут использоваться как в системе подготовки профессиональных психологов, так и в преподавании психологии для студентов неспециальных специальностей.

Рассмотрим подробнее некоторые арт-терапевтические техники, применяемые нами в преподавании психологии.

Ладонка. Участники обводят на листе бумаги контуры своей ладони с разведенными пальцами, после чего раскрашивают рисунок и пишут на каждом из нарисованных пальцев по одной из своих учебных или профессиональных целей, а на широкой части ладони – способы их достижения. Время работы 15-20 минут, потом каждый из участников демонстрирует свой рисунок и рассказывает про него.

Хочу-могу-надо. Участники строят творческие композиции, отражающие свои желания, возможности и потребности в какой-либо сфере. Один из вариантов – не привязывать это к конкретной сфере деятельности, а строить общую композицию «Ребенок – Взрослый – Родитель» (структура личности по Э. Берну). Время работы 40-50 мин., презентация и обсуждение работ проводится в виде экскурсии, создатели композиций поочередно выступают в роли экскурсоводов. Сходным образом можно проводить и широко известную в педагогике технику «ЗХУ» (знаю – хочу узнать – узнал).

Полярность. Выполнение рисунков, отражающих полярные взгляды на какую-либо проблему или изучаемые объекты. Так, при изучении темы «интеллект» в рамках курса «общая психология» мы даем студентам задание выполнить рисунок умного и глупого человека. Время работы 10 мин., потом организуется выставка работ и их коллективное обсуждение. Техника позволяет эффективно выявлять и наглядно демонстрировать стереотипные представления участников.

Креативная задача. Игровое задание, требующее от участников проявления творческих способностей. Обычно выполняется в микрогруппах, для повышения мотивации участников между микрогруппами организуется соревнование. Например, мы выдаем на микрогруппу примерно по 100 листов бумаги, предназначенной в макулатуру, и последовательно даем такие задания (время выполнения каждого 10 мин):

Построить из этих листов максимально высокую башню, не используя клей, скотч и т.п.

Придумать как можно больше способов возможного применения этих листов, частично помятых после построения башни.

Выполнение заданий оценивается по таким параметрам, как беглость (число генерированных идей), оригинальность (количество идей, не повторяющихся в других микрогруппах), гибкость (число семантических категорий, к которым относятся идеи).

Групповой коллаж. Коллективное выполнение студентами творческой композиции по заданной преподавателем теме на склеенных листах бумаги общей площадью 4-6 м² с использованием всего комплекса изобразительных материалов. Тема соответствует содержанию учебного курса (например, мы используем темы «Любовь в моей жизни» и «Общество» в социальной психологии, «Мое отношение к природе» в экологической психологии). Длительность работы 40-60 мин., на этот период вводится запрет на обсуждение содержательной стороны создаваемой композиции. В дальнейшем проводится коллективное обсуждение, позволяющее выявить имплицитные представления студентов по выбранной теме.

Ресурсная композиция. Построение индивидуальной композиции, отражающей ресурсы - факторы, помогающие студенту достигнуть поставленной цели, например своего профессионального становления в психологии. Как правило, выделяется три группы ресурсов: внутренние (личностные и интеллектуальные качества), внешние (место жительства, различные предметы, деньги и т.п.), социальные (люди, способные помочь в достижении поставленной цели). Время работы 30-40 мин., потом студенты проводят презентации своих композиций.

УДК 88.56

Особенности психологической защиты и совладающего поведения детей, лишенных родительского попечения

Гушина Т.В.

Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова

В аспекте изучения стресса и совладающего поведения малоизученным является влияние наличия или отсутствия семьи на специфику совладания, а так же продолжительность этого влияния у детей, лишенных родительского попечения. Семья как фактор, воздействующий на человека (Дружинин В.Н., 2000) может выступать и стрессором, и социальной поддержкой.

В исследовании психологических защит и совладающего поведения детей, лишенных родительского попечения, мы использовали Карту оценки детских защитных механизмов Р.Плутчика и К.Перри (модификация Чумаковой Е.В.), опросник стратегий совладающего поведения детей младшего школьного возраста (адаптация Н.А.Сироты, В.А. Ялтонского), а также проективные методы (рисунок «Дом, дерево, человек», составление рассказа по нему с акцентом на описание жизни нарисованного человека, его жизненных трудностей и стратегий их преодоления, а также беседу по рисунку «Человечек в беде»). В исследовании принимали участие дети и воспитатели (эксперты) Центра социальной реабилитации несовершеннолетних г.Костромы.

По данным, полученных путем экспертных оценок, наиболее характерными способами защиты у детей, лишенных родительского попечения, являются проекция, интеллектуализация, компенсация. Поведенческие особенности механизма проекции хорошо наблюдаемы у детей этой группы – обидчивость, злопамятность, мстительность, враждебность, уязвимость, упрямство. Причиной, вероятно, является опыт агрессивных воздействий родителей, приводящий к восприятию окружающего мира как источника постоянной угрозы, а так же интенсивное использование проекции в функционировании психологической защиты самих взрослых, как устойчивый пример для подражания. Внешними проявлениями защиты по типу интеллектуализации является склонность детей к несвойственным своему возрасту рассуждениям, стремлении объяснять с логической точки зрения мотивы своих поступков, эмоциональная сдержанность. Строгие требования к сфере логического мышления, предпочтение вербальным методам в педагогике, стремление соответствовать требованиям и ожиданиям значимых взрослых (в нашем случае – воспитателей), желание заслужить одобрение объясняет использование этого механизма психологической защиты. Дети, лишенные родительского попечения, находятся в ситуации социального неблагополучия, испытали эмоциональное отвержение родителей. В подобных ситуациях специфические формы компенсаторного поведения начинают развиваться очень рано. Детям свойственно ориентироваться на преодоление трудностей посредством самостоятельных усилий, они стараются понравиться и произвести хорошее впечатление.

Трудная жизненная ситуация для детей дошкольного возраста, лишенных родительского попечения, чаще всего связана с испытанием физической боли, причинением страдания: побили, стукнулся, пнули, порезался, «девочки шутили и прищемили руку к двери», а также с потерей или отсутствием какой-либо материальной ценности: украли машинку, отобрали игрушки, не покупают сладкое. У детей – школьников круг проблем дополняется школьными трудностями: трудно учиться, ругают учителя и т.д.

Самостоятельно называемые детьми стратегии совладания в основном поведенческие, направленные на отвлечение, переключение внимания, отвлекающие удовлетворение собственных желаний, уединение. Крайне редко поведенческие стратегии направлены на поиск социальной поддержки и участие в разрешении ситуации. Практически ничего не было сказано о стратегиях эмоционального совладания. Даже дети-дошкольники, чаще всего говорившие о физической боли, редко отмечали грусть, слезы, злость, раздражение. Дети, испытывавшие недостаток материнского тепла, близких телесных контактов, фактически не называют способ совладания «обнимаю или прижимаю к себе кого-то близкого, любимую вещь, или глажу животное», хотя в дальнейшем, заполняя опросник копинг-стратегий, они часто выбирают эту стратегию, уточняя, что гладят кошку или прижимают любимую игрушку. Все это свидетельствует о нарушенных эмоциональных отношениях со взрослыми.

Эмоциональные аспекты морального выбора подростков в ситуации решения моральных дилемм

Дружиненко Д.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Моральное развитие личности широко изучается в современной психологии. Исследованию этой проблемы посвящены работы таких известных психологов как Ж. Пиаже, Л. Кольберга, К. Гиллиган, Д. Кребса, Н. Айзенберг, Л. Walker, Т. Креттеннауера, М. Хоффмана, Э. Хиггинс, А.В. Запорожца, С.Г. Якобсон, А.И. Подольского и др. Наиболее глубокую разработку проблема морального развития получила в рамках когнитивного подхода, с этим связана и специфика изучения данного вопроса. Довольно долгое время основной акцент делался на изучении морального сознания, морального мышления, при этом, учитывались именно когнитивные факторы, и им отдавался приоритет. Однако, через некоторое время стало очевидно, что в процессе морального выбора рассуждение по поводу ситуации морального противоречия и собственно моральный выбор, не только включают и рациональный и эмоциональный компонент, но и влияние (удельный вес) этих компонентов в этих двух ситуациях различны.

Целью нашего исследования явилось изучение эмоционального аспекта морального выбора подростков в ситуации решения моральных дилемм.

мы предположили, что:

1) интенсивность и характер переживания чувства вины подростками оказывает влияние на моральный выбор в решении моральной дилеммы;

2) чувство эмпатии и эмоциональный статус обуславливают характер ориентировки подростка в ситуации морального выбора.

Наше исследование проводилось в 2002 г. (пилотажное исследование) и в 2003 г. (основной этап) на базе средней общеобразовательной школы с углубленным изучением английского языка №1273 г. Москвы. В исследовании приняло участие 80 подростков на этапе пилотажного исследования и 61 подросток на основном этапе исследования в возрасте от 13 до 17 лет.

Нами были использованы следующие методики: методика «Моральные дилеммы» (Подольский, Карабанова), опросник на чувство эмпатии (автор И.М.Юсупов) оригинальная методика «Чувство вины», методика «Депрископ» (Подольский, Хейманс), опросник «Самооценка эмпатии», опросник, направленный на выявление присвоенных моральных норм на основе переживания чувства вины (автор Е.В. Трунова).

Проведенное нами исследование позволило сформулировать следующие выводы:

Интенсивность и характер переживания чувства вины подростками оказывает влияние на моральный выбор в решении моральной дилеммы. Полученные данные свидетельствуют о том, что более сильное переживание чувства вины подростком приводит к центрации и предпочтению интересов только одной стороны- участника дилеммы. Высокая интенсивность чувства вины может препятствовать децентрации и переходу субъекта морального выбора на более высокий уровень морального мышления.

Полученные результаты позволяют утверждать, что подростки в большей степени переживают чувство вины при нарушениях норм в контекстах общения и взаимодействия со сверстниками, чем с родителями и учителями. Чувство вины чаще возникает при нарушении подростками конвенциональных норм, чем моральных норм. Относительно низкий уровень переживания чувства вины при нарушении моральных норм свидетельствует о недостаточности нравственных социальных ориентиров, необходимых для усвоения подростками моральных норм.

Исследование эмоционального статуса подростков обнаружило неблагоприятную картину. Треть всей выборки составили подростки, имеющие стойкие нарушения депрессивного характера. Депрессивные состояния оказывают влияние на характер принятия решения в ситуации морального выбора, что выражается в трудностях децентрации и более низком уровне морального мышления у депрессивных подростков.

Важными факторами, определяющими характер решения моральных дилемм подростками, являются контекст общения и межличностная дистанция. В целом, подростки значимо чаще совершают выбор в пользу сверстников. В контексте взаимодействия «Подросток - Близкий взрослый - Сверстник» выбор для подростков оказывается более затруднительным, чем в контексте «Подросток – Социальный взрослый – Сверстник».

Влияние на решение моральных дилемм оказывает позиция испытуемого по отношению к проблемной ситуации (оценка или собственный выбор). В ситуации собственного морального выбора подростки чаще склонны к компромиссному решению. Влияние позиции испытуемого выступило также в снижении уровня моральных суждений при переходе от ситуации оценки поступка героя к ситуации собственного морального выбора.

Разработанная нами методика «Чувство вины» может быть использована в исследовании роли эмоционального фактора в моральном развитии в подростковом возрасте. Вместе с тем, перспективной представляется задача более детальной разработки содержания ситуаций, включенных в опросник.

Полученные нами результаты не позволили представить доказательств в пользу выдвинутой гипотезы о связи между уровнем эмпатии, самооценкой эмпатии и характером решения моральных дилемм. Хотя методика «Самооценка эмпатии» дала согласованные результаты со стандартизированной методикой И.М. Юсупова, мы видим дальнейшие перспективы исследования в разработке более адекватного метода диагностики способности подростков к эмпатии.

Современный подход к проблеме профориентации старшекласников

Жарко А.С.

Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Проблема профориентации в связи с модернизацией российской системы образования приобретает особую актуальность. Это обусловлено необходимостью разработки новых методов профессиональной ориентации старшекласников в динамичных условиях современной России. В настоящее время существует проблема адекватного осознания себя в будущей профессии, идентичности в терминологии Э. Эриксона. Согласно теории Д. Сьюпера (США), который еще в 1968 году сформулировал мысль о влиянии социально-экономической ситуации в стране на выбор профессии старшекласником, стабильная социально-экономическая ситуация в стране способствует развитию личности, и выбор профессии происходит с учетом индивидуальных особенностей: интересов, склонностей, способностей. И, наоборот, социально-экономические изменения в обществе вызывают отношение к профориентации как к простому перераспределению рабочей силы, без учета индивидуальных особенностей и интересов молодежи.

В настоящее время наблюдается стремление молодежи к элитарности, то есть к получению престижных профессий. Однако выбор престижных профессий не гарантирует полной самореализации в работе. Напротив, незнание «обратной» стороны профессии приводит к разочарованию и, как следствие, к смене учебного заведения или профессии. Так, проводимые нами исследования в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого, показали, что студенты, выбравшие популярный факультет (факультет психологии) менее ориентированы в требуемых профессиональных и личностных качествах, чем студенты других факультетов. Это нашло свое отражение в невозможности назвать психологически важные качества психолога, способности связать свои будущие жизненные события с выбранной профессией, невидение негативных (с психологической точки зрения) сторон профессии. Студенты же, целенаправленно выбравшие другой факультет, отметили, что мечтали поступить туда с детства, развивали профессионально важные качества.

Анализ проведенного нами пилотажного исследования еще раз подтвердил наш довод о необходимости иного подхода к профессиональному ориентированию старшекласников. На наш взгляд, профессиональное самоопределение возможно лишь в контексте личностного самоопределения, в контексте имеющихся ценностно-смысловых установок подростка, которые закладываются задолго до выбора профессии. Таким образом, мы можем сделать предположение, что готовить подростков к выбору профессии необходимо с учетом его ценностно-смысловых установок, особенностей его личности, реальных жизненных условий (место жительства, социального положения родителей, географической удаленности от желаемого вуза и т.д.).

Особенности познания индивидуальности в зависимости от ее физической привлекательности

Жданова С.Ю., Ялунина Т.А.

Пермский государственный университет

В контексте проблемы целостного познания человека особую актуальность приобретает изучение характеристик индивидуального уровня индивидуальности. Рассматривая индивидуальность, как объект познания и говоря о развитии эксплицитного знания в отношении индивидуальности, можно говорить о перспективах дальнейшего развития теории Интегральной Индивидуальности В.С. Мерлина. Так, например, в дальнейшем уточнении нуждается структура индивидуальных свойств, предложенная В.С. Мелиным. Представляется необходимым включение в данную структуру характеристик индивидуальных свойств индивидуальности, а также интеллектуальных особенностей. Включение в структуру Интегральной индивидуальности индивидуальных характеристик, таких как пол, возраст представляется возможным в соответствии с подходом Б.Г.Ананьева [1], который, характеризуя индивидуальность человека как индивида, личность, субъекта деятельности, выделяет в качестве основных классов индивидуальных свойств: возрастнополовые свойства и индивидуально – типические особенности. Указывая на необходимость изучения данных свойств в структуре индивидуальности человека, Б.Г. Ананьев отмечает, что фактор возраста специально учитывался лишь в исследованиях, проводимых в лаборатории В.С. Мерлина [1]. Сегодня в школе В.С. Мерлина, Б.А. Вяткина, М.Р. Щукина накоплен достаточно большой и разносторонний эмпирический материал в отношении изучения индивидуальных свойств индивидуальности, в частности, пола и возраста. В контексте изучения характеристик индивидуального уровня индивидуальности также представляется важным изучение особенностей познания индивидуальности в зависимости от ее физической привлекательности.

С целью изучения данного вопроса нами было проведено специальное исследование. В ходе исследования испытуемым предлагалось оценить степень физической привлекательности предложенных на фотографии людей и дать характеристику их профессиональных качеств. Исследование осуществлялось на выборке студентов Пермского государственного университета философско-социологического факультета. Общее число обследованных составило 60 человек.

В процессе исследования были использованы метод экспертной оценки, а также методы статистической обработки данных, в частности, факторный, кластерный, корреляционный анализ, Т-критерий Стьюдента.

Анализ полученных данных позволил сделать следующие выводы:

на стадии доречевого общения отношение к воспринимаемому субъекту проистекает из отношения к его внешности, как привлекательной или непривлекательной;

большинство индивидов склонны связывать психологические качества личности с особенностями ее внешности. Так, индивидам, оцененным большинством экспертов как наиболее привлекательные, были присвоены такие важные качества, как самостоятельность, уверенность в себе, честность. Менее же привлекательным индивидам – неаккуратность, безответственность, несамостоятельность;

восприятие внешности в ситуации непосредственного общения является исходным фактором формирования впечатления одного человека о другом, обуславливающим общее отношение симпатии или антипатии субъекта к воспринимаемому человеку.

В целом, полученный материал позволяет говорить о влиянии характеристик индивидуального уровня индивидуальности на особенности познания индивидуальности другого человека и свидетельствует о наличии стереотипа физической привлекательности, в соответствии с которым привлекательные индивиды, обладающие привлекательной внешностью, наделяются более положительными психологическими качествами и чертами характера.

1. Ананьев Б.Г., *Человек как предмет познания*. СПб., 2000, с. 288.

УДК 37.034

Исследование специфики отражения в сознании детей старшего дошкольного возраста ценностно-смыслового пространства сказки

Жихарева И. В.

Северо-Кавказский государственный технический университет

Одной из главных проблем современной дошкольной педагогики и психологии является проблема включения ребенка в культурный контекст, развития его внутреннего мира, что находит свое выражение в типах и формах организации жизнедеятельности, во взаимоотношениях с окружающим миром (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, А. В. Запорожец и др.). Мы считаем, что сказка, как ретранслятор культурно-исторического опыта человечества, является наиболее адекватной детскому сознанию формой передачи детям культурных ценностей и смыслов. Согласно В. Я. Проппу, сказка представляет собой отображение конкретных форм и способов человеческого бытия, она имеет жизненные основания и в специфической форме отражает реальную действительность. Учитывая особенности восприятия ребенком языковых конструкций, сказка, как средство воздействия на сознание детей, позволяет перевести ценностно-смысловые категории в метафорические образы. В этой связи важным является вопрос о специфике отражения в сознании ребенка дошкольного возраста ценностно-смыслового пространства сказок. С целью разрешения обозначенного нами вопроса, необходимо 1) выявить сказки, которые более всего актуализированы в сознании детей старшего дошкольного возраста, и мотивационно-ценностные ориентации, на основе которых дети отдают предпочтение той или иной сказке или сказочному герою; 2) изучить ценностно-смысловые категории, которые старшие дошкольники присваивают различным сказочным персонажам, и их иерархическую представленность, что и было проделано нами на базе МОУ №58 г. Ставрополя.

В результате исследования было выявлено, что среди множества сказок, актуализированных в сознании детей старшего дошкольного возраста, предпочтение отдается таким народным сказкам, как «Маша и Медведь», «Колобок», «Курочка Ряба», «Волк и Лиса»; в этот ряд попадают также авторские сказки «Красная шапочка» и «Золушка». Частота встречаемости данных сказок может объясняться, в первую очередь, актуальностью их ценностно-смыслового содержания возрастным особенностям и потребностям детей, соответствием их личностному опыту. Но вместе с тем, причиной может быть и частота чтения отдельных сказок детям («Курочка Ряба»). Что касается мотивационно-ценностных ориентаций при выборе сказки, то было выявлено, что главное, чем привлекает сказка дошкольника, – это эстетичность сказочных персонажей, при этом большое значение имеют их душевные качества (доброта, щедрость) и остроумность. Детями подчеркивается сила добра в сказке и несомненная победа его над злом. Это является очень важным моментом, так как этим сказка вселяет в ребенка уверенность в себе и в благополучии своего будущего, что имеет решающее значение в становлении его личности.

Восприятие и характеристика детьми сказочных персонажей также имеет свои особенности. Особое значение имеют для детей образы тех сказочных персонажей, которые обладают какой-либо неопределенностью, позволяющей наделять их различными свойствами, и характеристиками. Те персонажи, которые наделяются детьми большим количеством ценностно-смысловых категорий (Иван-Царевич, Иванушка-Дурачок, Красная Шапочка, Елена

Прекрасная, Золушка и др.), являются для них носителями ценностных смыслов, через их действия в сказочном сюжете дошкольники познают роль этих смыслов и механизмы их функционирования в жизни. Те образы, которые чаще всего оказываются предпочитаемыми детьми (Иван-Царевич, Мороз Иванович, Елена Прекрасная, Золушка, Кошей Бессмертный и т. д.), являются для них эмоционально привлекательными. Исследование показало, что в основном смысловая насыщенность и эмоциональная привлекательность у перечисленных героев совпадают.

Анализ результатов, полученных с помощью метода семантического дифференциала сказочных героев по ценностным категориям, позволил также выявить те базовые ценности, которые являются наиболее актуальными для детей старшего дошкольного возраста, на основе которых у детей формируется определенная картина мира. Так, наибольшее внимание детей получили такие категории, как доброта и миролюбие, а также здоровье, честность, стремление к победе и стремление помогать людям. Из этого следует, что именно на эти ценности следует опираться в процессе взаимодействия с детьми старшего дошкольного возраста. Образ Курочки Рябы, в силу своей эмоционально-когнитивной сложности для детского сознания, занимает последнее место в присвоении детьми сказочному образу ценностных характеристик.

В целом, можно сказать, что восприятие сказки детьми старшего дошкольного возраста выражается в субъективно-эмоциональном и преобразующем отношении ребенка к произведению. Специфика отражения ценностно-смыслового пространства народных сказок в сознании детей заключается в отождествлении ценностей со сказочными персонажами и зависит от возрастных и личностных особенностей ребенка. Дети воспринимают ценностные смыслы сказок через функции сказочных героев, через их действия и поступки, и главный упор при этом делают на душевные качества героя и его эстетичность. Другими словами, данные характеристики для детей являются решающими в определении сущности познаваемых явлений окружающей действительности, а также непосредственно внутреннего мира людей. Данные, полученные в ходе исследования специфики отражения в сознании детей старшего дошкольного возраста ценностно-смыслового пространства сказок, представляют собой основу для многоаспектной аналитической работы и установления различных взаимосвязей и взаимозависимостей в области детского сознания и сказочного жанра.

УДК 153.7

О классификации анекдотов на основе анализа восприятия в группе испытуемых

Завалей Д. И.

Российский государственный гуманитарный университет

Проблема смеха и смешного стала именно проблемой еще в античности: Аристотель определил смех как парадоксальную, неадекватную эмоциональную реакцию на действия или события [2, с. 953]. Противоречие заключается в том, что мы как бы раскалываем действительность надвое: в высоком видим низкое, в торжественном - будничное, в обнадеживающем - разочаровывающее, и при этом не горюем, не плачем, а именно смеемся. Открытый философ парадокс породил проблему, решить которую пытались и пытаются многие мыслители - А. Бергсон, З. Фрейд, К. Лоренц, Й. Хейзинга, Г. К. Честертон, В. Я. Пропп и др. [1, 2, 4, 5, 6]. Но концепции этих ученых не являются, на взгляд автора, исчерпывающими.

В самом общем виде основной вопрос, затронутый в работе, определяется следующим образом. Если существуют индивидуальные различия в понимании смешного [4], то объект, кажущийся конкретному индивиду комичным, отражает какие-то свойства личности смеющегося субъекта. Подобное предположение подтверждается и нашими имплицитными представлениями о связи смешного и смеющегося. Действительно, мы выделяем «пошлое», «грубое», «интеллектуальное» смешное. И эта классификация, также на основании здравого смысла, а не научного знания, переносится на описание личности: тот, кто смеется над пошлыми шутками, и сам пошловат; интеллигенты «придумывают» себе умные шутки и т. д. Таким образом, есть разные виды смешного и над каждым из этих видов смеются разные люди. Другими словами, проблемой настоящей исследовательской работы является *неразрешенность вопроса о классификации юмора, в частности анекдотов.*

Тематическое разделение, предлагаемое большинством исследователей, не удовлетворяет автора тем, что не дает достаточных оснований для описания характеристик индивидов. «Одинаковые» тематически анекдоты могут существенно различаться, к примеру, по степени их остроумности или оригинальности. Очевидно, что только подобные свойства анекдота могут быть информативны относительно уровня рефлексии, самооценки и т. д. смеющегося индивида (что является наиболее интересным для автора).

Невозможность априори дать некую теоретическую базу для классификации юмора навела автора на мысль провести такое исследование, где самим испытуемым будет предложено типологизировать анекдоты в соответствии с их здравым смыслом. На основании же собранных эмпирических данных автор сделает попытку теоретически обосновать выделенные типы.

Задача исследования требовала использования такого аппарата анализа, который позволил бы создать некоторую классификацию анекдотов, основанную на восприятии испытуемых. В качестве такого аппарата автором была выбрана метрика Хемминга [3, с. 931].

Предположим, что все испытуемые составляют множество, где характеристикой каждого испытуемого выступают его оценки анекдотов (смешной - несмешной). Аналогично тому, как расстояние между векторами определяется количеством их несовпадающих координат, «расстояние» между испытуемыми есть количество их несовпавших оценок относительно каждого анекдота. Однако это только первый шаг анализа, обнаруживающий «похожих» испытуемых. («Похожими» окажутся те испытуемые, расстояние между ответами которых будет равно $d(x_1; x_2) \leq \alpha$, где x_1 и x_2 - испытуемые, α - количество несовпадений в оценках; α - переменная, значение которой может произвольно задаваться исследователем, в данной работе ее значение равно 50.)

Предположим, все анекдоты, выбранные для исследования, составляют также множество, где каждый анекдот характеризуется оценками, данными ему всеми «похожими» испытуемыми. Для двух анекдотов эти оценки могут совпадать или не совпадать. По количеству несовпадений определяется «расстояние» между анекдотами аналогично «расстоянию» между испытуемыми. Следовательно, анекдоты с наименьшим расстоянием между ними будут считаться похожими. (Ими можно назвать анекдоты, метрика между оценками которых равна $d(y_1; y_2) \leq \beta$, где y_1, y_2 - оцениваемые анекдоты, β - количество несовпавших оценок; β также носит переменное значение, в данной работе - 0.)

Очевидно, что данный математический аппарат позволяет учитывать индивидуальное восприятие того или иного анекдота, т. е. оценку его каждым испытуемым как смешного или несмешного. В то же время на основе оценок всех испытуемых выстраиваются группы похожих анекдотов.

В результате анализа данных было выявлено несколько групп анекдотов. Автор объяснял группировку по принципу числа и сложности элементов-«загадок», которые ставит перед читателем текст анекдота. Эти элементы таковы: «словарь» (варианты неизвестного слова, конкретного прочтения и др.), рамка и нарушение ожидания, фильтр «зеркало», «угадай характер». Различные вариации этих элементов создают более или менее сложные для понимания структуры. В докладе каждая группа подробно интерпретируется. Очевидно, что все группы можно проранжировать по степени их сложности для понимания.

При этом выделенные типы анекдотов, вероятно, достаточно информативны относительно некоторых характеристик смеющихся и не смеющихся индивидов. В будущем предполагается исследовать, связаны ли между собой то, над какими анекдотами смеется индивид, и, к примеру, уровень агрессивности его поведения, самооценка, уровень рефлексии и т. д.

1. Бергсон А., *Смех*. М., 2000.
2. *Всемирная энциклопедия: Философия* / Глав. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М., 2001.
3. *Математическая энциклопедия* / Гл. ред. И. М. Виноградов. Т. 2., М., 1979.
4. Пропп В. Я., *Проблемы комизма и смеха*. СПб., 1997.
5. Фрейд З., *Остроумие и его отношение к бессознательному*. СПб., М., 1998.
6. Хейзинга Й., *Homo ludens*. М., 1992.

УДК 159.97+616.853-085.213+615.213

Пример лонгитюдного психологического наблюдения больной эпилепсией, принимающей ламиктал

Завязкина Н.В.

Лечебно-диагностический научный центр «Эпилепсия»

С 1990 года, с началом применения Ламиктала (Л.) было отмечено, что этот препарат, кроме антиконвульсивного действия, имеет ряд психотропных эффектов [1]. Так, у больных, у которых не был достигнут положительный антиконвульсивный эффект или полученный эффект оценивался как незначительный, улучшились показатели интеллектуально-мнестической сферы, в частности показатели кратковременной памяти и темпа сенсо-моторных реакций [3]. Основные исследования в сфере изучения влияния Л. на когнитивные функции относятся к лицам детского и подросткового возраста как наиболее показательных категорий больных, или к лицам с интеллектуальной недостаточностью, у которых отмечаются следующие изменения: уменьшение раздражительности, расторможенности, тревожности; достижение большей упорядоченности поведения, улучшение настроения и мотивационной сферы [2]. Также эти исследования показывают, что у указанных категорий больных Л. значительно улучшает интеллектуальные показатели, речь, внимание. Для иллюстрации эффективности лечения больных Л. приводим выписку заключения из патопсихологического эксперимента и выписку из истории болезни. Больная Н., 1978г. рождения. Диагноз: эпилепсия с выраженной интеллектуальной недостаточностью (имбецильность) с частыми (ежедневными, серийными) полиморфными первично генерализованными припадками. Из анамнеза: наследственность психопатологически не отягощена. Родилась в ягодичном предлежании. С 4,5 лет после падения в колодезь стала отставать в развитии, появились сложные абсансы, а затем очень быстро припадки приобрели полиморфный характер и стали протекать по типу генерализованных судорожных, полиморфных малых. Психический статус: глубоко слабоумна. Расторможена, неусидчива, внимание привлекается с трудом. Эмоции крайне примитивны, недовольство выражает плачем, криком, оборонительной реакцией. Письмо, счет – недоступны. Свое состояние не осмысливает. На фоне лечения достигнуто урежение припадков до единичных с интервалом не более чем 2-3 дня. ЭЭГ: умеренные диффузные изменения ЭЭГ без признаков локальной патологии. Выраженные явления ирритации наблюдаются в структуре общезлобных изменений. Не исключены остаточные явления органического поражения ЦНС.

Заключение психолога: Больная вступает в контакт, эмоционально реагирует. Задаст вопросы, отрывисто отвечает на обращенные к ней, просто сформулированные. Речь грамматически плохо оформлена, словарный запас бедный, пассивный, однако проявляются отдельные сохранные параметры (примитивные) активного словаря. Анализу подвергались беседа, поведение и непосредственно рисуночный материал. Результаты анализа позволяют говорить о наличии кратковременного сохранения полученного опыта, который пока не переносится в новые условия. В связи с несформированностью волевых процессов нарушаются все виды целенаправленной сложной деятельности (активное внимание, произвольное запоминание и т.д.). Вместе с тем проявляется колебание некоторых психических функций (например: при восприятии цветов нет четкой дифференциации, все обозначаются больной «желтый», но спустя некоторое время обозначается правильно). Восприятие характеризуется узостью, но узнавание простейших предметов и явлений доступно, так же как и использование элементарных понятий. Таким образом, можно говорить о проявлении «синтетичности» в интеллектуально-волевой сфере больной. Повторные патопсихологические исследования показали: контакт с больной более продуктивный, в связи с появлением фразовой речи. Больная непродолжительное время может сконцентрировать внимание и выполнять задания по простейшей инструкции (нарисовать круг, написать букву), выстраивает простые предложения, в ряде случаев правильно располагая части речи. Охотно вступает в беседу. Эмоциональные реакции стали более адекватными. При многократном повторении усваивает новые слова. Проявляет интерес к предметным картинкам. Узнает и называет вслух распространенных животных. Перечисляет фрукты и овощи, различает их. Без помощи считает до 3. С помощью – до 5. Различает и называет вслух простые цвета. С помощью повторяет название сложных. Итак, у больной, речевая продукция которой состояла из отдельных слов, появилась фразовая речь, она стала выстраивать простые предложения, правильно располагая (хотя и не всегда) части речи. Рисунки этой пациентки, состоящие ранее только из одного, многократно тиражируемого элемента в виде круга стали более сложными. Таким образом, у ранее не обучаемой пациентки на фоне приема Л. увеличилась способность удерживать и повторять инструкцию, расширились и укрепились навыки самообслуживания. Во время лечения больной с органической деменцией сложного генеза отмечено, что пациентка стала более контактной, упорядоченной, собранной, усидчивой, старательной, более эмоционально адекватной. За счет этого ее деятельность стала более продуктивной и целенаправленной, расширился словарный запас. Все это еще раз подчеркивает влияние Л. на познавательные способности больных эпилепсией, что представляет большой интерес и продолжает активно изучаться [4].

1. Вайнтрауб М.Я., *Эпилепсия: многолетнее медикаментозное лечение и его осложнения*. М., 1995, с.192
2. Максутова Э.Л., Соколова Л.В., Ламиктал: противосудорожные и психотропные эффекты // *Социальная и клиническая психиатрия*, 1996, Т.6, вып.3, С.110-115.
3. Марек Г.Л., Влияние ламотриджина на познавательную сферу больных с рефрактерной эпилепсией // *Архив психиатрии*, 1999, №1 (19), С. 73-74.
4. Aldenkamp A., Hendriks M., Vermeulen J., Cognitive deficits in epilepsy: is there a treatment? In: *Epilepsy. Problem solving in clinical practice*. Edited by D. Schmidt, S. Schachter. Martin Dunitz, 2000, P.291-301.

К вопросу о формировании личности в процессе общения

Зайцева О.В.

Тверской государственный университет

В последнее время ученые, представляющие различные области отечественной психологической науки, проявляют повышенный интерес к кругу проблем, которые после своего решения позволят достаточно полно охватить феноменологию, закономерности и механизмы общения.

Их усилия обогатили психологию рядом общих и более частных факторов, которые убедительно показывают необходимую роль общения в формировании многих важных характеристик психических процессов, состояний и свойств на протяжении всей жизни человека.

Может показаться, что проблема формирования личности в процессе общения несколько надуманна, поскольку развитие личности в конечном итоге определяется объективными условиями жизни и воспитанием. Однако процесс развития нельзя представлять упрощенно, как простой процесс накопления и усложнения следов внешних воздействий.

В процессе отражения внешних воздействий совершается сложная внутренняя работа, происходит качественное преобразование духовного мира человека.

Толчком и движущей силой этой перестройки являются противоречия, возникающие между личностью и средой.

Неравномерность в развитии коллективов и отдельных личностей, выражающаяся в различии требований, ведет к противоречию личности и среды. Например, если к ребенку с поступлением в школу предъявляются те же требования к поведению, что и дома, но только более усложненные, то как правило никакого конфликта не возникает. Если же требования школы вступают в противоречие с требованиями семьи, тогда могут возникнуть противоречия между учеником и учителем. Такие противоречия могут быть преодолены путем приобретения новых взаимоотношений и путем корректирования привычного образа поведения [3].

Но могут возникать противоречия и другого рода, когда личность в своем развитии стоит выше требований коллектива, с которым она стоит в определенных взаимозависимых отношениях. Тогда возникшие противоречия разрешаются путем поднятия деятельности коллектива на более высокий уровень.

Характеризуя общение как особый вид деятельности, необходимо видеть, что без него не может происходить полноценное развитие человека как личности и субъекта деятельности, как индивидуальности.

Длящиеся многие годы учение (сначала в школе, затем – в высшем учебном заведении и т.д.), обязательно предполагает общение. Характер общения, в данном виде деятельности, будет определенным образом «работать» на развитие тех или иных качеств личности.

Воспитательное значение общения, по мнению А.А. Бодалева, заключается в том, что оно расширяет общий кругозор человека и способствует развитию психических образований, которые необходимы ему для успешного выполнения деятельности [2]. Также воспитательное значение общения заключается еще и в том, что оно является обязательным условием формирования общего интеллекта человека.

Не меньшее значение общение как деятельность имеет и для развития эмоциональной сферы человека, формирования его чувств.

Столь же значимое влияние оказывает общение и на волевое развитие человека.

Итак, нами затронуты (правда, весьма кратко) далеко не все аспекты сложной проблемы – формирование личности в общении, а по преимуществу лишь те, к которым в последние годы проявляют интерес отечественные психологи и педагоги. Как мы видим, для полного освещения данной проблемы необходимо продолжать исследования по изучению личности человека и путей управления общения.

1. Борулава Г.А., *Методологические основы деятельности практического психолога*. М., 2003.
2. Бодалев А.А., *Психология о личности*. М., 1988.
3. Ковалев А.Г., *Психология личности*. М., 1970
4. Маркова А.К., *Психология труда учителя*. М., 1993.

Восприятие подтекста рекламного сообщения

Заморина О.В.

Пермский государственный университет

В 21-й век - эпоху коммуникативных психотехнологий особый интерес представляет способность воспринять суть получаемой информации, успешность коммуникации как средства приобщения к ценностной системе общества, раскрытия личности человека. Особое значение это приобретает в отношении восприятия подтекста в процессе рекламной коммуникации как одного из способов моделирования социокультурного поведения. Однако восприятие информации в рекламных текстах сегодня представляется еще мало изученным. [1]

Подтекст речевого произведения в целом определяется как скрытый внутренний смысл текста, который не имеет непосредственного вербального выражения. Восприятие рекламы- это также коммуникационный процесс, связанный с имплицитной передачей информации. Рекламное сообщение не только информирует о продукции, но и моделирует в сознании воспринимающего некий образ, заданное адресантом отношение (смысл образа). Этот смысл становится для реципиента неотделимым от фактических сведений о качествах рекламируемого товара. Поэтому любая рекламная стратегия заключается в том, что ее содержание не равнозначно товару или услуге. Оно получается шире, когда подтекстовая идея рекламного сообщения актуализирует скрытые смысловые связи, направляет восприятие адресатом некоторого ценностного отношения к рекламируемому объекту. [2]

Следует сразу подчеркнуть ограниченность рекламы от других типов текстов, так как часто она сразу оказывается заявленной как реклама и потому имеет право на свои, специфические закономерности восприятия [4].

Восприятие подтекста рекламного сообщения отличается следующими особенностями.

1. В рекламном тексте важен не предмет сообщения, а то, КАК о нем сообщается. Кроме того, в законодательстве о рекламе существуют определенные запреты, которые дополнительно регулируют возможность употребления тех или иных языковых средств.[5]

2. При восприятии подтекста рекламного сообщения психологической основой актуализированного смысла могут являться доминирующие мотивы именно потребительского поведения (потребность обладания, честолюбивые мотивы, элемент престижа и т.д.)

3. Замысел рекламиста определен- создать в сознании адресата положительную оценку рекламируемому товару.

4. Избирательность целевой аудитории. Рекламное сообщение нацелено на четко определенного адресата, соответствующие установки которого будут дополнительно повышать эффективность восприятия подтекстовой информации.

5. Акцент делается на максимально быстрой и адекватной перекодировке адресатом скрытого послания
6. Фактором времени восприятия обусловлена и более частая апелляция к бессознательному. В высказываниях существует как бы второй план, который практически не воспринимается и не осознается, минует сознание человека, не подвержен критике и рефлексии [7].

7. Существует определенная опасность манипулятивных действий в отношении адресата, особую важность приобретает вопрос о корректности рекламного воздействия и психологической защиты потребителя [5].

Общей проблемой исследования восприятия подтекста остается соотношение того, что объективно «транслирует» текст в процессе восприятия, и та глубина, на которой реципиент эту информацию понимает. В рекламном сообщении становится важным то, насколько адресант способен эффективно закодировать в тексте свою скрытую интенцию так, чтобы воспринимающий субъект адекватно воспринял и принял подтекстовую информацию, т.е. речь идет о жестком прогнозе именно положительной оценки у адресата и появлением прагматического эффекта принятия информации к действию [6].

Уровень осмысления в переработке полученной реципиентом информации при восприятии рекламного сообщения перестает играть определяющую роль, так как подтекстовая информация во многом программируется на бессознательном уровне. Поэтому сегодня с усложнением структуры и содержательности информационных потоков и всей информационной среды, многократно усиливается ее влияние на психику человека. Поэтому актуальной становится и проблема личной психологической защиты от опасных последствий в случаях скрытого некорректного информирования. Это возможно при соответствующем изучении вопросов восприятия имплицитной информации речевых произведений.

1. Заморина О.В. «Проблема восприятия подтекста иноязычного художественного произведения» // *Национальный менталитет и языковая личность. Межвуз. сб. науч. труд.*, Пермь, 2002, с.94-96.
2. Лебедев-Любимов А., *Психология рекламы.* С.-П., Питер, 2003, с.280-283.
3. Музыкант В.Л., *Реклама и PR-технологии.* М., Армада-пресс, 2002.
4. Почепцов Г.Г., *Коммуникативные технологии XX века.* М., 2003, с.297.
5. Пронина Е.Е., *Психологическая экспертиза рекламы.* М., РИП-холдинг, 2000, с.8
6. Старовойтенко Е.Б., *Современная психология.* М., Академический проект, 2001, с.482.
7. Шуванов В.И., *Психология рекламы.* М., Феникс, 2003, с.146.

Эмоциональная устойчивость старшеклассников в напряженной и эмоционально нейтральной ситуации и ее связь с другими свойствами личности

Зверева О.

Пермский государственный университет

Произошедшие за последние десятилетия перемены в общественной жизни привели к тому, что к человеку стали предъявляться особые требования. Так, возрос запрос к точности и эффективности выполнения деятельности, к умению быстро и адекватно реагировать на изменяющиеся условия среды. Все эти требования напрямую связаны с эмоциональной сферой личности, и, прежде всего, с ее способностью преодолевать возникающее эмоциональное напряжение, сохранять определенный, постоянный уровень эмоционального тонуса.

Изучению проблемы эмоциональной устойчивости посвящены работы *Л.М. Аболина, В.М. Писаренко, Я.Рейковского, О.А. Черниковой, В.Л. Марищука, Е.А. Милеряна* и других исследователей. Опираясь на определения эмоциональной устойчивости этих авторов, мы разработали собственное определение изучаемого свойства. Эмоциональная устойчивость понимается нами как свойство личности, проявляющееся в способности человека сохранять определенный уровень эмоционального состояния и обеспечивающее адекватное и успешное выполнение деятельности в напряженной ситуации.

В данной работе мы изучаем эмоциональную устойчивость в контексте учебной деятельности. Последняя представляет для нас научный интерес потому, что в ней за последнее время прослеживается тенденция к возрастанию фактора неопределенности, увеличивается число напряженных ситуаций.

Целью нашего исследования является изучение эмоциональной устойчивости старшеклассников в напряженной и эмоционально нейтральной ситуации. Для реализации цели в работе предлагается решить следующие задачи: а) диагностировать уровень эмоциональной устойчивости и выявить ее взаимосвязь с другими свойствами личности; б) рассмотреть особенности и взаимосвязи личностных свойств в группах эмоционально устойчивых и эмоционально неустойчивых старшеклассников; в) изучить динамику тревожности, эмоциональной возбудимости и нервно-психического напряжения в группах эмоционально устойчивых и эмоционально неустойчивых старшеклассников в напряженной и эмоционально нейтральной ситуации.

В своем исследовании мы выдвигаем следующие гипотезы: эмоционально устойчивые старшеклассники отличаются от эмоционально неустойчивых разной степенью выраженности ряда личностных свойств; в напряженной ситуации эмоционально устойчивые старшеклассники отличаются от эмоционально неустойчивых степенью проявления личностных и ситуативных свойств, а именно: меньшей тревожностью, меньшим нервно-психическим напряжением, большей эмоциональной уравновешенностью; эмоционально устойчивые старшеклассники склонны более или менее одинаково реагировать в напряженной и в эмоционально нейтральной ситуациях, в то время как эмоционально неустойчивые реагируют в этих ситуациях по-разному.

Исследование проводилось в 2002 - 2003 году в средней общеобразовательной школе №10 Свердловского района г. Перми. В исследовании принимали участие учащиеся 10-11 классов в количестве 80 человек в возрасте 15 -17 лет.

В целях диагностики были использованы следующие методики: "Исследование личности с помощью модифицированной формы опросника FPI" (Фрайбургский личностный опросник), "Опросник личностной и ситуативной тревожности Спилбергера", методика "Эмоциональная возбудимость-уравновешенность", разработанная Б.Н. Смирновым и "Методика нервно-психического напряжения", предложенная Т.А. Немчиным.

В ходе эмпирического исследования мы пришли к следующим выводам:

Эмоциональная устойчивость связана с рядом личностных свойств: с маскулинностью, эмоциональной возбудимостью, застенчивостью, невротичностью, депрессивностью, тревожностью, эмоциональной лабильностью.

Эмоционально устойчивые старшеклассники отличаются ориентацией на внешний мир, на контакты с людьми. Они также более реалистичны, активны и решительны. Их эмоционально неустойчивые одноклассники в большей степени склонны к беспокойству, более раздражительны, замкнуты, ориентированы чаще на свой внутренний мир, подвержены сомнениям, пассивны, возбудимы, неуравновешены. Таким образом, гипотеза о том, что эмоционально устойчивые старшеклассники отличаются от эмоционально неустойчивых разной степенью выраженности личностных свойств, подтвердилась.

В группе эмоционально неустойчивых старшеклассников наблюдается большее количество и большее разнообразие значимых взаимосвязей между свойствами личности, чем в группе эмоционально устойчивых старшеклассников.

В напряженной ситуации, по сравнению с нейтральной, эмоционально устойчивых старшеклассников отличает большее нервно-психическое напряжение (в то время как показатели ситуативной тревожности и эмоциональной возбудимости остаются на относительно неизменном уровне), а эмоционально неустойчивых – большая эмоциональная возбудимость (показатели ситуативной тревожности и нервно-психического напряжения меняются незначительно). Таким образом, гипотеза о том, что эмоционально устойчивые старшеклассники склонны одинаково реагировать в напряженных и эмоционально нейтральных ситуациях подтвердилась частично.

Гипотеза о том, что в напряженной ситуации эмоционально устойчивые лица отличаются от эмоционально неустойчивых меньшей тревожностью, меньшим нервно-психическим напряжением, большей эмоциональной уравновешенностью, подтвердилась частично. Эмоционально устойчивые лица в напряженной ситуации показывают большую уравновешенность, чем эмоционально неустойчивые. По показателям ситуативной тревожности и нервно-психического напряжения значимых различий обнаружено не было.

УДК 159.922.6

Возрастная динамика представлений о дружбе и любви

Золотухина Т.О.

Воронежский государственный университет

Изучение возрастной динамики представлений о дружбе и любви имеет огромное значение, поскольку дружба, близкие отношения со сверстниками играют важную роль в жизни каждого ребенка, развитии его личности. Отличаются ли представления о дружбе и любви в разных возрастах? Целью данной работы является выявление возрастной динамики представлений о любви и дружбе.

Романтическую любовь и близкую дружбу рассматривают в качестве новообразований подросткового возраста [1]. Согласно периодизации психического развития Д.Б. Эльконина, ведущая деятельность подростков – эмоциональное общение со сверстниками [2]. Значимой ценностью в этом возрасте является система эмоционально нагруженных отношений со сверстниками. Однако подростки еще не обладают достаточным уровнем социальной рефлексии и большим социальным опытом, поэтому их эмоциональные отношения недостаточно осознаются. Зрелые, более осознанные эмоциональные отношения формируются в юношеском возрасте. На этом возрастном этапе в эмоциональных отношениях, в том числе в любви и дружбе, появляется интимно-личностный компонент, то есть отношения становятся более интериоризированными, увеличивается их психологическая глубина и устойчивость.

Исходя из данных теоретических положений, гипотеза нашего исследования состоит в следующем: дети младшего подросткового возраста (10-12 лет) склонны описывать любовь и дружбу с точки зрения их внешних, формальных составляющих, в старшем подростковом возрасте (12-15 лет) в описаниях доминирует эмоциональный компонент, в раннем юношеском возрасте (15-17 лет) – появляется интимно-личностный компонент. Нами были выбраны 3 группы испытуемых:

- Учащиеся 5-го класса (10-12 лет) – 16 человек;
- Учащиеся 8-го класса (13-14 лет) – 24 человека;
- Учащиеся 11-го класса (16-17 лет) – 17 человек.

Для изучения представлений о любви и дружбе нами использовался метод свободного описания. Испытуемым предлагалось написать, что такое, с их точки зрения, любовь и дружба. Полученные данные обрабатывались нами методом контент-анализа. Нами были получены следующие результаты:

В 5 классе большинство детей (73,5%) определяют любовь следующим образом: «любовь – это когда мальчик любит девочку», то есть любовь описывается с внешней стороны. Однако 12% детей считают, что любовь – это взаимность, привязанность и симпатия. Появление данных категорий означает уже некоторое понимание содержательных характеристик феномена любви. Кроме того, встречалось и такое определение любви: «любовь – это шоколад». Дружба также описывается младшими подростками с точки зрения ее внешних составляющих, то есть дружба – «это когда дружат» или «когда есть друг» (61% детей). Но следует отметить, что в отношении дружбы содержательные характеристики появляются чаще, чем в описаниях любви: дружба – это «доверие», «понимание», «общение».

В 8 классе внешняя сторона в описаниях любви остается: «любовь – это когда 2 человека любят друг друга» (33,5%), однако значительно больше появляется категорий, раскрывающих содержательную сторону любви: любовь – это «доверие», «взаимопонимание», «нежность», «секс», «безумие», «чувство, которое заставляет слиться в единое целое», «чувство, которое заставляет забытья», «способ жизни». Практически все ответы испытуемых отличаются эмоциональностью. При этом наблюдаются гендерные различия: ответы девочек более эмоциональные, чем мальчиков. Описания дружбы также в большинстве случаев затрагивают содержательную сторону данного феномена. Наиболее часто встречаются такие категории, как «взаимопомощь, поддержка», «взаимопонимание», «уважение», «общие интересы», «преданность».

В раннем юношеском возрасте при описании любви появляются категории «ответственность», «уважение», «забота», «помощь», которые не встречались на более ранних возрастных этапах. На наш взгляд, это свидетельствует о более рациональном понимании любви, о формировании более осознанных представлений о данном явлении. Однако встречаются и эмоциональные ответы испытуемых: любовь – это «страсть», «экстаз», «безумие», «то, что вдохновляет на подвиги», «чувство, уносящее в поднебесье». Причем, эмоциональные категории встречаются только в ответах девушек, для юношей любовь – это «инстинкт, физиология», «чувство, возникающее к особям противоположного пола». В описаниях дружбы наиболее часто встречаются такие категории, как «поддержка, опора», «доверие», «привязанность», «жертвенность», «преданность, верность». Но встречались и такие ответы: дружба – это «то, во что превращается любовь, когда исчезают иллюзии», «это то, что в 3 раза сильнее любви». По нашему мнению, на основании полученных ответов можно сделать вывод о появлении в описаниях любви и дружбы интимно-личностного компонента.

Полученные данные представляют интерес для возрастной психологии, психологии эмоциональных отношений и могут быть использованы в практике работы семейных, школьных психологов.

1. Кон И.С., *Дружба. Этико-психологический очерк*. М., 1987, 350 с.
2. Эльконин Д.Б., *Психическое развитие в детском возрасте*. М., 1989.

Особенности личности студентов, которые занимаются в театре

Кабанов В.С.

Пермский государственный педагогический университет

Основные методологические подходы: концепция полимодального «Я» Дорфмана Л. Я., типологическая теория личности Айзенка Г. Ю., теория самоактуализации К. Роджерса, интерперсональная теория личности Салливан Г. С., Виггинс.

Цель данной работы: определение различий в выраженности и структуре взаимосвязей различных свойств личности и субмодальностей экзистенциального я у студентов театралов и не театралов. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

Провести диагностику свойств личности и субмодальностей экзистенциального Я среди студентов, которые занимаются в театре и среди студентов которые в театре не занимаются.

Выяснить структуру взаимосвязей свойств личности и субмодальностей экзистенциального Я в обеих группах студентов.

Изучить различия в структуре взаимосвязей свойств личности и субмодальностей «Я».

Исследовательские гипотезы: 1. Между студентами, которые занимаются в любительском театре, и теми, кто в театре не занимается, существуют значимые различия в выраженности некоторых свойств личности. 2. У студентов, которые занимаются в театре, субмодальность «Я-вторящее», выражена сильнее, чем у студентов, которые в театре не занимаются. 3. Существуют различия в структуре взаимосвязей свойств личности и субмодальностей Я между студентами театралами и не театралами. 4. Существует определенный фактор, латентная переменная, которая отличает театралов от не театралов.

Участники исследования: Исследование проведено в 2001 – 2003 гг. на 2-х выборках студентов ПГУ, ПГТУ и ППГУ Группа 1(контрольная) – студенты не театралы. Группа 2 – студенты театралы. Возраст участников от 17 до 24 лет. Группы набирались по соответствию следующих параметров: пол, вуз, курс, факультет. Общее количество 90 чел: 60 жен. 30 муж.

Использованные методики: 1) Опросник «Чувства. Реакции. Убеждения» К. Роджерса; 2) «Тест эмпатических тенденций» Мехрабана; 3) Методика изучения агрессии Баса-Дарки; 4) Пермский вопросник Я (ПВЯ); 5) Опросник личности Айзенка (EPQ-R Adult); 6)тест межличностных прилагательных (ТМП) Виггинса; 7) Методика полимодальные мотивы (Дорфман Л. Я.).

Результаты корреляционного анализа позволяют говорить о меньшей взаимосвязи субмодальностей «Я» у театралов по сравнению с не театралами, так же субмодальности «Я» у театралов имеют меньше связей со свойствами личности (20 у не театралов и 16 у театралов). Характер и количество корреляционных связей у театралов отличается от характера и количества связей у не театралов. Описание корреляционных связей между отдельными свойствами личности выходит за рамки данного исследования.

Результаты t-критерия Стьюдента подтверждают нашу гипотезу о большей выраженности у театралов субмодальности «Я – вторящее» ($p < 0.003$). Такие необходимые для актера свойства как открытость чувствам во взаимоотношениях (ОЧВ) ($p < 0.0001$) и эмпатия ($p < 0.05$) действительно имеют более высокие значения у театралов. У студентов, занимающихся в театре, в сравнении с не театралами выше показатель экстраверсии ($p < 0.01$).

Неожиданным является меньшая социальная желательность в группе театралов ($p < 0.01$). Возможно, такая открытость связана с их открытостью чувствам и импульсивностью.

Факторный анализ изучаемых свойств личности позволил выделить 7 факторов которые описывают личность всей выборки студентов.

В первый фактор (мотивация достижения) со значимыми нагрузками вошли: «Я–авторское» (0,54), мотив достижения в сферах «Я–авторское» (0,87), «Я–воплощенное» (0,86), «Я–превращенное» (0,73), «Я–вторящее» (0,91). Во-второй фактор (отстраненность) вошли стили межличностных отношений: в стороне – сосредоточенный на себе (FG), (0,84), общительный (NO) (-0,84), теплый (LM) (-0,72), а так же дискомфорт во взаимоотношениях (0,62) и экстраинтроверсия (-0,58). В третий фактор (эмоциональная ригидность, бесчувственность) вошли: нейротизм (-0,76), ОЧВ (-0,50), эмпатия (-0,71). В четвертый фактор (мотивация избегания) вошли мотивы избегания во всех сферах: «Я–авторское» (0,89), «Я–воплощенное» (0,83), «Я– превращенное» (0,81), «Я–вторящее» (0,85). В пятый фактор (социальная тень) вошли: социальная желательность (-0,54), «Я–вторящее» (0,61) и высокомерно-расчетливый стиль межличностных отношений (0,68). В шестой фактор (самонедоверие, неестественность) вошли: психотизм (-0,75), доверие к себе как к организму (-0,68). В седьмой фактор (подчиненность и зависимость) вошли два стили межличностных отношений: неуверенный – покорный (HI) (0,73), скромный - бесхитростный (JK) (0,71).

T-критерий по факторам выявил значимые различия для фактора 3 (бесчувственность) и фактора 5(социальная тень). Вклад театралов в фактор 3 значимо ниже ($p < 0.01$), а в фактор 5 значимо выше ($p < 0.01$) чем вклад не театралов. Полученные результаты подтверждают нашу гипотезу о наличии фактора личности, который отличает театралов от не театралов.

Выводы:

У театралов разные субмодальности «Я» не связаны друг с другом.

У театралов выше экстраверсия, эмпатия, открытость чувствам и выраженность «Я-вторящего».

Театралы более чувствительны и склонны переживать негативную часть себя как нечто чуждое.

Переживание кризисной жизненной ситуации как источник развития личности

Керусова Е. И.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В последнее время большое внимание психологов направлено на изучение поведения и анализ личностных особенностей человека в сложных, экстремальных ситуациях. Это особенно актуально в настоящее время в связи с увеличением числа войн, этнических конфликтов, катастроф, террористических актов.

В работе исследовались: психологические последствия влияния кризисных жизненных ситуаций на личность, изменения личности под влиянием травмирующего события, специфика реагирования в зависимости от вида травматической ситуации, (будь то развод, терроризм, или попытка суицида и т.д.), силы, скрытые до травматического события в личности, но используемые для преобразований в процессе переживания и совладания с ситуацией, а также потенциал личности, приводящий к её росту.

С этой целью использовался метод анализа конкретных ситуаций, что подразумевает всестороннее исследование: использование опросников, подбравшихся с учетом оценки, позволяющей выявить подверженность посттравматическим симптомам различные группы пострадавших (в зависимости от возраста, пола, образования и т.д.); изучение биографий, имеющих непосредственное отношение к проблеме, проведение бесед и т.д. Через анализ реакции

человека на данную неблагоприятную ситуацию зависит то, как в последствие будет развиваться личность человека, как будет складываться жизнь человека, его отношения с собой и с окружающим миром.

Применив в исследовании модифицированные методики анализа конкретных ситуаций, мы обнаружили, что степень выраженности ПТСР у наших респондентов определяется спецификой травматического события: его силой, повторным воздействием; а также особенностями человека, включающими следующие факторы: пол, возраст, образование, жизненный опыт, индивидуальные свойства личности и т.д. Было показано, что более успешное преодоление травмирующего воздействия характерно для людей, не имеющих личностных расстройств и эмоционально устойчивых.

Сравнение диагностических критериев ПТСР у разных пострадавших в ходе анализа воздействия различного вида травматических событий приводит нас к мысли о существовании единого механизма, лежащего в основе реагирования личности на кризисные жизненные ситуации. Во всех случаях выявлено наличие переживаний травматических событий в виде чувства беспомощности, бессилия чувства отчужденности, смыслоутратности и т. д. Люди, попадающие в чрезвычайные ситуации, испытывают сильнейшие реакции на разных уровнях своего функционирования, которые приводят к значительным изменениям личности, способствуют формированию специфических взаимоотношений с окружающими, особым жизненным представлениям, а также приводят к стремлению дальнейшего развития личности, к стремлению самоактуализации своих потенциалов.

Исследования показали, что успешное разрешение кризисной жизненной ситуации зависит от адекватной субъективной оценки, внутреннего восприятия человеком травмирующего жизненного события. Изменения в личности пострадавшего определяются особенностями способа его существования, требующего от человека задействования глубинных потенциалов личности, включения особого экстремального режима функционирования. Неожиданные, ненормальные события активируют и пробуждают потенциалы человека. Перед человеком встает проблема преодоления стресса и существования в условиях сильного потрясения. Подобная форма реагирования реализуется как процесс актуализации потенциалов личности, т.е. как только личность попадает в подходящую ситуацию, ресурсы ее развития начинают активизироваться, открываться, находя свое выражение в конкретных её формах.

УДК 378.637

Влияние психологического тренинга на характер адаптации первоклассников и решение многих актуальных проблем этого возраста

Климова Д.В.

Тверской государственной университет

Интерес к применению активных групповых методов воздействия, в том числе и психологического тренинга, все время возрастает. В наше время, когда жизнь требует переработки огромного количества информации, повышения стрессоустойчивости, адаптированности человека к новым, «недружественным» условиям окружающей социальной и природной среды, старые приемы и методы деятельности уже мало помогают. Поэтому мы решили изучить влияние психологического тренинга на характер адаптации: сможет ли он стать той «палочкой-выручалочкой», которая поможет решить многие из актуальных проблем ежедневной деятельности первоклассников.

Вопрос о влиянии психологического тренинга на характер адаптации поднимался такими исследователями как: Т.В. Зайцева, И. Вачковский, Г.А. Цукерман, К.Н. Поливанова. В указанных исследованиях дано подробное описание теоретических и практических аспектов психологического тренинга. Словом «тренинг» называют настолько разные вещи, что содержание этого понятия ускользает, растворяется, и практический психолог порой пребывает в недоумении, имеет ли он право называть то, что он делает, тренингом. Проблема понимания сущности тренинга обостряется еще и потому, что даже в чрезвычайно редких в наши дни книгах, посвященных методологическим основаниям психологических практик, наличествуют противоречия в понимании тренинга. Простой подсчет определений тренинга, только во встретившихся авторам книгах по этому вопросу, приводит в замешательство — около двух десятков дефиниций.

В настоящее время психологический тренинг как одна из наиболее популярных форм группового воздействия привлекает к себе повышенное внимание практиков. В связи с этим мы попытались выявить и обоснованно показать, что психологический тренинг можно рассматривать как особое культурное орудие, помогающее участникам овладеть своим поведением, и поможет первоклассникам лучше адаптироваться к условиям школы.

Поступление в школу и начальный период обучения вызывают перестройку всего образа жизни и деятельности ребенка. Этот период одинаково труден для детей, поступающих в школу и с 6, и с 7 лет. Наблюдения физиологов, психологов и педагогов показывают, что среди первоклассников есть дети, которые в силу индивидуальных психофизиологических особенностей трудно адаптируются к новым для них условиям, лишь частично справляются (или не справляются вовсе) с режимом работы и учебной программой.

Ребенок, поступающий в школу, должен быть зрелым в физиологическом и социальном отношении, он должен достичь определенного уровня умственного и эмоционально-волевого развития. Учебная деятельность требует определенного запаса знаний об окружающем мире, сформированности элементарных понятий. Ребенок должен владеть мыслительными операциями, уметь обобщать и дифференцировать предметы и явления окружающего мира, уметь планировать свою деятельность и осуществлять самоконтроль. Важны положительное отношение к учению, способность к саморегуляции поведения и проявление волевых усилий для выполнения поставленных задач. Не менее важны и навыки речевого общения, развитая мелкая моторика руки и зрительно-двигательная координация. Поэтому понятие «готовность ребенка к школе» — комплексное, многогранное и охватывает все сферы жизни ребенка. В зависимости от понимания сущности, структуры и компонентов готовности ребенка к обучению выявляются ее основные критерии и параметры.

Выбирая психологический тренинг в качестве инструмента воздействия, мы ставили себе цель — создать у первоклассника представление о школе как о месте, где он будет принят весь целиком — со всеми своими чувствами, мыслями, знаниями, проблемами, озарениями; представление о том, что все это важно, интересно и помогает строить общую жизнь класса в школе.

Таким образом, первоклассники прошедшие психологический тренинг в начале обучения оказываются наиболее успешными в адаптации к новым условиям школьной жизни. В идеале хотелось бы, чтобы психологический тренинг проводился весной, перед самым выпуском детей из детского сада, чтобы вел его психолог совместно с будущим учителем, который берет этих детей в свой первый класс. Такое соединение привычной дошкольной среды и школы, облегчит ребенку переход от дошкольной жизни к школьной. Но мы понимаем, что идеал — это то, что редко встречается в реальности, и считаем совершенно допустимым, чтобы этот курс проводился в сентябре.

1. Вачковский И., *Загадочное слово «тренинг»*. //Школьный психолог. 2003, № 39.

2. Зайцева Т. В., *Теория психологического тренинга. Психологический тренинг как инструментальное действие*. СПб.: Речь, М.: Смысл, 2002.

3. Цукерман Г.А., Поливанова К. Н., *Введение в школьную жизнь. Программа адаптации детей к школе.* М.: Генезис, 2003.

УДК 376.5

Программа обучения самостоятельной работе учащихся с особыми потребностями в обучении

Кондаурова И.К., Мамедова Р.Ф.

Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского

К категории учащихся с особыми потребностями в обучении относятся дети, чья социальная, физическая или эмоциональная исключительность требует специального обращения или услуг, позволяющих им развить свой потенциал. Исключительность – термин, применяемый для обозначения заметного отклонения от средних показателей, с точки зрения физического, интеллектуального или эмоционального поведения, способностей или навыков. Это двойственное понятие, поскольку оно может указывать как на заметное превосходство, так и на значимые недостатки [1].

Талантливых и одаренных детей ученые определяют как детей, которые выделяются яркими, очевидными, иногда выдающимися достижениями (или имеют внутренние предпосылки для таких достижений) в том или ином виде деятельности. Выделяются три категории одаренных детей: дети с высокими показателями по уровню общей одаренности; дети, достигшие успехов в каких – либо областях деятельности (талантливые юные математики, художники, спортсмены); дети, дети, хорошо обучающиеся в школе (“академическая одаренность”)[3].

Специальная программа обучения самостоятельной работе одаренных учащихся должна включать: выявление обучающимся собственной познавательной потребности в расширении, углублении знаний; определение собственных интеллектуальных, личностных и физических возможностей для осуществления самостоятельной работы;

- определение ближайшей отдаленной цели самостоятельной работы;
- самостоятельный выбор обучающимся объекта изучения и обоснование этого выбора для себя
- разработка конкретного плана, долгосрочной и ближайшей программы самостоятельной работы;
- определение формы и времени самоконтроля [2].

Самостоятельная работа является специфической формой учебной деятельности одаренного учащегося, а потому требует предварительного обучения приемам, формам содержанию этой работы, которые подробно будут раскрыты в докладе.

Исключительность имеет два полюса исключительная одаренность и наличие нарушения способностей. К категории детей с трудностями в обучении относятся дети, испытывающие в силу биологических и социальных причин стойкие затруднения в усвоении образовательных программ при отсутствии выраженных нарушений интеллекта, отклонений в развитии слуха, зрения, двигательной сферы [4].

Вопрос об использовании метода самостоятельной работы как источника знаний для детей с нарушением способностей являлся долгое время дискуссионным. Однако, опыт работы лучших учителей коррекционных школ показывает, что некоторые учащиеся в определенных условиях могут самостоятельно разбираться в новом материале. В докладе будут приведены конкретные примеры, а также обозначены приемы, формы и содержание самостоятельной работы, организуемой для детей с трудностями в обучении.

1. Гилефранца И.А., *Педагогическая психология.* СПб., 2003, с.256
2. Зимняя А.И., *Педагогическая психология.* М., 2002, с.260
3. Савенков А.И., *Одаренные дети в детском саду и школе.* М., 2000, с.66
4. Шевченко С.Г., *Коррекционно –развивающее обучение.* М., 2001, с.16

УДК 364.6:37.012

Модель личности специалиста социальной работы: акмеолого-исторический подход

Коныгина М.Н., Власова О.Г.

Северо-Кавказский государственный технический университет

Одной из наиболее актуальных психолого-педагогических проблем профессиональной подготовки социальных работников является построение модели личности специалиста, лежащей в основе разработки требований государственного стандарта, учебного плана и образовательных программ. Относительная «молодость» социальной работы как профессии и, обусловленная этим недостаточность фактологических данных о ее психологическом содержании, сужает возможности использования традиционных профессиографических средств моделирования личности профессионала. Разрешение обозначенного противоречия требует поиска новых ориентиров в конструировании модели личности специалиста на базе интеграции имеющихся в современной науке подходов.

При построении модели личности специалиста социальной работы мы основывались на следующих положениях. Институционализация социальной работы в 90-х годах XX столетия – это очередной этап эволюционирования социально-помогающей деятельности, зародившейся одновременно с началом формирования социальных сообществ.

На различных этапах эволюции социально-помогающей деятельности (вплоть до становления социальной работы как профессии), она осуществлялась субъектом (индивидуальным и коллективным), реализующим ценности конкретной эпохи. Его обобщенный «психологический портрет» детерминирован, во-первых, доминирующими ценностями исторической эпохи и, во-вторых, ведущими ценностями конкретной деятельности.

В исторических документах находят отражение сведения о деяниях не всех субъектов помощи, а наиболее выдающихся из них, тех, которые достигли определенного успеха в своей деятельности (с известной долей условности, именно их мы и будем считать субъектами, достигшими своего «акме»).

Субъект социально-помогающей деятельности может быть изучен в акмеолого-историческом контексте на основе анализа текстов исторических источников, содержащих данные о направлениях поддержки, специфичных для эпохи, а также атрибутивные описания персоналий, ее осуществляющих.

В нашем исследовании разработка модели личности специалиста социальной работы осуществляется на основе разрабатываемого нами акмеолого-исторического подхода, направленного на анализ структурных характеристик модели личности профессионала в их исторической динамике. Сущность акмеолого-исторического подхода заключается в ориентации исследования на выявление характеристик «акме» профессионала (или его прообраза) на различных качественно-образных ступенях эволюционирования профессии. Это позволяет дифференцировать две группы параметров личности профессионала: «вневременные» системообразующие параметры, отвечающие функциональной

заданности профессиональной деятельности, и параметры, в наибольшей мере подверженные изменениям, в соответствии с трансформацией «времени-пространства».

В основе конкретно-научной методологии исследования лежит психосемантический подход, в русле которого был произведен ретроспективный анализ текстов исторических источников, направленный на выявление черт, присущих субъекту социально-помогающей деятельности на отдельных этапах эволюции системы социальной защиты населения в России.

Инструментом такого анализа стал тезаурус личностных черт, разработанный А.Г. Шмелевым [1]. Он представляет собой систему связей между словесными обозначениями личностных черт. При помощи компьютерной версии этого метода (Тезал), был произведен расчет интегративного личностного портрета для выявленного перечня личностных черт, полученных в результате контент-анализа архивных материалов, а также экспертного атрибутивного описания личности современного профессионала в области социальной работы. Использование методов опосредованного психосемантического анализа на базе акмеолого-исторического подхода позволило выявить и дифференцировать личностные параметры специалиста социальной работы в зависимости от меры их социокультурной обусловленности.

Перспективы дальнейшего развития обозначенной проблематики связаны с разработкой концептуальной модели личности специалиста социальной работы, которая, основываясь на традиционнo российских ценностях социально-помогающей деятельности, может быть трансформирована в соответствии с социокультурными преобразованиями изменяющейся России.

1. Шмелев А.Г., *Психодиагностика личностных черт*. СПб, 2002, с 480.

Методы исследования паттернов невербального поведения политического деятеля

Короченцева А.В.

Ростовский государственный университет

Изучение социально-психологических характеристик политических лидеров в методическом отношении всегда представляло определенные трудности. Проблема заключается в том, что традиционные методы изучения личностных характеристик, такие, как психологическое тестирование и другие психодиагностические методики, основаны на непосредственном взаимодействии с объектом. В случае исследования характеристик политических деятелей они практически не применимы, потому что политические лидеры не заинтересованы в том, чтобы информация об их социально-психологических и личностных особенностях стала достоянием гласности, так как стремятся создать о себе более выигрышный образ.

Одним из достоверных инструментов познания внутреннего мира политика служит его экспрессивное поведение. Экспрессия является частью этого мира, так как она непосредственно связана с неосознаваемыми особенностями личности. Таким образом, мы можем говорить об экспрессии как о личностном образовании. Наблюдая за политическими деятелями, помимо вербальных высказываний, мы получаем информацию с помощью невербальных каналов, в виде различных паттернов его поведения. Набор паттернов невербального поведения субъектов общения (возможность или невозможность включения в паттерны определенных выражений лица, жестов, поз, прикосновений) указывает на их статусно-ролевой репертуар, а также характеризует различные стороны его личности. Методы исследования паттернов невербального поведения, включающие вербальные и графические способы фиксации различных элементов и компонентов невербального поведения и проксемики общения, разработанные В.А.Лабунской, позволяют установить, какие паттерны невербального поведения соответствуют определенным политическим деятелям. Преимущество данных методов заключается в том, что информацию о личностных особенностях данного политического деятеля, проявляющихся в его экспрессивном поведении, мы можем получить не при непосредственном взаимодействии с политиком, а с помощью исследования электората. На основе результатов полученных при помощи методик «Невербальные характеристики общения» и «Изображение невербальных паттернов поведения», обработанных с помощью методов математической статистики, мы получаем представление о невербальных паттернах поведения определенных политиков. Полученные данные позволяют нам выявить особенности отношения электората к тем или иным политическим деятелям, формирующегося под влиянием его экспрессивного Я.

УДК 159.9:316.37

Возрастная динамика смысла любви

Кошелева Е.В.

Алтайский государственный университет

Психология любви - один из самых неразработанных разделов современной психологии. Почти все существующие на сегодняшний день концепции любви носят описательный характер и отражают опыт автора как человека и/или терапевта. Основным методом данного исследования являлся метод психосемантического дифференциала. Для выявления смысла любви значимые объекты (мужские и женские типы) соотносились с ситуациями, связанными с любовью. Только те гендерные образы, которые связаны с ситуациями, включены в жизненный контекст, можно считать раскрывающими смысл любви. Образы, не связанные ни с какими ситуациями, выделяются либо для других типов отношений, либо как недостижимые идеалы- эталоны. Испытуемыми являлись старшеклассники (104 человека из классов разного профиля) и студенты различных специальностей (150 человек) г. Барнаула.

При анализе ментальности старшеклассниц были выявлены два основных смысла любви. Первый – это классический вариант «женского счастья»: ожидание создания семьи (для этого нельзя вступать в сексуальные отношения, проявлять власть и агрессию), творческой самореализации и счастливых сексуальных отношений, связанных с мужчиной - другом. Такой мужчина романтичен, умеет понимать и учитывать желания девушки, он интересен в общении и в будущем видится как муж (в первую очередь) и любовник (во вторую). Следующий смысл любви связан для школьниц с образом мужчины- любовника, с которым надеются на счастливые сексуальные отношения, но не представляют себе возможной самореализацию. Это вариант ненормативных отношений, не предполагающих создание семьи и приносящих боль и счастье одновременно. Интересно, что старшеклассницы выделяют еще один тип мужчины - «каменная стена»: это наставник, способный решить проблему, лидер и защитник, обеспечивающий особое положение в группе, наконец, спонсор и хозяин, дающий материальную защищенность. Вариант возможного мужа в будущем, но мужчина, с которым нет никаких отношений в настоящем.

Сравнение представлений школьниц и студенток позволяет описать динамику женского смысла любви. Вариант классического женского счастья трансформируется в безопасные, но лишенные страсти и секса отношения. Это, по-прежнему, ожидание создания семьи и счастливой творческой самореализации в отношениях с мужчиной – другом. Но такие отношения начинают все меньше удовлетворять девушек: они обнаруживают, что мужчина- друг при всей его романтичности и неэгоистичности не дает материальной стабильности и защищенности. С таким мужчиной уже не

хотят строить сексуальные отношения, к нему привязывает разве что безопасность: он не уйдет, не изменит, не причинит боль. Еще более конфликтным становится и второй смысл любви: сексуальные отношения с мужчиной-любовником. В таких отношениях надежда на счастье борется с ревностью, агрессией, пониманием, что никакой семьи с любовником создать невозможно. Образ «мужчины - каменной стены» трансформируется у студенток в представление об идеальном муже: наставнике, джентльмене, хозяине, спонсоре и защитнике. По-прежнему, никаких близких отношений с таким мужчиной у девушек нет.

Два смысла определяют понимание любви юношами в старших классах. Это, во-первых, счастливая любовь, основанная на безопасности отношений и получении времени, внимания, подарков от девушки-друга. Такая девушка хозяйственна и заботлива, у нее хороший характер, она интеллигентна, романтична и не вульгарна и подходит на роль жены. Другой смысл любви - это сексуальные отношения с романтично-капризной любовницей. Такие отношения понимаются как игра в любовь, а в образе любовницы основной чертой становится кокетство. Образ бизнес-леди (роковой женщины и проститутки) выделяется, но никак не связывается с любовью. А два типа ситуаций: страх отвержения и уход любимой - не позволяют строить близкие отношения и не связаны ни с одним женским образом.

В студенческие годы смысл любви у мужчин резко меняется. Образ романтично-капризной любовницы превращается в образ идеальной девушки, в него добавляются такие характеристики, как друг и хозяйка. От такой девушки ждут одновременно кокетства и сексуальных отношений, дружеской поддержки и понимания, хозяйственности и заботы, романтики и сказки в отношениях. С ней надеются построить счастливые безопасные сексуальные отношения (не изменит, не уйдет, не причинит боль). Следующий смысл любви связан для студентов с магической силой сексуальной роковой женщины, которая властвует через секс и ревность. Образ бизнес-леди становится нейтральным (это зрелая женщина- хозяйка) и по-прежнему не связывается с близкими отношениями. Появляется новый женский образ: интеллигентка, способная быть другом, но не подходящая на роль любовницы. В 18-20 лет оба смысла любви связаны с сексуальными отношениями, и образ интеллигентной девушки-друга оказывается не включенным в понимание любви.

Таким образом, в ходе исследования были выявлены мужские и женские образы, значимые для построения близких отношений в определенном возрасте. Эти образы были соотнесены с ситуациями, связанными с любовью, что позволило определить женские и мужские смыслы любви. Сравнение представлений старшеклассников и студентов раскрыло динамику смысла любви в данный возрастной период.

УДК 159.99

Социальные страхи у старшеклассников и студентов

Кречетова Н.А.

Томский государственный университет

В связи с высокой стрессогенностью современной жизни, связанной, в том числе, и с социальными явлениями, изучение проблемы социальных страхов, особенно в периоде взросления, является актуальным для возрастной, социальной и клинической психологии. В рамках данного исследования изучалось наличие, выраженность и содержание социальных страхов у студентов-психологов и старшеклассников. Данные, полученные с помощью методики «Неоконченные предложения», адаптированного под задачи исследования «Опросника страхов» П.Еле, были подвергнуты статистической обработке.

В представлениях старшеклассников и студентов понятие «страх» выражено в категориях «состояние», «личностное качество», «препятствие», «чувства». Основная смысловая нагрузка легла на категорию «состояния»: боязнь чего-либо или кого-либо, определенное душевное состояние, боязнь неизвестности, неопределенности, состояние полного невладения собой. Второе место по значимости заняли категории «препятствия»: то, что мешает достигнуть цель, (например, неуверенность в своих силах, возможностях); очень мешает человеку в его жизни; портит настроение и нервы; и «чувства»: чувство, которое носит негативный характер; чувство безотчетного ужаса, которое парализует и не дает действовать.

Социальный страх в представлениях старшеклассников и студентов выражен в следующих основных категориях: «страх перед жизнью и обществом», «страх перед кем-то другим», «страх перед общением, людьми», «страх социальных явлений». Появление страха у респондентов связано в наибольшей степени с возникновением какой-либо ситуации, с личностными характеристиками и с неизвестностью..

Содержание представлений о «страхе перед будущим» определялось следующими словоформами: «страх, связанный с неуверенностью», «страх, связанный с неопределенностью, неожиданностью», «страх, связанный с невозможностью развития», «страх, связанный с неудовлетворенным настоящим», «страх, связанный с изменением».

«Страх изменений в обществе» означает для испытуемых: «страх, связанный с негативными событиями», например, потеря близких и друзей; страх войны, голода и т.п.; «страх, связанный с изменением» и «страх перед новым, необычным».

Очень разнообразными получилось содержание «страха изменений в собственной жизни»: «неуправляемые события», «интерес», «страх, связанный с изменениями» (например, нежелание изменений; изменение отношений с плюсом на минус и т.д.), «страх, связанный с личностными особенностями» (нерешительность; страх перед собой).

«Страх ошибиться» представлен у испытуемых в таких категориях, как «страх к чему приведет ситуация» (провал; боязнь опозориться; не получить похвалу и т.п.), «ответственность» (сделать что-то не так; поступить неправильно), «неуверенность» (неуверенность в ответе/мнении, неуверенность в себе, в своих силах), «невозможность исправить что-либо». Полученные в группе респондентов ответы по представлению о том, что такое побороть страх, оказались более однородными: «победить страх» (проявить силу воли; не бояться его; посмотреть на ситуацию с другой стороны); «измениться» (стать более уверенной; стать незакомплексованным человеком) «побороть, преодолеть себя».

По степени выраженности социальные страхи незначительны у всей исследуемой группы. Среди старшеклассников наиболее значимым оказался страх за систему образования (страх за то, что система образования не сможет дать тех знаний, которые понадобятся для поступления в ВУЗ), далее - страх, что выбор профессии может оказаться неправильным и страх перед будущим. Период, который соответствует переживанию самого значимого страха, в среднем равен полгоду или году.

В выборке студентов одинаково значимы для них страх, что может случиться срыв и боязнь изменений в собственной жизни; страх потерпеть неудачу и страх перед будущим; третье место занимает страх по поводу своего материального положения. Период присутствия наиболее значимого страха – больше года.

Сравнительные данные по возрастным группам показали, что в сознании студентов в большей степени, чем у старшеклассников, представлено содержания понятий, относящихся к социальным страхам: нет испытуемых, которые бы не ответили на задание; во-вторых, окончания предложений имеют более совершенный, законченный вид; в-третьих, большая вариабельность словоформ (у школьников присутствует шаблонность). В сознании как школьников, так и студентов содержание понятия страха больше всего выражает категорию состояния. Категория «личностное качество» отсутствует в выборке студентов. Социальный страх, по мнению старшеклассников, - это страх перед кем-то другим, а

для студентов он означает страх перед обществом. Студенты связывают появление у себя страха с личностными особенностями, а испытуемые-школьники – с ситуацией.

Страх перед будущим старшеклассники связывают с неуверенностью в себе, завтрашнем дне, а студенты – с неопределенностью. Побороть страх для школьников значит измениться (избавиться от комплексов, стать уверенней - направлены на личностные изменения), а для студентов – победить его (избавиться от него, проявить силу воли, найти решение – действия, ориентированы на проблему).

УДК 159

Исследование представлений студентов об особенностях русской и немецкой деловых культур

Криничная К.М.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В данной работе мы хотим представить социально-психологическое исследование, которое посвящено изучению представлений о деловой культуре. Прежде всего, необходимо указать на важность проведения работ в данной области. В связи с этим будет уместным привести цитату из книги Шихирева П.Н.: «...обнаруживается, с одной стороны, большая актуальность и практическая значимость проблем деловой культуры, а с другой – их крайняя неразработанность в российской науке и практике» [5].

Анализ литературы, посвященной данной проблеме, позволяет нам говорить о том, что она исследована недостаточно. В частности, отсутствуют современные данные о представлении тех людей, которые являются потенциальными сотрудниками совместных предприятий.

Проблема исследования может быть выражена следующим образом: противоречие между необходимостью решения проблем адаптации новых сотрудников совместных российско-германских предприятий (в сфере делового взаимодействия) и отсутствием адекватных данных для разработки соответствующих программ.

Целью исследования было определено выявление специфики представлений студентов об особенностях немецкой и русской деловых культур. В качестве объекта исследования выступили студенты МГУ, а предметом явились их представления о типичных представителях русской и немецкой деловых культур и о себе самих.

Исследование проводилось в два этапа, на каждом из которых ставились свои задачи, формулировались гипотезы, использовались определенные методики: опросник, созданный на базе методики Стефаненко Т.Г. [4], шкала Богардуса, методика свободного описания.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- современные студенты характеризуются открытостью, настроенностью на контакт с представителями других культур;

- немецкая и русская деловые культуры различны в глазах студентов, но при этом не могут быть названы полярными;

- у респондентов имеется, скорее, единый образ, характеризующий западный (европейский) тип деловой культуры, а не образ немецкой деловой культуры;

- в результатах исследования проявилась противоречивость автостереотипа русских, о которой говорит Сикевич З.В. [1], и амбивалентность отношения к иностранцам, присущая нашей культуре, как отмечает Шихирев [5];

- опрошенные студенты видят себя больше похожими на представителей западной, а не русской культуры, что отражает, на наш взгляд, ориентацию на западный (европейский) вариант деловой культуры.

Если обратиться к характеристике полученных образов в терминах Г.Хофштеде [2, 3], то можно утверждать следующее. Немецкой деловой культуре, по мнению респондентов, присущи индивидуализм, мужественность, долгосрочная ориентация. Русская деловая культура представляется коллективистической, менее мужественной, имеющей также долгосрочную ориентацию.

В заключение, отметим, что проведенное исследование позволило составить представление о некоторых аспектах русской и немецкой деловых культур в глазах студентов. Однако полученные результаты ставят ряд вопросов, требующих рассмотрения в дальнейших исследовательских работах. Помимо этого, результаты исследования могут быть использованы в практической деятельности. Таким образом, перспективы работы в этом русле многочисленны и разнообразны.

1. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. *Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / Под ред. Садохина А.П. М., 2002.*

2. Занковский А.Н. *Организационная психология. М., 2000.*

3. Наумов А. «Хофстидово измерение России (влияние национальной культуры на управление бизнесом)» // *Менеджмент*, 1996, №3.

4. Стефаненко Т.Г. «Методы исследования этнических стереотипов» // Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н. *Методы этнопсихологического исследования. М., 1993.*

5. Шихирев П.Н. *Введение в российскую деловую культуру. М., 2000.*

УДК 159.99

Представления студентов о гармоничных супружеских отношениях

Крысанова Н.Л.

Томский государственный университет

Студенчество – один из этапов юношеского возраста и периода взросления человека. В этот период становятся актуальными проблемы, связанные с выбором будущего брачного партнера, в целом психологической готовностью к «построению» гармоничных супружеских отношений.

Первый этап исследования представления о гармоничных супружеских отношениях в самосознании студентов (юношей и девушек) позволил выявить следующие особенности. Данные обрабатывались с помощью факторного анализа с использованием метода главных компонент, контент-анализа и описательной статистики.

Для девушек условиями гармоничных супружеских отношений, счастливой семейной жизни являются:

- Умение принять все недостатки, которые есть у спутника жизни. Если все-таки, какие-то из них трудно принять, то продолжать их терпеть несмотря ни на что, т.к. на их взгляд это будет залогом развития счастливых отношений. При гармоничных отношениях предполагается прощение всех ошибок, кроме измены, по мнению респондентов.

- Искренность и забота друг о друге играют не главную роль, по мнению девушек. Для них наиболее важным является взаимопонимание. Они не требуют от партнера искренности и заботы, самое главное, чтобы был услышан их голос и их желание.
  - Руководствуются поговоркой «С милым рай и в шалаше». Для таких девушек совершенно не важно, каким будет их дом, во всяком случае, это точно не повлияет на гармоничные супружеские отношения. Для них важно доверие и признание индивидуальности друг друга. Если супруги будут признавать и принимать уникальность другого и полностью доверять его действиям, то будет счастливая семья.
  - В гармоничном браке супруги имеют общие интересы и занимаются совместной деятельностью, при этом они должны сохранять свою уникальность, независимость. Если перестанет существовать независимость супругов друг от друга, то могут исчезнуть и общие интересы и совместная деятельность;
  - Значимым также является представление о том что, чем больше в семье будет разделение прав и обязанностей, тем меньше будет совместной деятельности и хуже будет материальное положение семьи. Также, если материальное положение семьи будет достаточным, то будет больше совместной деятельности и меньше будет разделение прав и обязанностей.
  - Девушки думают, что увеличение свободы во всех видах деятельности ведет к уменьшению ответственности. Или если в супружеских отношениях много ответственности друг перед другом, то нет никакой свободы.
  - По мнению наших респонденток, счастливые гармоничные отношения предполагают долгосрочность отношений, и наоборот, если отношения стоят на грани распада и они не долговременны, то нельзя построить семейное счастье.
  - Опрошенные студентки связывают плохой и нерегулярный секс с отсутствием совместного времяпрепровождения. Если инвертируем знаки в этом факторе, то получим, что совместное проведение времени влечет за собой безопасный, частый секс (по данным контент-анализа)
  - Уважение и любовь в их понимании, способствует решению проблем, так же как и решение проблем (или их отсутствие) способствует развитию гармоничных супружеских отношений, основанных на любви и уважении друг друга;
  - Если каждому из супругов, на взгляд опрашиваемых, не требуется поддержка и помощь, то оба супруга гармонично развитые личности. И наоборот, если супруг не достаточно зрелая личность, то ему требуется помощь. Только на таких условиях может быть построен гармоничный союз двух людей.
- При проведении факторного анализа ответов юношей выделились следующие особенности их представлений о гармоничных супружеских отношениях:
- Залогом гармоничных супружеских отношений, для юношей, является наличие стабильного материального достатка при сохранении личной свободы в условиях интересной совместной деятельности в семье.
  - Гармоничные супружеские отношения основываются на любви. При этом, по их мнению, партнеры вовсе не обязаны быть зрелыми личностями, полностью доверять и терпеть все недостатки друг друга. Быть зрелой, гармоничной личностью значит быть искренним, терпеливым партнером, но не обязательно любящим.
  - Гармоничные супружеские отношения невозможны, если отсутствуют умение прощать, верность, взаимопонимание, стабильное материальное положение, а также умение и желание решать проблемы
  - По мнению юношей, счастливые супружеские отношения должны строиться на общих интересах, взаимопомощи, поддержке, уважении и принятии недостатков партнера. Уважение друг друга способствует принятию недостатков и нахождению общих интересов, а так же желанию помогать и поддерживать в трудную минуту.
  - Юноши считают, если партнеры не ответственны, то они не могут создать уют в доме и очень быстро расстанутся. И, наоборот, для долгих счастливых супружеских отношений партнеры должны быть ответственными и поддерживать в своем доме уют и эмоциональное тепло.
  - Для гармоничных семейных отношений супруги должны много времени проводить вместе, удовлетворяя свои сексуальные потребности, но это не должно ограничивать их свободу и независимость.
  - В представлениях юношей, очевидно, что если люди не заботятся друг о друге и не признают индивидуальности своего партнера, то их отношения не будут счастливыми. Отсюда можно сделать вывод, что если бы в семьях супруги больше заботились друг о друге, и не пытались подавить индивидуальность партнера, то число разводов значительно снизилось бы.
  - По мнению юношей в гармоничных семьях готовность иметь детей и их воспитание проходят в условиях полного доверия супругов друг другу.
  - С точки зрения респондентов, в счастливых семьях разделения прав и обязанностей быть не должно. Современная семья должна строиться на равноправии.

УДК 159.9:316.454.3

Особенности группового субъекта на начальном этапе его формирования

Кузьменко О.В.

Воронежский государственный университет

В настоящее время все бóльшую популярность приобретает субъектный подход, открывающий широкие возможности для систематизации накопленных психологических знаний. Понятие субъекта относится как к одному человеку, так и к общностям различного масштаба. Как показывает анализ литературы, вопросы индивидуального субъекта на сегодняшний день разработаны гораздо подробнее, нежели вопросы психологии группового субъекта. Наше исследование проливает свет на некоторые социально-психологические особенности групповых субъектов. Сегодня в разнообразных областях человеческой деятельности преобладают групповые формы функционирования людей. Таким образом, сама жизнедеятельность групп обнаруживает потребность в новых исследованиях групповой психологии, результаты которых можно было бы применить на практике для совершенствования их деятельности, общения, поведения.

В основу нашей работы легла предложенная А.Л. Журавлевым (2002) теоретическая модель изучения группового субъекта. Согласно этой модели, каждую группу как субъект можно охарактеризовать по трем параметрам: «взаимосвязанность и взаимозависимость» – взаимные связи различного характера между членами группы, которые в своей сумме служат основанием для формирования готовности к совместной деятельности; «совместная активность» – способность группы проявлять различные формы совместной активности, т.е. выступать единым целым по отношению к другим социальным объектам и по отношению к себе самой; «групповая саморефлексия» – совокупность типичных для группы более или менее согласующихся между собой образов (представлений, оценок, мнений и т.п.),

отражающих важнейшие многообразные стороны жизнедеятельности группового субъекта. Преобладание одного из параметров определяет психологический тип субъектности группы.

Новизна предпринятого нами исследования состоит в том, что впервые были изучены эмпирическим путем приведенные выше параметры субъектности различных молодежных групп. Нами был апробирован комплекс методик для диагностики параметров субъектности, разработаны рекомендации по работе с изученными группами. В качестве субъекта на начальном этапе формирования мы рассматривали группы первокурсников различных учебных заведений. Исходя из предположения, что особенности учебно-воспитательных организаций накладывают отпечатки на образующиеся в их рамках группы, мы сформулировали гипотезу исследования: в учебных группах первокурсников можно ожидать проявления разных типов групповой субъектности в зависимости от вида учебного заведения. Для проверки этой гипотезы в эмпирическом исследовании мы изучили представленность параметров групповой субъектности в 4 учебных группах первокурсников военно-технического училища и 5 группах 1 курса факультета философии и психологии Воронежского госуниверситета. Общий объем выборки составил 174 человека. Сравнивались уровни выраженности каждого из параметров в группах студентов и курсантов. В итоге были установлены различия между психологическими особенностями групповых субъектов на начальном этапе их формирования. В работе были использованы шкалы из Карты-схемы психолого-педагогической характеристики малой группы Л.И. Уманского, А.С. Чернышева и др., методика «Незаконченные предложения» в модификации К.М. Гайдар на тему «Моя группа», метод экспертных оценок на основе методики Л.Г. Почебут «Пульсар».

Результаты исследования позволяют утверждать, что для курсантских групп в первую очередь характерны проявления субъектности «совместная активность», в меньшей степени выражен параметр «взаимосвязанность и взаимозависимость» и практически не свойственны проявления «групповой саморефлексии». В отношении студенческих групп университета можно заключить, что первый и второй параметры представлены в них примерно в равном соотношении, с некоторым преобладанием первого, и гораздо меньшая доля приходится на проявления «групповой саморефлексии». По сравнению с группами курсантов, в студенческих группах взаимосвязанность и взаимозависимость членов имеет тенденцию к более яркому проявлению, тогда как совместная активность носит менее организованный, менее стабильный характер. На основе результатов исследования мы сделали вывод, что на начальном этапе развития учебной группы как субъекта в большей или меньшей степени представлены все три параметра субъектности. Особенности основной организации способствуют формированию определенного психологического типа групповой субъектности. Жесткие требования к совместной деятельности группы, ее организованности способствуют интенсивному развитию параметра «совместная активность», менее жесткие требования – к выраженности первого и второго параметров субъектности, с преобладанием «взаимосвязей и взаимозависимостей». Тип субъектности «групповая саморефлексия» на начальном этапе формирования группового субъекта проявляется в незначительной степени, поскольку для его развития требуется более длительное время.

Социально-психологические факторы и характеристики управленческой идентичности

Кузьмина М.Ю.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Проблема идентичности является одной из самых актуальных и многогранных проблем в предметном поле наук о человеке. Расширение и усложнение социальной реальности, активным творцом которой выступает человек, порождает появление новых видов идентичности. Одной из основных сфер социальной жизни, где человек может обозначить и реализовать себя, является профессиональная среда. Особую социально-профессиональную группу в современной России составляют менеджеры и управленцы, профессиональная социализация и идентичность которых имеет свою специфику. В связи с этим представляется актуальным исследование управленческой идентичности как системы самопредставлений, элементами которой являются самоопределения – суждения принятые субъектом относительно себя как руководителя и своей профессионально-управленческой деятельности. Объектом эмпирического исследования выступили руководители отечественных организаций разных форм собственности, режиссёры кино и театра, а также студенты. Общее количество испытуемых составило 188 человек. Методологическую основу работы составили основные принципы анализа и подходы к исследованию идентичности в общей и социальной психологии (Андреева Г.М., Антонова Н.В., Белинская Е.П., Кун М., Макпартленд Т., Марсиа Дж., Тэшфел А., Эрикссон Э.), положения теорий организационной идентичности и приверженности (Ashforth B., Cheney G., Mael F., Van Knippenberg D., Магура М.И.) и комплексный организационно-культурный подход к анализу и оценке управленческой деятельности (Базаров Т.Ю.). Использовались модификации методик: теста 20 ответов М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я»: «Кто Я как руководитель?»; «Неоконченные предложения»; «Ролевой список», а также опросник «Организационная приверженность», адаптированный М.И. Магурой.

По результатам проведенного исследования были сформулированы следующие выводы:

Управленческая идентичность имеет три измерения: содержательное, оценочное и временное.

Специфика управленческой идентичности состоит в её представленности преимущественно субъективными самохарактеристиками.

Управленческая идентичность имеет внешнюю и внутреннюю ориентацию.

а). Содержание внутреннего аспекта составляют: личностные самохарактеристики (социо-эмоциональные, профессиональные, лидерские и моральные качества); социальные роли (межличностные, функционально-деловые, статусно-должностные, половые и общечеловеческие); самоопределения в терминах управленческих умений, функций и стиля управления; высказывания, относящиеся к мотивационно-потребностной сфере (мотивация достижения, власти, потребности в уважении, признании и самореализации); состояния и чувства.

б). Внешняя ориентация связана с обращением в самоопределении к значимым в контексте управления темам: межличностным отношениям, экзистенциальным, организационным и профессиональным проблемам.

Оценочное измерение управленческой идентичности связано с управленческой самооценкой, представлено позитивными и негативными, самокритическими суждениями, что вносит вклад в определение статуса достигнутой и диффузной управленческой идентичности.

Временное измерение управленческой идентичности представлено такими категориями как ретроспективная управленческая идентичность («Я-в-прошлом»); возможная, или потенциальная, управленческая идентичность («Я-в-будущем»); «возможное идеальное Я», «возможное реальное Я», а также возможная организационная идентичность.

На содержание управленческой идентичности оказывают влияние социально-психологические особенности профессиональной деятельности. Совместно-творческий тип совместной деятельности режиссёров определяет выраженность эмоционального компонента управленческой идентичности, широту и дифференциацию ролевого репертуара представителей данной профессиональной группы.

По результатам анализа самоописаний были выделены следующие типы самопредъявлений, характеризующих управленческую идентичность: личностный, ролевой, ассоциативный, рефлексивный и смешанный, а также стереотипный и безличный у студентов. Управленческая идентичность может быть актуализирована у индивидов, не

являющихся субъектами управленческой деятельности. Выделены несколько стратегий подобной актуализации: «Я в будущем», «значимый другой», «идеальный образ», «собственная позиция», «знание и опыт»

На содержание управленческой идентичности оказывает влияние организационная идентичность: а) рефлексия организационных проблем соответствует внутренней перцептивной модели организации и содержанию предпочитаемой управленческой роли; б) управленческая идентичность находится в отношениях взаимовлияния с организационной приверженностью.

Игровое биоуправление как психологический метод борьбы со стрессогенными факторами, влияющими на человека в повседневной жизни.

Кузовкин С. В.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В наше время считается, что в возникновении и развитии многих заболеваний, ведущую роль играет неадаптивное поведение в стрессовых ситуациях. Многие люди заболевают на фоне тяжёлых переживаний и постоянно действующих негативных факторов извне. Наряду с этим, научно-технический прогресс также приводит ко многим болезням. Люди начинают меньше двигаться, больше есть, внутренний дискомфорт лечить медикаментами. У некоторых наоборот происходит стремительное ускорение темпа жизни, постоянные информационные перегрузки, урбанизация. В результате всего этого забывают о внутренних ресурсах организма.

Применяя оперантные принципы научения, мы можем оказывать влияние на физиологические реакции клиента, которые не подвластны произвольному контролю. Мы допускаем, что если человеку дают информацию, которую можно наблюдать, о внутренних физиологических процессах, он может научиться их контролировать. Человек получает на монитор компьютера или через громкоговоритель объективный показатель о работе органа или системы органов. Например, когда выбранный физиологический показатель становится выше, неприятный звуковой сигнал накладывается на приятную музыку, тем самым, мешая её слушать. И, наоборот, чем ниже показатель, тем меньше помех. Таким образом, принцип биологической обратной связи позволяет клиенту из пассивного объекта манипуляций психолога, превратиться в активного субъекта восстановительно-реабилитационного процесса. Способ представления информации клиенту, может быть самым разным, это могут быть графики, могут быть звуковые сигналы, а могут быть и игровые сюжеты. В таких игровых сюжетах, которыми управляет выбранная физиологическая функция, правильное изменение этой функции, приводит к выигрышу.

Компьютерные игровые тренажеры имеют несколько сюжетов, все они носят соревновательный характер. Как упоминалось выше, ход соревнований регулируется самим субъектом, а точнее динамикой регистрируемого физиологического параметра. Это может быть частота сердечных сокращений, кожно-гальваническая реакция, температура кожи и т. д. Чтобы выиграть игру или добиться положительного развития сюжета человеку необходимо научиться управлять своими механизмами саморегуляции. Преодолевая противоречие между психоэмоциональной нагрузкой и необходимостью сохранять спокойствие, играющий учится формировать устойчивость к факторам игрового стресса. Алгоритм обучения построен таким образом, что в процессе этого обучения необходимо улучшить свой собственный результат, записанный в прошлых сеансах. В процессе игры человек учится противостоять стрессу, учится по-новому относиться к конфликтным ситуациям, снижать излишнее нервное напряжение, концентрировать и мобилизовать внимание. Использование игрового биоуправления позволит психологу-практику обучать клиентов справляться с различного рода стрессами и не стандартными ситуациями. С помощью системы Гребной канал, ВИРА, Ралли и Волшебные кубики мы можем научить клиента навыкам релаксации, нормализации деятельности сердечно-сосудистой системы, контролю эмоциональных состояний.

Благодаря возможности анализировать результаты психотерапевтических сессий, психолог может оценивать динамику курса тренинга, определять индивидуальные особенности клиента, выбирать наиболее подходящую психотерапевтическую стратегию.

В игровых тренажерах, которые мы будем использовать в нашей работе, большая часть экрана монитора отдана виртуальной среде и сюжету игры, выполненному с использованием мультимедиа. Специально создана релаксационная музыка и подобраны звуковые эффекты. Всё это помогает погрузиться клиенту в игровую обстановку.

Исходя из вышесказанного, представляется возможным спланировать психологическое воздействие, опосредованное игровым биоуправлением, внутренними ресурсами организма.

В настоящее время нами ведётся работа по экспериментальному исследованию эффективности предложенного метода. Планируется разделить испытуемых на две группы. В первую группу испытуемых должны войти люди, которые в первой сессии покажут достаточно хорошие результаты. Во вторую группу - люди, у которых возникнут трудности с выполнением задания. Таким образом, мы можем предположить, что испытуемые первой группы довольно-таки быстро научатся достигать нужного результата, а испытуемые второй группы научатся управлять выбранной физиологической функцией только к концу курса.

Для осуществления экспериментальной проверки эффективности метода игрового биоуправления будут взяты результаты одной начальной и одной конечной сессии курса. Проанализировав две сессии, можно будет определить, была ли эффективной работа психолога по научению испытуемых осознанно контролировать свои физиологические показатели.

УДК 316.6

Особенности самовосприятия образа «Я» в ранней юности

Куропаткин А.Н.

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка

В ранней юности происходит постепенная смена “предметных” компонентов Я-концепции, в частности, соотношения телесных и морально-психологических компонентов своего “я”. Юноша привыкает к своей внешности, формирует относительно устойчивый образ своего тела, принимает свою внешность и соответственно стабилизирует связанный с ней уровень притязаний. Постепенно на первый план выступают другие свойства “я” - умственные способности, волевые и моральные качества, от которых зависит успешность деятельности и отношения с окружающими.

Судя по имеющимся данным, когнитивная сложность и дифференцированность элементов образа «Я» последовательно возрастают от младших возрастов к старшим, без заметных перерывов и кризисов. Взрослые различают в себе больше качеств, чем юноши, юноши - больше, чем подростки, подростки - больше, чем дети. По данным исследований Д.И.Фельдштейна (1997) способность старших подростков реконструировать личностные качества основывается на развитии в этом возрасте более фундаментальной когнитивной способности – абстрагирования (Бернс Р., 1986).

Исследования содержания образа «Я», проведенные под руководством И.В. Дубровиной, показали, что на границе подросткового и раннего юношеского возрастов в развитии когнитивного компонента Я-концепции происходят существенные изменения, характеризующие переход самосознания на новый более высокий уровень (Шибалева М.М., 1981).

Интегративная тенденция, от которой зависит внутренняя последовательность, цельность образа «Я», усиливается с возрастом, но несколько позже, чем способность к абстрагированию. Подростковые и юношеские самоописания лучше организованы и структурированы, чем детские, они группируются вокруг нескольких центральных качеств. Однако неопределенность уровня притязаний и трудности переориентации с внешней оценки на самооценку порождают ряд содержательных внутренних противоречий самосознания, которые служат источником дальнейшего развития.

В настоящем исследовании при изучении образа «Я» в ранней юности были обнаружены закономерные противоречия и различия в самовосприятии юношей и девушек. Для исследования использовались методики: методика «Полярные профили» (ПП); методика личностного дифференциала (ЛД) разработанная по принципу семантического дифференциала Ч.Осгуда.

Анализ гендерных различий между самовосприятием образа «Я» у девятиклассников позволил обнаружить существенные различия между самооценками следующих характеристик: обаятельность, отзывчивость, суетливость, дружелюбие, честность, раздражительность (при $p \leq 0,01$). Удовлетворительный уровень значимости обнаружен между самооценкой независимости, общительности, решительности (при $p < 0,05$). Все интегральные показатели (оценка, сила, активность) имеют существенные значимые различия. По полученным данным девушкам более склонны осознавать себя как носителя позитивных, социально желательных характеристик (фактор *Оценки*). Они оценивают себя более обаятельными и отзывчивыми. Для юношей характерно восприятие себя как более сильных, независимых, общительных, дружелюбных, честных и менее суетливых и раздражительных, чем девушки.

У юношей и девушек из 11-х классов обнаружены различия между всеми характеристиками и интегральными показателями, кроме доброты, независимости, справедливости, напряженности, дружелюбия и уверенности.

По полученным данным (методика ПП) существенные гендерные различия у девятиклассников обнаружены при самооценке интеллекта, эмоциональной устойчивости, дипломатичности, склонности к новому, самокритичности, совестливости, а также импульсивности, подозрительности, непрактичности. Девушки склонны воспринимать себя как более совестливых, самокритичных, и в тоже время импульсивных и непрактичных. Юноши склонны высоко оценивать свой интеллект, дипломатичность, эмоциональную устойчивость и подозрительность.

У юношей и девушек из 11-х классов не обнаружено существенных различий в самооценках уровня интеллекта, эмоциональной устойчивости, спокойствия, склонности к новому и независимости. Однако, девушки воспринимают себя более общительными, импульсивными, совестливыми, с высоким самоконтролем и склонностью к доминированию, а юноши оценивают себя более дипломатичными, и, что примечательно, подозрительными и непрактичными (ПП).

К концу периода ранней юности характер отличий самовосприятия значимых характеристик несколько изменился. Спектр воспринимаемых содержательных характеристик, значимых для самоопределения, значительно расширился. В этом возрасте значение для самоопределения как у девушек, так и у юношей имеют такие личностные качества, как спокойствие и эмоциональная устойчивость, самостоятельность, склонность к доминированию, сила и энергичность, честность и общительность. Для самоопределения девушек, более чем для юношей, важны такие качества, как интеллектуальность, совестливость, подозрительность, независимость и мягкость. Девушки этого возраста более экстравертированы.

В юношеском возрасте, в рамках становления нового уровня самосознания и Я-концепции, происходит формирование относительно устойчивого представления о себе, которое взаимосвязано с процессом личностного самоопределения и сопутствует его успешности.

УДК 612.821

Электроэнцефалографические индикаторы эмоциональных реакций

Лапшина Т.Н.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Наша работа посвящена поиску объективных индикаторов эмоциональных реакций человека на стимулы, предъявляемые зрительно.

Эмоции влияют на эффективность когнитивных процессов, физическое самочувствие и деятельность человека в целом. Но до сих пор не существует однозначных данных, позволяющий достоверно установить знак и интенсивность возникающего у человека эмоционального переживания.

Целью нашего исследования было выявление электроэнцефалографических индикаторов (ЭЭГ-индикаторов) слабых эмоциональных реакций человека на внешние стимулы. Электроэнцефалограмма была выбрана, основываясь на литературных данных, утверждающих, что ЭЭГ-показатели отражают не только интенсивность эмоции, но и позволяют дифференцировать её знак (положительная или отрицательная реакция). Основная гипотеза исследования: эмоциональные различия в зрительной стимуляции отражаются в спектральных характеристиках ЭЭГ.

Для зрительной эмоциогенной стимуляции были отобраны 16 слайдов-картинок разного эмоционального содержания следующих тематических групп: 1. виды природы, 2. эротические фото, 3. кожные нарывы, 4. ядовитые змеи и насекомые, 5. десертные блюда, 6. серый экран. Тематика слайдов была выбрана таким образом, чтобы вызвать различные по знаку эмоции, предположительно, разной интенсивности. В проведенном исследовании предъявляемые стимулы были одинаковы для всех испытуемых, их выбор не был основан на знании каких-либо значимых эпизодов личной жизни, связанных с сильными эмоциональными переживаниями.

Новизна методического подхода состояла в сочетании психофизических (прямые оценки стимулов и парные сравнения) и психофизиологических (регистрация и анализ ЭЭГ, кожногальванической реакции, электрокардиограммы, механограммы дыхания) методик, которые составили соответственно психофизическую и психофизиологическую серии. В целом, в экспериментах приняли участие 14 человек (8 женщин и 6 мужчин) в возрасте от 17 до 21 года.

С помощью метода многомерного математического шкалирования на основе результатов парных сравнений были построены субъективные пространства стимулов для каждого испытуемого и усреднённые пространства для мужской и женской выборок, которые были проинтерпретированы, опираясь на прямые оценки. Данные психофизической серии были сопоставлены с результатами спектрального анализа десятисекундных отрезков ЭЭГ, зарегистрированных при предъявлении слайдов. Из всего объёма полученных данных отбирался безартефактные отрезки, сопровождавшиеся наиболее интенсивным изменением КТР. Из 21-канальной записи анализировались лобные, теменные и затылочные отведения (F7-АА, F3-АА, F4-АА, F8-АА, P3-АА, P4-АА, O1-АА, O2-АА). На основе чего были выделены диапазоны, наиболее чувствительные к эмоциональным реакциям испытуемых.

Резюмируя полученные нами результаты, можно сделать следующие выводы:

1. При сопоставлении данных психофизической и психофизиологической серий эксперимента было выяснено, что динамика мощностных показателей ЭЭГ вполне соответствует выделенным субъективным различиям в

эмоциональном впечатлении от слайдов и отражает эмоциональное состояние человека, вызванное различными типами визуальной стимуляции. Следовательно, ЭЭГ может быть использована, как индикатор эмоциональных состояний.

2. При восприятии положительно-эмоциональных слайдов обнаружено усиление относительной мощности ЭЭГ в диапазоне 6-8 Гц в лобных отведениях, а также подавление 8-12-герцовой активности в затылочных и теменных. К сожалению, выделенные нами компоненты оказываются неустойчивыми в отношении пола испытуемых.

3. В отдельных частотных полосах (бета-ритм) наблюдается выраженная тенденция в динамике ЭЭГ активности, отражающая субъективное ощущение силы эмоционального возбуждения. Правда, интенсивность эмоциональной реакции слабо отражается в субъективных оценках испытуемых.

Настоящая работа является попыткой построения комплексного психологического и физиологического исследования такой важной психологической темы, как эмоции. В целом, выбранный подход, состоящий в сочетании и соотнесении субъективных и объективных показателей эмоционального реагирования на зрительную стимуляцию, кажется нам весьма эффективным в научных целях и полезным в практических, в частности, для создания методики экспресс-диагностики эмоциональной реакции на зрительную стимуляцию. Результаты исследования могут найти практическое применение при диагностике стрессовой напряженности, "детекции лжи", диагностике и психокоррекции эмоциональных расстройств, объективной оценки рекламной продукции.

От создания практической методики нас отделяет, прежде всего, недостаточность данных. Но, принимая во внимание значимость проблемы, планируется продолжить исследования в данной области.

Возрастные и половые особенности самопонимания

Лещева Н.Н

Кемеровский государственный университет

Психология понимания является одним из динамично развивающихся направлений современной психологии. Много публикаций в этой теме посвящено таким вопросам как понимание в межличностном общении, понимание языка, понимание текста. Но проблема самопонимания, несмотря на ее актуальность, еще недостаточно изучена.

В отечественной психологической литературе самопонимание рассматривается как необходимый момент самосознания. Причем самопонимание не сводится ни к самопознанию, ни к самоотношению, ни к знаниям о себе. Каждое из перечисленных понятий имеет свою системную нагрузку в структуре самосознания. Важным компонентом самопонимания является самоуважение. Это понятие многозначно, оно подразумевает и удовлетворенность собой, и понятие себя, и чувство собственного достоинства, и положительное отношение к себе, и согласованность своего "актуального Я" и "идеального Я". Самоуважение отражает аспекты самоотношения к своим способностям, энергии, самостоятельности, оценки возможности контролировать свою жизнь, степень веры в свои силы [2].

В последнее время в исследованиях встречается и такое понятие как профессиональное самопонимание. Так, Н.И.Протасова в своем исследовании рассматривает развитие самопонимания юношей и девушек в процессе профессиональной подготовки будущих учителей. Профессиональным самопониманием - результат понимания учителем профессионально значимых качеств своего «Я», эмоционально-ценностное отношение к себе как к личности, выражающееся в состоянии мотивационной сферы и проявляется в стремлении понять и реализовать себя в конкретной деятельности [1].

Однако, в литературе нам не встретились данные о гендерных и возрастных различиях в склонности к самопониманию. Наше исследование является попыткой внести свой вклад в решение данного вопроса. *Цель настоящего исследования:* выявление гендерных и возрастных особенностей самопонимания у старших школьников, включая подростковый и юношеский возраст. *Гипотеза исследования:* существуют половые и возрастные различия в склонности к самопониманию.

Исследование проводилось на базе средних школ г. Кемерово. Возрастные границы выборки испытуемых: от 14 до 18 лет включительно. Опросник был предложен учащимся 8-11 классов (159 человек). Для диагностики самопонимания использовался тест-опросник для диагностики самоотношения В.В.Столина. Опросник включает в себя шкалы для диагностики самопонимания, самоуважения, самоинтереса.

Корреляционный анализ показал, что самопонимание, самоуважение школьников с возрастом увеличивается. Была получена положительная корреляция между возрастом и самоуважением ($r=0,18$); возрастом и самопониманием ($r=0,17$). С возрастом происходит открытие и осмысление своего внутреннего мира, формируется целостное и ценностное представление знаний о самом себе, отношении к себе. Уже в подростковом возрасте начинается анализ своих эмоций не как производных от внешних событий, а как состояние своего «Я». Проявляется чувство своей особенности, непохожести на других, растет чувство самоуважения.

Использование критериев значимости различий Стьюдента позволил выявить связи различной степени значимости между отдельными составляющими самоотношения и полом испытуемых.

Так, у юношей более развито самоуважение, чем у девушек ($M_{ю}=9,4$; $M_{д}=7,9$ $t = 2,8$). Самоуважение предполагает процесс оценки себя по сравнению с некоторыми социально значимыми критериями, нормами, эталонами о благополучном и эффективном индивиде, заложенными в идеальный образ «Я» субъекта. Этому способствуют те половые различия, которые существуют в нашем обществе. Методы воспитания и в школе и в семье направлены на воспитание доминирующего, превелигированного положения мужчины в обществе.

Юноши более склонны к самопониманию, чем девушки ($M_{ю}=5,63$; $M_{д}=4,98$ $t = -2,44$). Девушки более склонны к самопознанию, это подтверждает тот факт, что женская часть выборки характеризуется более высоким самоинтересом ($M_{ю}=5,9$; $M_{д}=6,8$ $t = -2,3$). Самоинтерес – отражение меры близости к себе, интерес к собственным мыслям и чувствам, уверенность в собственном интересе для других. Это самоотношение на основе эмоционального чувства привязанности и расположенности к себе.

Обобщая изложенные выше результаты проведенного исследования, можно констатировать следующее:

существуют половые и возрастные особенности склонности к самопониманию.

юноши более склонны к самопониманию, девушки к самопознанию.

с возрастом склонность к самопониманию увеличивается.

1. Протасова Н.И., *Развитие самопонимания юношей и девушек в процессе профессиональной подготовки будущих учителей:* Автореф. дис. к.п.н., М., 1999, С. 23.

2. Столин В.В., Пантелеев С.Р., Опросник самоотношения // *Практикум по психодиагностике.* М., 1998, с.123-130.

Психологическая поддержка студентов как интегральная проблема

Лилиенталь И.Е.

Северо-кавказский государственный технический университет

Накопленный психотерапией опыт является весьма ценным для психологической практики. Выдвижение в последние годы новой модели психотерапии делает возможным использование психотерапевтических методов и установок в образовательном процессе. Проектирование содержания психологической поддержки студентов требует соотнесения поддержки и психотерапии. Это позволит установить, насколько правомерным является «перенос» психотерапевтических методов в образовательный процесс вуза, что, в свою очередь, даст возможность обогатить педагогическую практику технического вуза психотерапевтическими методами.

Новая модель психотерапии – философская и психологическая – основана на первичном значении этого слова – «исцеление душой». С такой точки зрения основной целью использования психотерапевтического подхода в образовании является не излечение от психических расстройств, а помощь в процессе становления сознания и личности. Подобная интеграция психотерапии и психологии сделала возможным выявление и использование возможностей отдельных психотерапевтических приемов и методов в процессе оказания психологической поддержки студентам.

Анализ медицинской и психологической литературы позволяет выделить два основных подхода к пониманию психотерапии. В широком смысле психотерапия трактуется как воздействие на психику человека психологическими факторами для лечения заболеваний и коррекции поведения. В узком смысле психотерапию понимают как применение специальных методов с лечебной или корректирующей целью, в первую очередь, при невротических и невротоподобных расстройствах, девиациях поведения. В этом смысле психотерапия выступает одним из видов профессиональной медицинской или психологической помощи, в отличие от психологической поддержки, которая может быть как профессиональной, так и непрофессиональной. В этом отношении психотерапия может рассматриваться как одна из разновидностей психологической поддержки.

Личностно ориентированная психотерапия ставит своей задачей содействие субъекту в изменении его отношений к социальному окружению и собственной личности. В технологическом плане она представляет собой систему методов личностно-ориентированного, индивидуального и группового взаимодействия, посредством которых достигаются позитивные личностные изменения (коррекция нарушений системы отношений, неадекватных когнитивных, эмоциональных и поведенческих стереотипов).

Система механизмов личностно ориентированной психотерапии включает в себя механизмы лечебного воздействия (эмоциональная поддержка и принятие) и психологические механизмы (идентификация, интернализация, интериоризация).

Эмоциональная поддержка для субъекта выступает как форма признания его психотерапевтом и группой, признания его личностной и человеческой ценности и значимости, его самостоятельности, индивидуальности и права отличаться от других.

Значение эмоциональной поддержки состоит в том, что она создает атмосферу взаимной заинтересованности, доверия и взаимопонимания, а это, в свою очередь, становится предпосылкой для преодоления защитных механизмов, тревоги и страха. Эмоциональная поддержка, означающая для пациента принятие его психотерапевтом (группой), приводит к тому, что он начинает принимать себя (механизм, описанный еще К. Роджерсом).

По Роджерсу, психологический механизм идентификации отражает первый уровень перемен в системе отношений личности и выступает как следствие такого контакта индивида с психотерапевтом, который удовлетворяет его потребности (например, в признании, принятии или опеке). Идентификация является основой для перехода к более глубокому уровню перемен, который осуществляется с помощью механизмов интернализации и интериоризации.

Сопоставление психологической поддержки и личностно ориентированной психотерапии как психологических феноменов показывает, что в их основе лежат общие цели и механизмы. Категориальный анализ подводит к заключению о том, что «психологическая поддержка» – понятие, обозначающее широкий круг феноменов межличностного взаимодействия, в том числе и такого, как личностно ориентированная психотерапия. Это, в свою очередь, дает основания для использования методов личностно ориентированной психотерапии в образовательной практике.

Способность пережить и переживать одиночество как показатель личностной зрелости

Логинова Д.С.

Южно-Уральский государственный университет

Кроме того, что человек рождается и умирает в одиночестве, кризисные, наиболее важные перемены в его жизни происходят вследствие переживания одиночества, рассматриваемого в работе как относительно кратковременное, острое негативное состояние безысходности. Предполагается, что переживание одиночества, ввиду субъективной тягостности, разрешается либо в сторону самореализации и самоактуализации, либо в сторону пассивного переживания одиночества как образа жизни без стремления к возможным изменениям.

В результате анализа теоретических подходов к определению одиночества можно заключить, что в основе понятия «Одиночество» лежит несоответствие между уровнем желаемого и действительного отношения к себе (своему «Я», к своим потребностям), к другим и к миру в целом. Кроме того, Э. Фромм определяет одиночество и как неспособность индивида соотноситься не только с другими людьми, но и с ценностями и идеалами. С христианской же позиции человек одинок вследствие грехопадения.

Одним из важных моментов теоретического исследования является принципиальное разведение понятий «одиночество», «изоляция», «удинение». Но И. Ялом отождествляет эти понятия и выделяет типы изоляции: межличностная (обычно переживаемая как одиночество), внутрилличностная (процесс, посредством которого человек отделяет друг от друга части самого себя), экзистенциальная изоляция (отделенность между индивидом и миром), которые сопоставимы со следующими видами (измерениями) одиночества: космическое, культурное, социальное и межличностное. Страдая от одного вида одиночества, человек способен осмыслить его и пережить. Страдая от одиночества одновременно в нескольких измерениях, человек испытывает стресс, в особо тяжелых случаях приводящий к психическим расстройствам.

Возможны две формы переживания одиночества: 1. когда человек не способен найти выход из состояния одиночества, 2. когда человек способен найти выход из состояния одиночества. В основе субъективного переживания одиночества людей типа 1. лежат такие факторы, как: неадекватная самооценка; депривация потребностей; алекситимия. В связи с чем, можно говорить о личностной значимости переживания одиночества в случае 2. и обесценивании этого переживания - 1. В полную силу действующей «тенденцией к актуализации», мотивацией на «рост» – 2, и на «восполнение дефицита» – 1. Отсюда - разные типы межличностных отношений. Тип 2. менее зависим, он не ищет

постоянного удовлетворения потребностей в межличностных отношениях, поэтому уединение для него, в отличие от типа 1, не тягостно, а осмысленно. И в результате анализа положений ряда авторов тип 2. можно назвать зрелой личностью, личностью ориентированной на личностный рост, полноценность которого возможна в том случае, если интраперсональность будет взаимодействовать интерперсональностью.

Интраперсональные критерии личностной зрелости: принятие себя, открытость внутреннему опыту переживаний (в том числе и переживанию одиночества), понимание себя, ответственная свобода, целостность, динамичность. Интерперсональные критерии личностной зрелости: принятие и понимание других, социализированность, творческая адаптивность.

Цель планируемого эксперимента состоит в исследовании субъективного переживания одиночества во взаимосвязи со степенью личностной зрелости (тенденцией к самоактуализации). Основные задачи состоят в исследовании: интра- и интерперсональных критериев личностной зрелости и основополагающих факторов в субъективном переживании одиночества. Объект исследования - три группы по 10 человек в возрасте от 20 лет до 61 года, мужчин и женщин, составляющих выборку, в которую входят: "одинокое", "самоактуализирующихся" и люди не считающих себя одинокими и не являющихся самоактуализирующимися. Предметом исследования служат такие психологические аспекты, как отношение к себе, миру, "одиночеству", а также взаимосвязь этих аспектов с успешностью самореализации.

Гипотезы исследования

H0: субъективное переживание одиночества как кратковременного острого состояния у трех групп испытуемых качественно не отличается;

H1: субъективное переживание одиночества как кратковременного острого состояния у трех групп испытуемых качественно различно.

Проверка гипотез - на основе следующих методов:

1. методика "Незаконченные предложения" (авторская модификация);
2. ЦТО
3. САТ

Исследование носит индивидуальный характер.

УДК 15.07

Способы саморегуляции функционального состояния студентами

Лузянина М. С.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В течение продолжительного времени проблема профилактики неблагоприятных функциональных состояний (ФС) рассматривалась в контексте оптимизации всей системы профилирующей деятельности человека (трудовой, учебной) [3], [1]. В современном же подходе к этой проблеме большая роль отводится методам саморегуляции и самоуправления состоянием. Разработано и успешно применяется большое число методов активной саморегуляции состояния: нервно-мышечная релаксация, аутогенная тренировка, специализированные виды гимнастики, самогипноз, самосуггестия, идеомоторная тренировка и сенсорная репродукция образов [1], [3]. Но эти методы требуют специального (и часто весьма продолжительного) обучения им, иногда создания специальных условий или некоторого временного ресурса для их применения. Часто же в процессе трудовой, учебной деятельности возникают такие ситуации, когда требуется незамедлительное проведение работы по коррекции состояния.

Рассмотрение проблемы саморегуляции состояния нами проводилось в контексте более общего понятия «отдых». Изучение организации, планирования и осуществления деятельности отдыха должно занять ключевую позицию в круге проблематики психологии труда наряду с исследованием организации собственно трудовой деятельности ввиду существования достаточно внушительного списка психологических проблем современного человека: утомления, напряженности, различных форм психологического стресса, повышенной чувствительности к внешним раздражителям, - которые требуют безотлагательного решения [2], [3], [4].

В настоящее время наиболее приемлемой и эффективной является многоуровневая, системная методология, предполагающая учет максимального числа параметров конкретной ситуации и особенностей индивидуальности в развитии ФС. На данной методологии основан структурно-интегративный подход к исследованию ФС [2], в рамках которого нами было проведено эмпирическое исследование. Целью проведения исследования было выявление и систематическое описание наиболее эффективных способов экстренной оптимизации возникающих в процессе учебной деятельности студентов ВУЗов неблагоприятных ФС, которые используются ими в ситуациях невозможности отказа от выполнения деятельности и необходимости поддержания своего состояния с должным уровнем работоспособности; возможное нахождение взаимосвязи между применением тех или иных средств, а также сравнение двух выборок испытуемых на основании частоты использования каких-либо средств оптимизации состояния. Испытуемыми были студенты 4 курса ВГНА (специализация – психология); студенты 3 курса дневного отделения и 4 курса вечернего отделения факультета психологии МГУ. Для реализации целей исследования нами был составлен опросник, направленный на выявление набора средств оптимизации своего состояния студентами ВУЗов.

В результате проведения процедуры факторного анализа данных, полученных на выборке студентов МГУ, было выделено 15 логично обосновываемых факторов, в которые группируются средства коррекции состояния. Закономерной представляется найденная соотношенность некоторых способов саморегуляции с защитными механизмами Я [5]. Анализ данных показал, что способы саморегуляции состояния, используемые ими в своей учебной деятельности, объединяются в группы по основанию опосредованности внешней социальной активностью, ориентированности на внутреннюю работу или проявленности во внешних индивидуализированных действиях (факторы второго порядка). Наиболее часто используемой среди студентов обеих выборок является первая группа средств. Фактом, обратившим на себя внимание, являются данные о том, что крайне редко студентами-психологами применяются собственно психологические методы психопрофилактики неблагоприятных состояний, давно отработанные и доказанно эффективные. Между выборками студентов МГУ и ВГНА имеются различия (на уровне значимости $p \leq 0.05$, $p \leq 0.01$) по вариативности репертуара применяемых средств оптимизации своего состояния и частоте использования отдельных способов. Интересно, что различия между выборками существуют только среди способов, которые можно было бы назвать «ориентированными на внутреннюю работу», выбор средств, «связанных с внешней социальной активностью», осуществляется с одинаковой частотой студентами обеих ВУЗов.

Главный итог по результатам нашего исследования – выявление большого набора и взаимосвязи средств саморегуляции своего состояния студентами, применяемых ими спонтанно в тех ситуациях, когда требуется продолжать деятельность на высоком уровне эффективности и невозможно по той или иной причине применить комплексные методы психопрофилактики неблагоприятных состояний, разработанных психологами и физиологами. Это дает основания для разработки рекомендаций по выбору эффективных экспресс-средств оптимизационной работы с

состоянием индивида в соответствии с его индивидуальными личностными особенностями, определяющими эффективность для него того или иного способа.

1. Кузнецова А.С., Тихонов О.И. Эффективность релаксационных процедур. Самара, 1996.
2. Леонова А.Б. Основные подходы к изучению профессионального стресса. Вестник МГУ. Сер.14. Психология. 2000. № 3. С. 4 - 21.
3. Леонова А.Б., Кузнецова А.С. Психопрофилактика стрессов. М., 1993, с. 123.
4. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции. М., 2001, с. 192.
5. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы. М., 1993, с. 144.

УДК 159.9.07

Изучение формирования триад с учетом интертипных отношений

Макаренко О.В.

Томский государственный университет

Человек социален по своей природе. В процессе онтогенеза он расширяет свое социальное пространство через общение и взаимодействие с другими людьми. Поэтому, одним из волнующих вопросов социальной психологии является эффективное взаимодействие в группе (как в производственной, так и в учебной ситуации). В данной работе представлены результаты исследования устойчивости малой группы из 3 человек (триада рассматривается как оптимальная малая группа с точки зрения ее эффективного функционирования) и изучения закономерностей ее формирования. К таким закономерностям, по нашему мнению, можно отнести интертипные отношения, складывающиеся в группе. Они в свою очередь объективно детерминированы специализацией полушарий головного мозга [1, 2].

Студентам 1 курса было предложено создать триады для совместной работы по подготовке реферата. На 2 курсе эта же процедура была проведена повторно. В результате мы имели возможность проследить динамику формирования триад. В ходе исследования у студентов с использованием показателей функциональной асимметрии были определены психофизиологические типы, каждый из которых характеризуется в терминах типологии К.Юнга. В триадах (n=37) были определены интертипные отношения и вычислены частоты их встречаемости.

Как оказалось, в сохранившихся (устойчивых) триадах (n=5) преобладают Квазитожественные интертипные отношения. Они возникают между представителями двух типов, различающихся друг от друга только по шкале рациональности – иррациональности. Поэтому отношение квазитожества характеризуется как отношение интеллектуального дополнения: партнеры принадлежат к одной и той же группе установок на вид деятельности. Внутри таких групп возникающая проблема рассматривается и обсуждается с разных точек зрения, но каждый из участников группы склонен к игнорированию информации, которая значима и важна для другого. Вследствие этого в группе наблюдается большое количество дискуссий, обмен интересной информацией, попытка, несмотря на разногласия, прийти к одному знаменателю и к компромиссу. Такое описание особенностей отношений в группе, члены которой имеют общую установку, подтверждается результатами психологической диагностики, проведенной со студентами. В ходе статистической обработки этих результатов было отмечено, что у большинства участников устойчивых триад значения по YII-шкале теста Лири находятся в диапазоне 6 – 11 баллов. Это указывает на стремление членов таких триад к сотрудничеству, дружелюбию и к компромиссному поведению. В устойчивых триадах также преобладают низкие и средние значения по МАК–шкале. Людям с такими значениями по МАК–шкале свойственны честность, надежность, сентиментальность, нерешительность, доверие, а также они подвержены влиянию со стороны других.

Рассмотрим особенности триад, в которых во второй год произошла замена одного из участников (n=12). В первый год в таких группах доминировало отношение Супер–Эго. Это активное и напряженное отношение, со столкновением позиций, соперничеством и подозрительностью. Партнеры оба или рациональные, либо иррациональные, либо экстравертированные, либо интравертированные. Во второй год, когда заменился один человек, в равной степени в триаде доминируют два типа отношений: Супер–Эго и отношение Полудополнения. Для отношения Полудополнения характерен такой взаимный информационный обмен, что в ходе его проявляется как свойство помощи, так и свойство подчинения, а так же сопоставление взглядов, дискуссия. Собеседники из-за различий в своих взглядах могут быть интересными друг для друга. При этом партнеры держатся на некоторой дистанции друг от друга, что придает интерес их взаимоотношениям. Сокращение дистанции в общении может вызвать усталость от разговоров, от споров, от взаимных претензий. В целом, как можно заметить, динамика отношений в неустойчивых триадах сдвинулась с полюса соперничества к полюсу сотрудничества, что способствует достижению общегрупповой цели. В неустойчивых триадах значения по МАК–шкале равномерно распределены от низких до высоких. Следует отметить, что у участников, выбывших из триады, доминируют низкие значения по МАК–шкале, а у новых участников - высокие значения. Новый участник характеризуется смелостью, амбициозностью, настойчивостью, эгоистичностью, коммуникабельностью, убедительностью, а также недоверием, подозрительностью по отношению к другим и ориентацией на проблему. Возможно, именно такие личностные черты одного из участника триады способствуют активизации всей группы.

Таким образом, устойчивость триад зависит от одинаковых типологических установок участников, обуславливающих возможность всестороннего анализа проблемы и возможность нахождения решения, которое бы удовлетворяло членов триады. На устойчивость триад влияют такие личностные черты, как дружелюбие, доверие, надежность и готовность к взаимодействию. Саморегуляция триады, направленная к достижению эффективного результата совместной деятельности, посредством замены одного из ее участников приводит к тому, что внутригрупповое взаимодействие смещается от соперничества к сотрудничеству.

1. Богомаз С.А. Психологические типы К.Юнга, психофизиологические типы и интертипные отношения. Томск, 2000.-71с.
2. Богомаз С.А. К проблеме статистической верификации концепции интертипных отношений // *Личность и общество: Актуальные проблемы современной психологии (Материалы Всероссийского симпозиума)*. Кострома, 2000.- С.48-49.

Социальные представления о суде присяжных у граждан России

Малыгина А.Л.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Отправление правосудия – одна из важнейших сторон общественной жизни, в высоком уровне которой заинтересован каждый из нас. В условиях построения правового государства, где господствует закон – управляет поведением людей и регулирует отношения между ними, – весьма важно, чтобы все граждане не только знали и уважали закон, но и участвовали в его реализации, осуществляли социальный контроль за надлежащим его применением. Одной из форм такого участия граждан в контроле за справедливым применением закона является включение в деятельность суда представителей общества.

За последние 80 лет для нашей страны стало традиционным участие в отправлении правосудия представителей общества в лице народных заседателей, которые наравне с профессиональным судьей должны решать все вопросы судебного разбирательства, в том числе и правовые (в которых они некомпетентны). Наряду с такой формой судопроизводства существует суд присяжных. Его главным преимуществом перед иными судебными формами является обеспечение им независимости представителей общества от судьи в формировании своего внутреннего убеждения о фактических сторонах уголовного дела и самостоятельности в принятии решения о виновности человека, ставшего подсудимым.

Отношение к новому социальному институту, а именно таковым для нашей страны является суд присяжных, поэтапное введение которого началось с 1993 года, определяется адекватностью представления о нем. С этой точки зрения, изучение социальных представлений о данной форме судопроизводства у обыкновенных граждан, а, следовательно, потенциальных присяжных, – это возможность посмотреть на суд присяжных с взвешенных позиций, с точки зрения человека, не отягощенного юридическими знаниями.

В связи с этим было проведено исследование, главной целью которого было изучение социальных представлений о суде присяжных у граждан России. Рассматривалась классическая структура социального представления, предложенная С.Московичи, состоящая из следующих компонентов: информация (знание), поле представления и установка (выражающая отношение, в данном случае выяснялись представления о плюсах и минусах суда присяжных). Рассмотрению подверглись и намерения респондентов по отношению к суду присяжных. Для реализации поставленной задачи был разработан опросник. В исследовании приняли участие 52 человека – жители Подмоскovie (респонденты соответствовали всем требованиям, предъявляемым к потенциальным присяжным).

В итоге были получены следующие результаты. Среди представлений о суде присяжных преобладали верные знания о данном институте. Причем, наиболее точные знания о суде присяжных касались моментов, происходящих уже непосредственно в суде: это процедура ведения судебного процесса, процедура вынесения вердикта присяжными и роль присяжных в судебном процессе, то есть те факты, которые являются наиболее явными и очевидными. Процедура же попадания присяжных в суд и отбор присяжных в коллегии не являлись такими очевидными, о них наименее всего можно где-нибудь увидеть или услышать, поэтому по этим вопросам было наибольшее количество заблуждений. Что касается представления о роли присяжных и судьи в судебном процессе, то большинство респондентов правильно определили функцию присяжных, как вынесение вердикта, а роль судьи – следить за процессуальной стороной дела, определение меры наказания, при этом они указали, что окончательное решение о судьбе подсудимого принадлежит присяжным.

Если говорить о сильных и слабых сторонах данного института, отмеченных респондентами, то к сильным сторонам суда присяжных они отнесли: объективность, широту мнений, гуманность, демократичность, трудность подкупа, рассмотрение суда присяжных как средства повышения правовой грамотности людей. Тогда как к слабым сторонам были отнесены следующие моменты: отсутствие у присяжных юридического образования, подверженность их влиянию, эмоциональность, субъективность присяжных, несовершенство конструкции данного института. Однако в целом нельзя говорить о полном принятии или отвержении данного института респондентами. Скорее, их позицию отличает довольно взвешенное отношение к нему.

При рассмотрении вопроса о намерениях респондентов по отношению к суду присяжных, в случае проведения референдума по вопросу расширения круга дел, рассматриваемых судом присяжных, большая часть респондентов проголосовала бы за такое расширение, так как суд присяжных способствует вынесению более справедливого приговора. Также и при ответе на вопрос о доверии своей участи суду присяжных большая часть респондентов ответила утвердительно, аргументировав это тем, что вердикт присяжных более справедлив и есть надежда на оправдание. Те респонденты, которые бы не доверили свою участь суду присяжных, сделали бы это по причине непрофессионализма присяжных, неотлаженности данной системы судопроизводства. Если касаться вопроса о возможности респондентов быть в суде присяжных в роли присяжного, больше половины отказались бы из-за боязни совершить ошибку и нежелания брать на себя большую ответственность; некоторые отказались бы, так как на это у них нет времени. Те же, кто согласился бы участвовать, сделали бы это из-за чувства ответственности за судьбу подсудимого, необходимости выполнения своего гражданского долга.

Изучение жизненного пути безработных

Мандрикова Е.Ю.

Московский государственный университет им. Ломоносова

Актуальность исследования жизненного пути безработных продиктована самой жизнью. В связи с потерей работы субъективная картина жизненного пути безработного получает значительные деформации. Деформации могут проявляться в чувстве «старости», бесперспективности дальнейшей жизни, смещении временной локализации в прошлое, снижении чувства ответственности за свою жизнь.

По нашему предположению субъективная картина жизненного пути включает в себя особенности психологического времени (психологический возраст, ожидаемую продолжительность жизни и др.), смысловые ориентации, жизненную удовлетворенность и локализацию контроля.

Исследование опиралось на причинно-целевую концепцию психологического времени (Е.И. Головаха, А.А. Кроник, 1984) и идеи психологии жизненного пути (К.А. Абульханова-Славская, 1991; Б.Г. Ананьев, 1968; Н.А. Логинова, 1978; С.Л. Рубинштейн, 1946).

Согласно причинно-целевой концепции «субъективная картина жизненного пути» (далее СКЖП) – это психический образ, в котором отражены прошлое, настоящее, будущее, этапы жизненного пути, события и их взаимосвязи.

Исследование субъективной картины жизненного пути безработных позволит построить адекватные профилактические и коррекционные программы для адаптации безработных и поиска наиболее оптимального выхода из ситуации безработицы.

В исследовании приняли участие 40 человек: 20 безработных и 20 работающих (в каждой группе по 18 женщин и по 2 мужчин), возраст 19-57 лет. Исследование выполнялось по заказу ГОУ УЦ «Ориентир», использовалась так называемая выборка доступных случаев. Все безработные имеют значительный стаж безработицы (от 8 мес. до 8 лет). Все представители группы работающих имеют стаж работы свыше 1 года. Группы уравниваются по полу, возрасту, уровню образования.

Изучение субъективной картины жизненного пути безработных целесообразно проводить в сравнении с субъективной картиной жизненного пути работающих.

Мы предположили, что субъективная картина жизненного пути безработных более деформирована, чем у работающих.

Используемые методы и методики: компьютерная версия каузометрии LifeLine, тест СЖО Д.А. Леонтьева, тест «Индекс жизненной удовлетворенности» Н.В. Паниной, тест ЛК(в) Е.Г. Ксенофонтовой, биографический метод, тесты-опросники. Стат. методы: сравнительный, корреляционный (Спирмен), качественный анализ, угловое преобразование Фишера.

Основные результаты:

Среди безработных значимо больше людей, чей психологический возраст выше реального (т.е. они ощущают себя психологически старше). Среди работающих обратная картина: значимо больше людей, чей психологический возраст ниже реального (т.е. они ощущают себя психологически моложе).

Безработные ощущают себя на 3-5 лет старше, испытывая при этом кризис утраты смысла жизни. Ожидаемая продолжительность жизни безработных ниже, чем у работающих на 10 лет.

Все события жизни можно классифицировать как «старты», «финиши» и «случаи». В группе безработных значимо больше так называемых «стартов». В то же время в группе работающих больше «финишей». Это может говорить о том, что работающие яснее видят цели и результаты своей деятельности, знают, что ждать от своей жизни, к чему она, в конечном итоге, человека приведет. Видимо, безработным на данном этапе исследования было легче ставить цели («старты»), чем их достигать («финиши»). У безработных многие события в жизни происходят независимо от их воли и желания, являются бесконтрольными («случаи»).

Не было обнаружено высоких баллов по шкале «Результативность жизни» (прошлое) у безработных. Наоборот, они более высокие у работающих.

В группе безработных значимо больше людей, неудовлетворенных своей жизнью, но наряду с этим в этой же группе немало людей, очень довольных своей жизнью (сниженная мотивация к трудоустройству).

В группе безработных значимо больше людей с низкими баллами интернальности – экстерналов.

В целом, субъективная картина жизненного пути безработных значительно деформирована по сравнению с работающими.

УДК 159.9

Концепция планомерно-поэтапного формирования как психологическая школа

Марченко И.С.

Сургутский государственный университет

На сегодняшний день теория планомерно-поэтапного формирования (далее ТППФ) известна не только в России, но и за рубежом. Являясь этапом отечественной истории психологии, теория П.Я.Гальперина выступает той теоретической базой, которая легла в основу создания многих отечественных учений, концепций, теорий.

Необходимость и актуальность данной работы заключается в том, что до сих пор продолжает оставаться загадкой, во-первых, недостаточно верное и точное понимание этой теории отечественными психологами, во-вторых, недостаточная представленность её в изданиях и учебных курсах.

Данное исследование носит историко-психологический характер, это подразумевает специфические, характерные для истории психологии способы организации работы.

Центральной проблемой исследования выступает раскрытие ТППФ как психологической школы. Для реализации поставленной цели выдвигается ряд задач, которые, собственно, и составят структуру данной работы.

Задачи *теоретического характера* предполагают рассмотрение категории «наука» и принципов её развития. Это становится возможным при обращении к таким областям, как науковедение, методология и логика развития науки. Попытка отойти от конкретного содержания области научного знания и выделение общих методологических и теоретических основ позволяет рассуждать на более широком уровне. Это особенно актуально для анализа психологии как науки, так как ситуация кризиса, о которой говорил еще Л.С.Выготский, остается открытой и нерешенной. Такое положение наделяет психологическую мысль специфическими законами её развития, а это сокращает возможность оценить сложившуюся ситуацию. В качестве задачи выступает рассмотрение общих законов развития науки и их соотношение с психологией.

Если проследить основные этапы развития истории психологии, то можно сделать вывод о том, что развитие психологии как науки носит «школьный» характер, что позволяет сделать предположение о решающей роли психологических школ и их специфики в формировании научного движения психологии. Возникает следующая задача, суть которой – рефлексивный анализ развития психологических школ.

Конкретным объектом изучения в нашей работе становится научная школа П.Я.Гальперина. Структура данного исследования предполагает реализацию нескольких задач: рассмотрение терминологических деталей историко-психологического характера, отслеживание на основе библиографического анализа экспериментальное движение школы.

В центре практического исследования использование метода *историко-психологической реконструкции школы* как этапа развития истории психологии, который предполагает несколько видов форм работы. Это анализ текстов на нескольких уровнях:

непосредственно работа с текстами самого П.Я.Гальперина;

изучение работ учеников данной школы;

работа с литературой, посвященной интерпретации текстов участников школы.

Как правило, реализация исследовательской программы научной школой отражается в текстах. Опубликованные тексты – это всё, что остается после научной деятельности теории, но многие идеи остаются не затронутыми, в силу разных причин – недостаточная проработанность проблематики, не высказанные гипотезы и т.д. Другими словами, помимо «буквы» теории, существует её «дух», ощущение. А это требует особого исследования, поэтому попыткой соединить эти две составляющие, стала *разработка и проведение интервью среди непосредственных участников формирования школы*, а также с исследователями, которые так или иначе, были включены в работу школы.

1. Гальперин П.Я., *Основные результаты исследований по проблеме «Формирования умственных действий и понятий»*: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. пед. наук (по психол.) / Гальперин Петр Яковлевич; Моск. гос. универ. им. М.В. Ломоносова. М., 1965, 50 с.
2. Гальперин П.Я., *Психология как объективная наука* / Под ред. А.И. Подольского. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998, 480 с.
3. Кун Т., *Структура научных революций* / Т. Кун. Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998, 296 с.
4. Пузырей А.А., *Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология*. М.: Изд. Моск. университет. 1986, 116 с.
5. Розин В.М., *Научные интерпретации предмета психологии (от парадигмы естественнонаучной к гуманитарной?)* / В.М. Розин // *Психологический журнал*. 1991, т. 12, №2, с. 5-15
6. Умрихин В.В., *Развитие советской школы дифференциальной психофизиологии*. М.: Изд. «Наука». 1987. 203 с.
7. Ярошевский М.Г., *История психологии*. М.: Изд. «Мысль». 1976. 462 с.

Воздействие креолизованных рекламных текстов, в которых используется визуальное представление вербальной метафоры

Махнин П.Н.

Московский государственный лингвистический университет

Рекламные тексты могут быть как вербальными, так и сочетать вербальный и изобразительный ряд, причем на сегодняшний день наблюдается тенденция увеличения доли негомогенных текстов в медийном пространстве. В психолингвистике «тексты, структура которых состоит из двух негомогенных частей называются креолизованными» [1]. В речевом общении креолизованный текст предстает «сложным текстовым образованием, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата [2].

Проведенный нами анализ современных рекламных текстов, как в отечественных, так и в зарубежных печатных средствах массовой информации позволяет говорить о большой распространенности метафоры в рекламных посланиях. Такие свойства метафоры как образность, способность вызывать (порождать) ассоциации отмечаются многими учеными, изучающими метафору.

С утверждением компьютерной графики, позволяющей вершить многие «чудеса», стал часто использоваться прием визуализации словесных образов [3], в том числе и многочисленные «случаи визуализации или буквального воплощения словесной метафоры в зрительном образе: например, призыв к большей гибкости (словесная метафора) в маркетинге сопровождается изображением вздувающихся полос «Тайм» [4]. Используемая в подобных рекламных текстах метафора может быть как «живой», так и «настолько стертой в обращении, что ее уже не замечают» [4].

Для буквального представления словесной метафоры в рекламном тексте характерно то, что ее «метафоризирующий компонент (слово, признаки которого приписываются)» [5] визуализируется посредством какого-либо элемента изобразительного ряда. Это может быть сам товар, его фрагмент, деталь, а чаще - реальное или ассоциативно-связываемое свойство товара (см. пример выше).

С целью изучения особенностей восприятия и оказываемого речевого воздействия вышеозначенных креолизованных рекламных текстов нами было проведено пилотажное экспериментальное исследование. Эксперимент проводился в два этапа с использованием методов интервьюирования и семантического дифференциала. В качестве респондентов выступили студенты ВУЗов г. Москва и Петропавловск-Камчатский. На первом этапе были зафиксированы и подвергнуты статистической обработке характеристики (персональные конструкты) полученные в ходе бесед с респондентами относительно предъявленных современных рекламных текстов. В результате чего был составлен набор из 23 однополярных шкал. В ходе второго этапа использовался метод семантического дифференциала. Трех группам по 10 испытуемых, предъявлялись в случайном порядке: а) креолизованные рекламные тексты, в которых используется прием визуализации вербальной метафоры, б) креолизованные рекламные тексты, из которых с помощью компьютерной обработки были убраны визуализирующие словесную метафору элементы, в) только вербальный компонент соответствующих рекламных текстов. Затем была предпринята процедура факторного анализа по программе центроидного метода с подпрограммой поворота факторных структур по принципу «Варимакс».

Было выделено 3 фактора, составляющих соответственно 38, 18, 16 процентов общей дисперсии.

В большинстве случаев имеются значимые различия между рекламными текстами трех видов. Характер распределения нагрузок исследуемых текстов по факторам говорит о том, что различия между первым и вторым типами текстов наблюдаются в том случае, если визуализирующий словесную метафору элемент изобразительного ряда отчетливо выделяется на фоне и сопоставим по размерам с доминирующим объектом, чаще всего рекламируемым товаром.

Таким образом, получены основания для проведения более объемного эксперимента. Представляется перспективной дальнейшая интерпретация полученных данных.

1. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // *Оптимизация речевого воздействия*. М., 1990, с. 180 – 186
2. Анисимова Е.Е. Взаимодействие вербального и паралингвистического в креолизованном тексте: учебное пособие по интерпретации текста. Воронеж 1999, с.147
3. Борисов Б.Л. *Технология рекламы и PR: учебное пособие*. М., 2001, с.618
4. Эко У. *Отсутствующая структура: Введение в семиологию*. СПб., 1998, с.431
5. Абрамова Г.А. *Экстралингвистический аспект изучения метафоры рекламного текста: (на материале журналов англоязычной рекламы)*. Ровно 1988., с.16

УДК 159.9

Развитие психологического мышления студентов в процессе образования

Мацута В.В.

Томский государственный университет

В системе образования на первый план выдвигается задача удовлетворения духовных запросов людей на образовательные услуги определенного уровня и качества. Политика высшего образования должна быть направлена на решение задач, связанных с развитием гуманитарного мышления у студентов, формированием у них психолого-педагогических знаний и умений, необходимых для профессиональной деятельности, для повышения компетентности в межличностных отношениях. При правильной постановке лекционной части курса, адекватной организации

семинарских, практических занятий, выборе интересного материала, личностной включенности преподавателей в учебный процесс, изучение курса должно содействовать развитию гуманистического мировоззрения, творческого мышления у студентов, служить стимулом для их личностного роста.

Цели и задачи формирования, развития психологического мышления в образовании: усвоение идеи уникальности, неповторимости, ценности каждого человека. Формирование представлений об активном характере человеческой психики. Любые навыки, знания, умения, интересы личности могут быть сформированы, изменены в результате деятельности самого студента. Отношения человека с другими людьми - главная движущая сила и источник новообразований индивидуальной психики. Принятие идеи единства органической и духовной жизни человека, преимущество духовного начала в развитии человека. Формирование установки на поиск различных знаний к решению проблем обучения, образования. В ценности образования необходимо включить основные положения гуманистической психологии о личности: личность – уникальная и неповторимая целостность, изучать которую необходимо во всей ее данности, а не в отдельных проявлениях. Способ существования личности есть процесс развития, процесс постановки и достижения новых и более сложных целей [2].

Вуз служит не столько для передачи специальных знаний, сколько для формирования, развития особого культурного слоя, важнейшим элементом которого является преподаватель. Его характеризует не только специфический набор знаний, умений, но и определенное мировоззрение, жизненные установки, ценности, особенности профессионального поведения. Преподаватель не только передает студенту знания и умения, но и приобщает его к определенной культуре. Чтобы эта культура развивалась, обновлялась необходимо включить основные положения гуманистической психологии о личности: личность – уникальная и неповторимая целостность, изучать которую необходимо во всей ее данности, а не в отдельных проявлениях. Способ существования личности есть процесс развития, процесс постановки и достижения новых и более сложных целей [2].

Важно уважительное отношение к студенту как к полноценному, равноправному партнеру в совместной деятельности. Наибольший образовательный эффект достигается, когда преподаватель и студент вместе решают задачу, ответ на которую не знают они оба. Важно сотрудничество преподавателя и студента в определении целей образования. От выбора целей зависит выбор содержания, методов, средств обучения. Важно помочь студенту выработать индивидуальный стиль жизни, деятельности и общения. Важнейшая способность, которую должен приобрести студент в вузе, - способность учиться, которая влияет на его профессиональное становление, определяет возможности в послевузовском образовании. Научиться учиться важнее, чем усвоить конкретный набор знаний, которые в наше время быстро устаревают. Еще важнее способность самостоятельного добывания знаний, основанная на творческом мышлении.

Рекомендации по развитию творческого мышления у студента в процессе обучения: поощрение студента за попытку использовать интуицию, направление его на логический анализ выдвинутой идеи. Формирование уверенности в своих способностях. Опора на положительные эмоции в процессе обучения. Стимулирование стремления к самостоятельному выбору целей, задач и средств их решения. Не допущение формирования конформного мышления. Развитие воображения. Формирование умения обнаруживать, формулировать противоречия. Использование в обучении задач открытого типа, применение проблемных методов обучения, стимулирующих установку на самостоятельное открытие нового знания. Совместная с преподавателями исследовательская деятельность. При сотрудничестве преподавателя и студента стирается грань между ролью учителя (обладающего знанием) и ученика (желающего получить это знание). На стороне одного – знания, опыт, владение приемами совместной деятельности, желание поделиться этим со студентом. На стороне другого – энтузиазм, высокая обучаемость, большой запас сил, свежесть восприятия, мышления. При взаимном обмене знаниями, опытом достигаются цели и смыслы высшего образования.

1. Маслоу А., *Мотивация и личность*. СПб., 1999, с.478

УДК 316.62

Футбольные фанаты как асоциальная группа

Медников С.В.

Санкт-Петербургский государственный университет

С каждым годом проблема футбольного фанатизма в России становится всё острее и острее. На это указывает рост агрессии среди фанатов, столкновения с сотрудниками МВД, массовые драки и т.д.

Поскольку субкультура фанатов не закрытая, то она может включать в себя другие субкультуры, например, музыкальных фанатов (рок-музыка), группы различного национального толка (скинхеды и т.п.). А, как известно, данные носители субкультуры зачастую агрессивны и их деятельность носит асоциальный характер.

Исходя из вышесказанного мы считаем, что футбольных фанатов можно рассматривать как асоциальную группу.

Асоциальные группы – это малые неформальные, развивающиеся в процессе асоциальной деятельности группы, в которых имеются и сохраняются чуждые обществу взгляды, обычаи, традиции, антиобщественные нормы поведения.

Было бы ошибочно считать, что футбольные фанаты – это только подростки 14-17 лет. Возраст футбольных фанатов колеблется от 13 до 45 лет. Проведенные ранее исследования футбольных фанатов показали, что возраст футбольного фаната отрицательно коррелирует с агрессией. Таким образом, «молодые» фанаты чаще, чем «взрослые» фанаты совершают противоправные и агрессивные действия.

Можно выделить некоторые психологические характеристики данной асоциальной группы. Мотивом совместной деятельности здесь может выступать стремление «не быть как все, а быть лучше других». Отсюда и противопоставление себя другим, аморальное поведение. Отдавая предпочтения каким-либо ценностям, группы подростков начинают «фанатеть». Но «фанатеть» - это не значит, самому играть в футбол. Как показывают исследования, многие подростки вообще далеки от футбола. «Фанатение» для них стало специфическим способом выделиться, обратить на себя внимание.

Межличностные связи кратковременны и неустойчивы, так как отношение отношения здесь эмоционально-поверхностны.

Причины возникновения фанатских групп ещё до конца не исследована. Это зачастую приводит к тому, что социальные работники, педагоги, сотрудники правоохранительных органов не знают и не умеют владеть формами и методами работы с подобного рода группами. На наш взгляд, зачастую молодёжь приходит в такие группы на волне моды, для удовлетворения потребности в самоутверждении, стремлении выделиться или обособиться от окружающих.

Таким образом, необходимы дальнейшие изучение проблем футбольного фанатизма и обобщение различных исследований по психологии асоциальных групп.

Ценностные ориентации студентов-психологов II и IV курсов

Меньшенина М.А., Белова Д.Е.

Российский государственный профессионально-педагогический университет

Кардинальные изменения в политической, экономической, духовной сферах российского общества в последнее десятилетие влекут за собой радикальные изменения в психологии, ценностных ориентациях и поступках людей. Особую остроту сегодня приобретает изучение изменений, происходящих в сознании современной молодежи. Неизбежная в условиях ломки сложившихся устоев переоценка ценностей, их кризис более всего проявляются в сознании этой социальной группы [3], [2].

Для отечественных психологов центр духовного развития личности выступает как целостная совокупность, или система, сознательных отношений личности к обществу, группе, труду, самой себе (В.Н.Мясищев), взаимопроникновение смысла и значения (А.Н. Леонтьев), динамика установки (Д.Н. Узнадзе, А.С. Прангишвили), нравственные позиции и мотивы поведения формируемой личности (Л.И. Божович). Все эти различные характеристики личности составляют существенные моменты ее внутреннего мира и общественного поведения, направленного на освоение, переживание и воспроизводство ценностей жизни и культуры [1].

Ценностные ориентации — сложный социально-психологический феномен, характеризующий направленность и содержание активности личности, являющийся составной частью системы отношений личности, определяющий общий подход человека к миру, к себе, придающий смысл и направление личностным позициям, поведению, поступкам. Система ценностных ориентаций имеет многоуровневую структуру. Вершина ее — ценности, связанные с идеалами и жизненными целями личности. Система ценностных ориентаций противоречива и динамична, отражает как стержневые изменения взаимозависимости личности с миром, так и смену текущих, мимолетных в известной мере случайных ситуаций [3].

Студенческий возраст является периодом интенсивного формирования системы ценностных ориентаций, оказывающей влияние на становление характера и личности в целом. Процесс формирования системы ценностных ориентаций стимулируется значительным расширением общения, столкновением с многообразием форм поведения, взглядов, идеалов. Появление убеждений в юношеском возрасте свидетельствует о значительном качественном переломе в характере становления системы моральных ценностей [3].

Деятельность психолога в основном связана с сопровождением людей в трудных жизненных ситуациях. Т.е. убеждения, представления, установки – ценностные ориентации должны носить гуманистический характер, поэтому задачей университета, и психологического факультета в частности, является организация учебного процесса таким образом, чтобы сформировать и развить профессионально важные ценности будущих специалистов.

При обследовании ценностных ориентаций у студентов II и IV курсов факультета психологии Российского государственного профессионально-педагогического университета (выборка - 58 человек, из них 4 мужчин и 54 женщины, от 18 до 22 лет, средний возраст – 19 лет) с помощью опросника терминальных ценностей личности Селина И.Г. (1991 г.) были получены следующие результаты: На первом месте у студентов II курса находятся духовные ценности, которые имеют личностный смысл ($X_{ср}=36,1$), на втором – стремление к активным социальным контактам, на третьем – высокое материальное положение (но последние две ценности принимаются или нет в зависимости от ситуации, $X_{ср}=34,83$, $X_{ср}=34,6$). У IV курса же наиболее выраженной является ценность высокого материального положения ($X_{ср}=37,07$), далее следуют духовные ценности и стремление к развитию себя ($X_{ср}=35,92$, $X_{ср}=33,46$). Но духовные ценности у студентов IV курса выражены на качественно более высоком уровне, чем у студентов II курса. Сфера профессиональной жизни у всех обследованных студентов занимает высший ранг, но, если на II курсе к этой сфере проявляется ситуативный интерес ($X_{ср}=56,8$), то на IV курсе она имеет огромное значение ($X_{ср}=58,82$). Далее на II курсе идут сферы обучения и образования и семья ($X_{ср}=54,4$, $X_{ср}=53,7$), а IV курсе наоборот – сначала семья, а потом обучение и образование ($X_{ср}=55,32$, $X_{ср}=55,07$), но качественно они выражены ярче, нежели у студентов-второкурсников. IV курс, по сравнению со II, более четко идентифицирует себя с профессией, осознает взаимосвязь эффективной учебной деятельности, саморазвития, профессионального роста и высокого материального благополучия в будущем, которое служит гарантом стабильности и уверенности в завтрашнем дне.

1. Ананьев Б.Г. *Избранные психологические труды*: В 2-х т. Т. I. М., 1980. 232 с;
2. Владимирова Е.К. «Исследование ценностных ориентаций личности» // *Вопросы психологии*, 2001, № 4, С. 131-133;
3. Кирилова Н.А. «Ценностные ориентации в структуре интегральной индивидуальности старших школьников» // *Вопросы психологии*, 2000, № 4, С. 29-37.

УДК 301.085:15

Атрибутивные процессы в субъективно сложных жизненных ситуациях

Михайлова И.В.

Ульяновский государственный университет

В настоящее время существует разрыв между интенсивностью социальных, экономических, политических, духовных изменений современного российского общества и возможностью людей адаптации к этим изменениям, что вызывает рост социальной тревожности и напряженности. На уровне отдельного субъекта это проявляется в переживании критических ситуаций. Проблемное поле включает в себя малоисследованные аспекты поведения человека в сложных жизненных ситуациях, а также в попытке на эмпирическом уровне выявить закономерности атрибутивных процессов в ситуации переживания человеком психологического кризиса, что способствует расширению контингуума междисциплинарных исследований на пересечении социальной и медицинской психологии.

В исследовании приняли участие 155 человек в возрасте от 16 до 55 лет. Основными методиками исследования выступили: 1) шкала субъективного благополучия; 2) методика диагностики МЛЮ (Лири); 3) исследование фрустрационных реакций (Розенцвейга) [2]; и 4) имплицитная решетка Д.Хинкла [1] (апробация методики). При проведении исследования нами условно было выделено 2 экспериментальные группы и контрольная группа.

Исследование 1-ой экспериментальной подгруппы проводилось в токсикологическом отделении Ульяновской больницы скорой медицинской помощи.

Исследование 2-ой экспериментальной подгруппы проводилось в областном центре психологической помощи семье и детям г. Ульяновска.

В нашем исследовании на эмпирическом уровне мы выявили:

1. *закономерности атрибутивных процессов* в ситуации переживания человеком психологического кризиса. Испытуемым, совершившим суицидальную попытку, свойственна личностная атрибуция; стимульная атрибуция

свойственна лицам, обратившимся за профессиональной психологической помощью; лицам, которые воспринимают себя как благополучные, свойственна обстоятельная атрибуция.

2. выявлены *причины, влияющие на сложность восприятия*. У испытуемых, совершивших суицидальную попытку, такими причинами выступают нервозность, критичность общества и степень легкости общения с окружающими. Важными причинами, влияющими на сложность восприятия, у лиц, обратившихся к психологу, выступают принятие общества, уверенность и центрированность на себе. Для контрольной группы самыми важными причинами являются ясность и точность мышления, а также интерес и сочувствие к окружающим.

3. выявлены *различия в уровне субъективного благополучия* у лиц, совершивших попытку суицида, лиц, находящихся в сложной жизненной ситуации, и испытуемых контрольной группы.

4. получены достоверные *различия в личностных характеристиках* между людьми, совершившими суицидальную попытку с людьми, находящимися в сложной ситуации, и определены достоверные различия в личностных характеристиках между людьми, совершившими суицидальную попытку с благополучными испытуемыми. Были выявлены достоверные различия в личностных характеристиках у людей, которые находятся в сложной жизненной ситуации, но не совершили попытку самоубийства, и людей, которые оценивают себя как благополучные.

5. были выявлены достоверные *различия в типах и направлениях эмоционального реагирования* у лиц, совершивших попытку суицида, лиц, находящихся в сложной жизненной ситуации, и испытуемых контрольной группы.

Результаты эмпирического исследования атрибутивных процессов в сложных жизненных ситуациях могут использоваться, при проведении психотерапевтического тренинга, тренинга личностного роста, в прогнозировании поведения человека в критических ситуациях и в оказании помощи людям в специализированных центрах психологической помощи с целью «совладания» со сложными жизненными ситуациями.

1. Баннистер Б., Франселла А., *Новый метод исследования личности*. М., 1987, 222с.
2. *Практическая психодиагностика* / ред. Райдгоровского, Самара, 1999, 488с.

Психологическое сопровождение адаптационной программы: структура и анализ результатов

Михалева Н.В.

Пермский государственный педагогический университет

Адаптационный процесс неизбежен при возникновении любых изменений, а если изменений сразу много, то он сложен и иногда трудно переносим эмоционально. Так, первокурсник проходит адаптационный процесс одновременно к новой системе обучения, к новым преподавателям, в новой группе, часто даже при смене места жительства. Можно предполагать, что это не способствует психологическому благополучию. С другой стороны, именно в период перемен можно заложить основы для положительных изменений: например, направляя процесс формирования групповых норм можно создать благополучный эмоциональный климат в учебной группе. Что особенно, на наш взгляд, актуально для становления будущих психологов.

Исходя из этих положений, на факультете психологии ПГПУ была разработана и проведена “Адаптационная программа 2003”, целью которой является создание условий для эффективного процесса адаптации студентов-первокурсников.

При разработке программы, учитывая многоаспектность и длительность адаптационного процесса, необходимым условием стал системный подход, который реализовался, например, в планировании последовательности тренинговых, диагностических и творческих мероприятий.

Рассматривая адаптацию как явление, имеющее социальное, индивидуально психологическое и информационное поля, в разработке социальной составляющей адаптационной программы в основном шла опора на учет психологических особенностей формирования и развития группы, теорию групповой динамики; при работе с индивидуально-психологическим полем базовым являлось создание атмосферы поддержки и доверия извне (со стороны старшекурсников) внутрь (как условие работы группы).

Применение деятельностного принципа (мотив – планирование и организация - деятельность – рефлексия - анализ) в разработке всей программы и проведении конкретных мероприятий позволило более осознано подходить к совместной работе и получению индивидуального опыта каждому из участников.

Программа включает в себя последовательно систему следующих мероприятий: приветствие первого сентября; в течение первой недели СПТ “Знакомство” (сначала в подгруппах, а затем на курсе), диагностика с целью составления психологического портрета первокурсника, концерт-приветствие и “Вечерочный курс”; в дальнейшем предполагает включение первокурсников в работу студенческих обществ, творческое “Посвящение”, тренинги для иногородних в общежитии, и сопровождение первой экзаменационной сессии.

Важной задачей и результатом “Адаптационной программы 2003” было реализация принципа преемственности в формировании профессиональных ЗУНов. Что выразилось в совместном проведении мероприятий программы более компетентными студентами факультета психологии с теми, кто только начинает.

В данный момент продолжается работа в рамках “Адаптационной программы 2003”, и основной ее результат можно будет понять позднее, однако сейчас уже можно говорить об активности студентов первого курса факультета психологии на факультетских и общеуниверситетских мероприятиях, о налаживающихся системах общения внутри курса и групп, о более высокой профессиональной компетентности тех, кто проводил эти мероприятия.

УДК 159.9=053

Роль эмпатии в моральной ориентации подростков

Молчанов С.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Проблема исследования морального развития в подростковом возрасте является актуальной для современного российского общества. Сложные социально-экономические условия перестройки общественного сознания оказывают влияние на формирование моральной ориентации в подростковом возрасте, который является сензитивным к социальным влияниям. Психологическим новообразованием подросткового возраста является формирование самосознания и ценностной структуры личности.

Традиционно в психологии морального развития исследователи акцентировали свое внимание на исследовании когнитивной составляющей морального сознания, где моральные суждения, моральное мышление рассматривалось как критерий уровня развития морального сознания (Ж.Пиаже, Л.Кольберг). Нормативный когнитивный подход фактически не рассматривал мотивационную составляющую морального поведения.

Альтернативой нормативному когнитивному подходу является эмпатийный подход К.Гиллиган, где эмпатическая ориентация на нужды и потребности, чувства и переживания другого человека является основополагающим компонентом морального развития. Принцип заботы о других на основе сочувствия и сопереживания лежит в основе такой позиции. Эмпатия как способность эмоционального сопереживания другому человеку, способность понять и ощутить то эмоциональное состояние, которое он испытывает рассматривается основной регулятор моральных суждений и поведения человека (К.Гиллиган, Н.Айзенберг, Д.Кребс, М.Хоффман). Н. Айзенберг предложила периодизацию развития просоциального мышления (prosocial reasoning) с учетом роли эмоционального фактора, состоящую из 5 стадий: гедонистическая ориентация на себя, ориентация на интересы и нужды других людей, ориентация на одобрение других людей (чувствительность к мнению других о себе), рефлексивная эмпатическая ориентация и сознательный учет интериоризованных ценностей. Новизна подхода Айзенберг Н. в том, что когнитивный и эмоциональный компоненты рассматриваются как взаимодействующие составляющие любого акта просоциального поведения. Автор выделяет 3 основные состояния, связанных с просоциальным поведением: эмпатия, симпатия и дистресс, каждое из которых способно повлиять на моральный выбор. Айзенберг Н. отдает предпочтение симпатии, в то время как М.Хоффман – эмпатии в альтруистическом поведении. Большинство эмпирических исследований подтверждают, что с возрастом и с развитием способностей к преодолению эгоцентризма возрастает уровень связи эмпатии и альтруистического поведения. Другими эмоциональными состояниями, оказывающими влияние на просоциальное поведение человека, являются так называемые просоциальные аффекты – гордость, чувство вины, стыд. Значение этих эмоций в моральном поведении подчеркивалось также представителями психоанализа.

Наше исследование было направлено на определение взаимосвязи между моральной ориентацией подростков и уровнем эмпатии личности. Верифицировалась гипотеза о превалировании принципа заботы в моральной ориентации у подростков с высоким уровнем эмпатичности. Выборку составили 85 старших подростков, учащихся средней школы г.Шатуры. Были использованы следующие методики: модифицированный опросник ценностей предпочтений М.Рокича, авторский опросник «Справедливость-Забота», опросник эмпатии А.Меграбяна и Н.Эпштейна. Полученные результаты обнаружили зависимость характера моральной ориентации от уровня развития эмпатии.

На уровне ценностных предпочтений была выявлена статически значимая взаимосвязь уровня эмпатии как с терминальными, так и с инструментальными ценностями, определяющими направленность личности на реализацию принципа заботы. Одновременно была констатирована меньшая значимость инструментальных ценностей, определяющих ориентацию личности на принцип справедливости при высокой эмпатии. Уровень эмпатии оказался последовательно связан с уровнем развития просоциального мышления по Н.Айзенберг. Так, возрастание эмпатии сочеталось с уровнем рефлексивной эмпатической ориентации и учетом интериоризованных ценностей и защитой прав других людей. Снижение эмпатии – с гедонистической ориентацией на себя и свои интересы. При достижении стадии самоуважения и сознательного учета интериоризованных ценностей был констатирован также достаточно высокий уровень эмпатичности. Особенности ценностно-моральной ориентации и моральных суждений, обусловленные уровнем развития эмпатии подростков, нашли отражение и в характере решения ими моральных дилемм, где возрастание эмпатии определило моральный выбор в пользу нуждающегося даже при условии декларации подростками нормативного принципа справедливости как основополагающего.

Гендерные различия, обнаруженные в исследовании, были связаны с уровнем развития эмпатии, и, согласно традиционной точке зрения, девушки оказались более сопереживающими и ориентированными на принцип заботы (К.Гиллиган)

Исследование эмоциональной сферы, связанной с просоциальным поведением, и построение формирующих программ с учетом эмоционального фактора, является «зоной ближайшего развития» для психологических исследований и практических разработок.

УДК 159.9.316.6

Гражданское самосознание и формирование политической культуры

Мукина Е.В.

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

Современный принцип формирования политической власти в России основан на прямых выборах исполнительной и законодательной власти. Наступление нового электорального цикла актуализировало научное обсуждение проблемы участия и активности избирателей. В выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва 7 декабря 2003 года приняло участие 60712299 избирателей, что составляет 55,75%, включенных в списки избирателей. В настоящей работе проводится анализ причин политической пассивности (активности), степени формирования гражданского самосознания, тенденции развития политической культуры молодых избирателей. С политико-психологических позиций гражданское самосознание избирателя – это ряд представлений и самооценок относительно статуса и перспектив развития общества. Политическая культура представляется в виде трех уровней: 1) познавательной ориентации, охватывающей знание о политической системе, ее ролях, носителях этих ролей и ее функционирование; 2) эмоциональной ориентации, отражающей чувства, испытываемые по отношению к политической системе, ее функциям, участникам и их деятельности; 3) оценочной ориентации, выражающей личное отношение к политической системе, ее участникам и их действиям.

Целью нашего исследования является изучение причин слабой активности молодежи на выборах. Объектом исследования выступают студентки 18-26 лет (n=70), обучающиеся на вечернем и заочном отделении Чувашского государственного университета им И.Н. Ульянова, проживающие на территории Чувашской Республики. В ходе нашей работы была использована специально разработанная анкета. Она ориентирована на выявление степени общей активности и её проекцию на политическое поведение, на определение степени формирования гражданского самосознания, а главное, на наличие политической культуры респондентов - избирателей.

Относительно исследования причин политической пассивности молодежи нами были получены и систематизированы результаты в следующие ключевые пункты:

1. Причины слабой активности избирателей являются, на наш взгляд, выражением эмоциональной ориентации, отражающей чувства, испытываемые к политической системе, и выражающиеся в политическом поведении. В частности, временная перегруженность (33%), отсутствие достойной кандидатуры (29%), дискомфорт при реализации прав и возможностей (17%), низкая самооценка избирателя (21%). Последнее может быть следствием низкого социального статуса, отраженного в их материальном положении из них 36% имеют доходы на уровне прожиточного минимума, 59% - ниже прожиточного минимума и только 5% - выше прожиточного минимума.

2. Анализ вопроса, за кого вы голосовали бы, если бы участвовали в выборах, показывает, что респонденты в большинстве своем выбрали политическую партию «Единая Россия» - 68% [37,57% - по федеральному списку], за «Народную партию Российской Федерации» - 16% [1,18% - по федеральному списку], за Коммунистическую партию Российской Федерации - 5% [12,61% -по федеральному списку], против всех - 11% [4,7% по федеральному списку]. Выбор партии власти – «Единой России» видимо объясняется тем, что женщины в целом более послушны и, по

результатам исследования гендерных представлений о власти, число женщин, кто готов признать над собой власть государства, начальства, закона и мужчин в 5,8 раза превышает тех, кто не подчиняется.

3. Результаты исследования свидетельствуют о том, что у молодежи не сформирован уровень познавательной ориентации. Следует отметить, что ни один испытуемый не смог воспроизвести полное название партий и их количество, и только 30% смогли перечислить лидеров и некоторые особенности программы партий, участвовавших в выборах. Следовательно, уровень оценочной ориентации сложен недостаточно. Значит, пассивное политическое поведение молодежи можно объяснить несформированностью гражданского самосознания и, как следствие, низким уровнем их политической культуры.

Таким образом, слабая политическая активность молодежи является признаком неразвитой политической культуры. Результаты данного исследования могут быть использованы в организации предвыборной агитации. Представляет научный интерес продолжение исследований между электоральными циклами.

1. Воронцова А.Б., Звоновский В.Б., «Административный ресурс как феномен российского избирательного процесса» // *Политические исследования*, 2003, №6, с. 114-124.
2. Грошев И.В., «Гендерные представления о власти» // *Социологические исследования*, 2000, №12, с. 50-61.
3. *Политология: энциклопедический словарь*. М., 1993, с. 431

УДК 159.923

Закономерности и механизмы формирования теорий личности в отечественной психологии в XX веке с позиций синергетического подхода

Мясищева Ю.Н.

Белгородский государственный университет

Тенденция к интеграции наук, начавшаяся во второй половине XIX века, в XX веке стала доминирующей. Интеграционные процессы в современной науке соответствуют внутренней логике научного развития и отражают этап становления развитого целого. «...Интеграция является сущностью процесса развития наук, его содержанием...», подчеркивает Г.Н. Волков [3]. Интегративные процессы должны основываться на конкретной методологии, которой, на наш взгляд, является синергетика, задача которой состоит в построении теории самоорганизующихся систем и выявлении механизмов самоорганизации.

По мнению И. Трофимовой, для объектов психологии характерны все свойства систем, изучаемых синергетикой: незамкнутость, диссипативность, неустойчивость, иерархичность, нелинейность [5]. Ф.Д. Абрахам считает, что самоорганизация является важным предметом динамики для психологии, так как все связанные с жизнедеятельностью и психологией системы есть примеры самоорганизации. Эти системы могут контролировать свои собственные управляющие параметры, позволяя создавать неустойчивость внутри собственных динамических схем и сложных динамических систем [1].

Одной из таких динамических систем является психология личности. Наряду с богатствами фундаментальных исследований и экспериментальных фактов психологию личности характеризуют множество нерешенных проблем, разрозненных эмпирических данных и непересекающихся друг с другом научных направлений. Как отмечает А.Г. Асмолов, это свидетельствует о том, что в стремительно развивающейся психологии личности отсутствует единый логический стержень, который бы позволял рассматривать данную область психологической науки как целостную систему знаний [2].

С другой стороны, по мнению И.Б. Котовой, отмечается необходимость смены аналитического плана историко-психологических исследований реализацией более высокого методологического уровня – синтеза научных знаний, системного исследования основных концепций личности и построения общей психологической теории личности [4].

Применение синергетического метода к анализу теорий личности в отечественной психологии в 20 веке позволяет подойти к решению данных вопросов, сформулировать новое видение особенности развития психологической науки как самоорганизующейся системы знаний.

Основные предположения нашего исследования связаны с тем, что формирование и смена теорий личности в отечественной психологии происходит в соответствии с общими закономерностями и механизмами самоорганизующихся систем: дифференциацией, интеграцией, иерархизацией элементов, обратной связи, автоколебаниям.

Теории личности в отечественной психологии в XX веке имеют трехкомпонентную структуру: два взаимодействующих элемента и ядерный элемент, обеспечивающий это взаимодействие и являющийся точкой концентрации сущности, и обеспечивающий максимальную целостность и устойчивость системы.

Субстанциональной основой отечественных теорий личности в XX веке является системообразующий фактор, который представляет внутреннюю тенденцию к объединению элементов в систему, являясь основой ее саморазвития.

1. Абрахам Ф.Д., «Введение в теорию динамических систем: язык основных понятий» // *Синергетика и психология*, 2002, Вып.1, С. 271.
2. Асмолов А.Г., *Личность как предмет психологического исследования*. М., 1984, с. 105.
3. Волков Г.Н., *Истоки и горизонты прогресса*. М., 1976, с. 190.
4. Котова И.Б., *Психология личности в России. Столетие развития*. Ростов н / Д., 1994, с. 24
5. Трофимова И., «Предпосылки синергетического подхода в психологии» // *Синергетика и психология*, 2002, Вып.1, С. 7.

УДК: 159.2

Использование Интернет-технологий для проведения психологических исследований.

Науменко А. С., Орел Е. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

В связи с развитием информационных технологий и повышением доступности сети Интернет для различных категорий пользователей становится возможным использование ресурсов сети Интернет для проведения психологических исследований.

Несомненными преимуществами Интернет-исследований по сравнению с традиционными формами являются 1) возможность привлечения большого числа респондентов, 2) охват различных возрастных, профессиональных, социальных и др. групп респондентов, 3) обширная география участников, 4) быстрота проведения исследования, 5) сравнительная легкость организации [3].

Однако при использовании Интернета исследователь сталкивается с некоторыми проблемами, основными из которых являются 1) мотивация участников, 2) контроль, 3) соответствие результатов бланкового и Интернет-исследования.

Поскольку исследователь лишен возможности личного общения с потенциальными респондентами, встает проблема их привлечения к исследованию. Основные мотивы, которыми руководствуются добровольные участники, могут быть следующими: мотив самопознания, соревновательный мотив, материальная заинтересованность и, возможно, мотив помощи. На личном опыте авторы убедились, что одними из наиболее действенных способов привлечения респондентов являются предоставление обратной связи сразу после исследования (мотив самопознания) и построение рейтингов участников в случае тестов достижения (соревновательный мотив). Опираясь на зарубежные исследования [2] можно сказать, что обещание материального вознаграждения респондентов (участие в лотерее) также привлекательно для респондентов, однако требует наличия материальных ресурсов у исследователя. В настоящий момент авторами проводится исследование с целью выявления наиболее эффективного способа построения психологического исследования в Интернете с точки зрения мотивации респондентов.

Удаленность исследователя от респондента также ставит проблему контроля над данными. Исследователю необходимо отслеживать повторные протоколы от одного респондента, случайные и неполные протоколы, контролировать достоверность информации, которую респонденты сообщают о себе. Эти проблемы могут быть решены с помощью современных технических средств, а также с помощью грамотно составленной инструкции.

Проблема соответствия результатов бланкового и Интернет-исследования является наиболее обсуждаемой среди психологов, пользующихся современными технологиями. Российскими и зарубежными авторами [1, 4] был проведен ряд исследований, направленный на поиск различий между результатами бланковой и Интернет-версиями популярных опросников. Во всех этих исследованиях не было получено значимых различий в результатах, однако авторы отмечают, что это касается только используемых ими методик и не может быть обобщено на другие.

1. Buchanan, Tom (1999): "Online Personality Assessment: Equivalence of traditional and WWW personality measures". In U.-D. Reips, B. Batonic, W. Bandilla, M. Bosnjak, L. Grö K. Moser, & A. Werner (Eds./Hrsg.), Current Internet science - trends, techniques, results. Aktuelle Online Forschung - Trends, Techniken, Ergebnisse. Online Press. [WWW document]. Available URL: <http://dgof.de/tband99/>.

2. Frick, A., Botiger, M.T., and Reips, U.-D. (1999): "Financial incentives, personal information and drop-out rate in online studies". In U.-D. Reips, B. Batonic, W. Bandilla, M. Bosnjak, L. Grö K. Moser, & A. Werner (Eds./Hrsg.), Current Internet science - trends, techniques, results. Aktuelle Online Forschung - Trends, Techniken, Ergebnisse. Online Press; Zurich. [WWW document]. Available URL: <http://dgof.de/tband99/>.

3. Жичкина А. Е. О возможностях психологических исследований в сети Интернет // *Психологический журнал*, 2000, т.21, # 2,

4. Ромек В.Г., Сатин Д.К. Сохранение надежности многофакторных тестов при их использовании в сети Интернет // *Психологический журнал*, 2000, т.21, # 2, С. 70-74

УДК 37.032

Значение психологического сопровождения в формировании надежности личности юношеского возраста в процессе спортивной деятельности

Небытова Л.А.

Северо-Кавказский государственный технический университет

Современный этап развития общества, связан с кардинальными преобразованиями во всех сферах деятельности. Господствующей тенденцией в нем стало ускорение научно-технического прогресса, влекущего за собой появление новых профессий, характеризующихся умственным и творческим содержанием, высокой информационной насыщенностью и нередко экстремальностью внешних условий рабочих ситуаций, особенно актуальной становится проблема формирования надежности личности, так как надежность технической части систем управления производства лимитируется характеристиками этого свойства у человека. Данная категория, несмотря на огромный интерес к ней многих исследователей, не имеет на сегодняшний день четкого, устоявшегося определения.

Надежность, являясь интегральным качеством, включает в себя многочисленные характеристики, которые особенно активно формируются на этапе юношества. Это обусловлено особенностями возрастного развития (идет активное формирование таких характеристик и качеств как: саморегуляция, самооценка, самоконтроль, эмоциональная устойчивость, воля, адаптивность, личностные качества: чувство долга, ответственность, дисциплинированность; и т. д.). Данный возрастной период является одновременно и периодом «экономической активности» личности, то есть включением человека в самостоятельную производственную деятельность. Юношеский возраст совпадает со временем обучения в вузе (студенчеством), приобретением профессии, что способствует формированию как профессиональной так и личностной надежности.

Ведущим видом деятельности в юношеском возрасте для студентов является учение, а одним из необходимых условий формирования качеств, характеризующих надежность личности - коллектив. Однако, многими учеными отмечается, что учебная деятельность в вузе осуществляется преимущественно в индивидуально-совместной деятельности, а коллективные и групповые формы работы в практике обучения недооценивают. Отсюда формирование таких социально-значимых качеств личности, как ответственность, дисциплинированность, коллективизм, сотрудничество, взаимопомощь в нужной степени у студентов не формируется, несмотря на то, что перечисленные выше личностные образования выступают как профессионально-важные качества, необходимые студентам как будущим руководителям и организаторам коллективного труда.

Совместно-взаимодействующий тип организации коллективной деятельности в вузах является преобладающим только во внеурочных формах воспитательной работы, осуществляемой обычно в системе различных общественных организаций, что как бы компенсирует недостающий в учебной деятельности групповой эффект. Следовательно, необходима организация таких видов деятельности для студентов, которые могут обуславливать включение личности в группы и коллективы.

Процессы коллективообразования особенно динамично протекают в условиях такого временного студенческого объединения, как спортивная команда. Участие в деятельности подобного коллектива оказывает столь мощное формирующее влияние, что оно сказывается и на характере учебно-познавательной деятельности. Спортивная тренировка и спортивные соревнования учат людей мыслить быстро, точно, практично, с установкой на успех.

Вместе с тем, спорт может вносить и определенные дисгармонии в формирование и проявление черт характера спортсменов (агрессивность, чрезмерно завышенная самооценка). Поэтому при формировании надежности личности посредством спортивной деятельности, необходимо создать определенные условия для формирования данной интегральной характеристики. Одним из этих условий является психологическое сопровождение спортивной деятельности, которое обеспечивает личности: знание психологических потенциалов; более высокий уровень саморегуляции и самоконтроля; возможность определять

более высокие цели и успешно их достигать; повышение эмоциональной устойчивости; формирование адекватной самооценки. Специалистами службы психологического сопровождения спортивной деятельности при формировании надежности личности могут быть: тренеры, спортивные психологи, педагоги.

УДК: 152.3

Определение понятия «толерантность» в современной психологии

Недорезова Н.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Можно выделить несколько подходов в определении термина. Понятие «толерантность» в научных работах берет свои истоки в медицине, появилось в 1953 году. В медицине понятие означает терпимость иммунной системы к пересаженным инородным тканям. Нарушение толерантности приводит к аутоиммунным заболеваниям. В психологических словарях «толерантность» определяется как «отсутствие или ослабление реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию».

Подобная трактовка прослеживается в изучении толерантности к стрессу, неопределенности и говорит о способности терпеть до той степени, пока эмоционально неприятный человек, тяжелая эмоциональная ситуация выносима и не приводит к ущербу.

Вторая традиция в определении понятия «толерантность» прослеживается в философии, декларации прав Юнеско при анализе проблемы отношения людей к различиям друг друга по ценностям, культурным традициям, вероисповеданиям. Подлинная толерантность предполагает уважение, интерес к отличающемуся образу жизни, идеям. Показано, что существует толерантность как уважение к позиции другого человека и кажущаяся толерантность, в основе которой может быть снисхождение, безразличие к тем, кто отличается. Толерантность к другому человеку основана на знании, открытости, общении, свободе взглядов, на признании равных прав как своих, так и другого человека в свободе мыслей, совести, убеждений.

Проблемы толерантности находят свое отражение в социологических и этнопсихологических исследованиях. В социологии мы встречаем следующее определение. «Толерантность – это терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаю, чувствам, идеям, верованиям». Толерантность не рассматривается как базовая личностная характеристика, она варьирует от контекста, ситуации, то есть толерантность к одной группе не исключает интолерантность к другим. Социологи и этнопсихологи с большим интересом изучают, с какой группой идентифицирует себя индивид и в зависимости от этого воспринимает представителей других групп.

Следующую линию в определении понятия «толерантность» мы можем обнаружить в психологии личности, в которой толерантность понимается как одна из личностных черт индивида. Толерантность – активная жизненная позиция в противоположность терпимости (последняя предполагает пассивное принятие окружающей реальности, непротипление, «способность подставить вторую щеку»). Авторы выделяют некоторые личностные особенности, которые свойственны толерантному и интолерантному человеку. При описании интолерантного индивида выделены, такие характеристики как: трудно жить в согласии с самим собой, экстернальный уровень субъективного контроля, низкая когнитивная сложность, отсутствие эмпатии, навыков слушать и сопереживать.

В психологии личности, в настоящее время, предложено следующее определение толерантности. Это «интегральная характеристика индивида, определяющая его способность в проблемных и кризисных ситуациях активно взаимодействовать с внешней средой с целью восстановления своего нервно – психического состояния, успешной адаптации, недопущения конфронтации и развития позитивных взаимоотношений с собой и окружающим миром». Толерантность включает психическую устойчивость (физиологическая сопротивляемость воздействиям, к стрессу, к конфликтам), систему позитивных установок, комплекс индивидуальных качеств, систему личностных и групповых нравственных ценностей. Таким образом, в психологии личности толерантность – это характеристика индивида, которая изначально присутствует в человеке, независимо от ситуации, собеседника.

В социальной психологии своя линия в определении понятия «толерантность». В.А. Лабунская разделяет толерантное и интолерантное общение. Толерантное общение – это диалогическое, гуманистическое, личностно-развивающее общение, которое предполагает принятие и понимание собеседника. Интолерантное общение – это деструктивные формы поведения, для которых свойственны деиндивидуализация и деперсонализация системы отношений. Е.П. Белинская так же рассматривает толерантность как параметр взаимодействия. Толерантность – это «реализация определенного социального поведения, набор определенных поведенческих стратегий и тактик». Автор указывает на то, что выбранная индивидом система ценностей служит опорой для толерантного или интолерантного взаимодействия с другими людьми.

Итак, понятие «толерантность» имеет специфическое толкование в разных направлениях психологии в зависимости от контекста исследования, изучаемой области.

Соотношение образа болезни и стратегий совладающего поведения (копинг-поведения)

Нелюбина А. С.

Тюменский государственный университет

Постановка проблемы. Традиционно, субъективную сторону общей картины соматического заболевания в клинической психологии обозначают как внутреннюю (субъективную) картину болезни. Под ней понимают отражение болезни в психике, сознании больного. Основываясь на концепции А.Н. Леонтьева об образе мира [3], мы предлагаем использовать термин «образ болезни». Под ним понимается картина конкретной болезни, отстроенная на основе неявных допущений о болезнях вообще. При таком подходе, образ болезни можно вписать в образ мира человека. Поскольку образ мира – это понятие, введенное для описания системы значений человека, то образ болезни может быть представлен при помощи построения субъективных семантических пространств, описывающих болезнь.

Образ мира имеет уровни: ядерные и более поверхностные структуры [1]. Образ болезни также должен иметь как поверхностные, так и более глубинные слои. Исследование же субъективной картины болезни, как нам кажется, ориентировано на изучение субъективного опыта находящегося на поверхностных слоях.

Образ болезни, как и любой образ, является важнейшим компонентом действий субъекта. Образ, ориентируя субъекта в конкретной ситуации и направляя на достижение поставленной цели, в процессе реализации действий преобразуется (определение образа по Зинченко, Мещеряков, 2001).

Копинг – поведение или совладание с болезнью – это усилия, направленные на то, чтобы либо внутрисубъективно (эмоционально - когнитивно), либо посредством целенаправленных действий редуцировать имеющиеся или ожидаемые перегрузки, возникающие из-за болезни, или совладать с ними. Выбор форм совладания с болезнью зависит от индивидуальных оценок и отношения к болезни пациента [2].

Характер и интенсивность переживания однотипных обстоятельств варьируется в зависимости от значения, приписанного человеком этому обстоятельству (L.I.Perlin, 1991). То.е., от того, к какой категории человек отнесет возникшее у него интрацептивное ощущение, будет зависеть характер и интенсивность его переживания, и применяемые копинг-стратегии. Стратегии же совладания можно рассматривать как определенный когнитивный стиль (способ переработки информации), т.е. некое типичное, в отличие от более ситуативных представлений о болезни или интрацептивных ощущений.

Основываясь на идеи Шмелева А.Г. [4], рассматривающего значение как тройственный морфизм (системы значений существуют как морфизмы денотативных, операциональных и оценочных категориальных систем), совладание с болезнью можно рассматривать, как операциональную сторону субъективного значения.

Исходя из вышесказанного, определим объект и предмет исследования. Объектом данной работы является фрагмент образа мира, описывающий болезнь. Предметом – структура образа болезни, которым пользуется пациент.

Переменные стратегий совладания будут операционализированы путем использования вопросника стратегий совладания (например, копинг-тест Лазарус; опросник CISS Эндлера Н.и Паркера Д. стратегий и стилей психологического совладания). Образ болезни – путем использования теста (словаря) интрацептивных ощущений [5], который этот образ может вербализовывать.

В работе будут решаться две основные задачи. 1) Построение субъективных семантических пространств, являющихся модельными представлениями категориальных структур индивидуального сознания (описывающих болезнь). Матрицы, полученные после проведения методики классификации психосоматических ощущений, будут подвергнуты факторному и кластерному анализу (методам многомерного анализа данных).

2) Выявление направленности связи между образом болезни и стратегиями совладания с ней. Поскольку исследование будет носить эмпирический характер, но не экспериментальный, говорить о причинно-следственных связях между переменными образа болезни и стратегиями совладания с болезнью не представляется возможным. Тем не менее, для установления направленности и силы связи между данными переменными может быть проведен дисперсионный анализ.

1. Артемьева Е.Ю., *Основы психологии субъективной семантики*. М., 1980, с.129
2. *Клиническая психология*. / Под ред. М. Перре, У. Бауманна. Спб., 2002, с.1312
3. Леонтьев А.Н. “Психология образа” // *Вестн. Моск. ун-та*. Сер.14, Психология. 1979, №2. с. 3-13.
4. *Психология субъективной семантики в фундаментальных и прикладных исследованиях: Материалы научной конференции, посвященной 60-ти летию со дня рождения Е.Ю. Артемьевой* / Отв. ред. Д.А. Леонтьев. М., 2000, с.147
5. Тхостов А.Ш., *Психология телесности*. М., 2002, с.287

Закономерности формирования образа среды людьми с измененной сенсорной чувствительностью

Никитин А. А.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В основе нашего исследования лежит положение о том, что у каждого человека существует, так называемый полисенсорный образ. Для индивидов с отклонением в сенсорной сфере можно говорить о том, что из данного образа выпадают не отдельные фрагменты, а происходит общее снижение точности отображения, при этом сохраняется целостность отображаемого объекта.

Другими словами, для исследователя, в данном случае, не так важно, как формируется образ, главное - задать его точность. Нарушение сенсорной системы обедняет образ, но не уничтожает его, что приводит к восприятию образа не таким, каков он на самом деле, но и не меняет его полностью. Мы предполагаем, что это позволит исследователям обучать лиц с нарушенной сенсорикой, составлять адекватную картину окружающей среды.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что существует вероятность при обнаружении обобщенного образа использовать получаемые результаты для коррекции отклонений в развитии сенсорной чувствительности. Опираясь на опыт предыдущих исследований и технических средств, компенсирующих недостаточность сенсорных систем, можно сказать, что область, затронутая нашим исследованием, является достаточно новой и мало изученной.

Для получения достоверных результатов следует использовать аппаратные методы, валидность и надежность которых достаточно высока, чтобы признать полученные результаты достоверными. Кроме того, необходим и тестовый материал, опросники, которые необходимы для дифференциации результатов исследования.

Особое внимание следует уделить подбору респондентов и характеру имеющихся у них отклонений. В выборку вошли несколько групп испытуемых (3 с поражением и 3 контрольных), в минимальном количестве 20 респондентов в каждой группе. Каждая группа подобрана так, чтобы в нее вошли люди с одинаковыми, выраженными отклонениями. Это необходимо для того, чтобы отграничить врожденные пороки сенсорных систем от приобретенных, генезис отклонений и их тяжесть для сенсорных систем респондентов. Кроме того, существует так называемая контрольная группа с индивидами, чьи показатели по шкалам сенсорной чувствительности наиболее приближены к норме (или среднему значению). Этот фактор является необходимым для возможности сопоставления полученных результатов не только внутри групп испытуемых с отклонениями в сенсорной сфере, но также и для сравнительного анализа данных полученных в этих группах и в группе контроля.

Для данного исследования нами были разработаны методы исследования цветового восприятия и восприятия формы, что является необходимым для изучения зрительного восприятия в целом. Кроме того, в процессе проведения эксперимента проводилось измерение вызванных потенциалов, до и после обучения используемой методике.

Полученные экспериментальные выводы позволяют говорить о существовании у всех респондентов полимодального зрительного образа окружающего с различной степенью поражения, что практически не влияет на восприятие окружающей действительности. Этот факт говорит о сильной компенсаторной функции других сенсорных систем респондента.

Возможно, что полученные данные лягут в основу разработки корректирующих методов. Но уже в настоящее время учеными Университета Миннесоты, лаборатории нейропсихологии, разработаны имплантанты, позволяющие частично вернуть зрение и слух. А наше исследование возможно актуализировать на примере людей, которым вживление имплантантов противопоказано с точки зрения медицинских предписаний.

Особенности аутоагрессивного поведения бывших осужденных на примере пенитенциарных учреждений Забайкалья

Никонова М.А.

Читинский государственный университет

Неустойчивое развитие общества вызывает множество проблем, связанных с преступностью. Одна из них - агрессия во всех ее формах. По мнению Чураева Э.Н. существует множество противоположных теоретических перспектив, каждая из которых дает свое видение сущности, истоков агрессии и агрессивности. Он дает компаративный анализ данных понятий, выделяя основные направления, такие как:

Агрессивность- инстинктивное поведение. Здесь выделяют ортодоксальный психоанализ, этологический, социобиологический подходы.

Агрессивность- проявление побуждения. Подходы в данном направлении: теория фрустрации, теория послонк к агрессии, теория переноса возбуждения.

Агрессивность- приобретенное социальное поведение. Здесь выделяется теория социального научения.

Агрессивность- проявление деструктивных и конструктивных тенденций. Данное направление включает два подхода: мотивационная агрессия, агрессивность- как свойство личности.

С точки зрения современных психологических теорий, аутоагрессивное поведение является проекцией агрессии на собственную личность. Аутоагрессия проявляется в различных формах, в частности- в форме самоуничтожающего поведения (пьянство и алкоголизм, наркомания, суицидальное поведение, раскованное сексуальное поведение, рискованные виды спорта, провоцирующее поведение). Например, по Забайкалью больных хроническим алкоголизмом 157,2 ч-ка на 100 тыс. населения, что в 2 раза превышает показатели по РФ. Самоубийства в 2000 г. совершили 969 человек. Показатель болезненности наркоманией в 2000 г. составил 52,0, но был в 3 раза ниже российского, что объясняется недостаточной выявляемостью больных. Показатели болезненности токсикоманиями на протяжении последних лет остаются на высоком уровне (19-21), превышая российские в 2,5 раза. Особенно остро эта проблема встает перед бывшими осужденными. Вопросом аутоагрессивности заключенных занимались Васильев В.Л., Столяренко А.М., Филонов Л.Б., Ананьева Н.А., Нолиу З.А., Петрова Е.А., Родионова А.А., Якушев И.В., Волинская Л., Черненилов В.И. и др.

Аутоагрессивное поведение, то есть агрессия, направленная на самого себя.

Аутоагрессия представляет собой деструктивное, саморазрушающее поведение.

- Аутоагрессия представляет собой не просто изолированную личностную черту, конкретную особенность, но является сложным личностным комплексом, функционирующим и проявляющимся на различных уровнях.

- Аутоагрессия имеет множественную систему достоверных связей с целым рядом характерологических особенностей личности.

- Чем выше аутоагрессия личности, тем ниже самооценка собственных когнитивных способностей (память, мышление), ниже самооценка тела ("физическое Я"), ниже самооценка собственной способности к самостоятельности, автономности поведения и деятельности.

- Аутоагрессия связана со способностью/неспособностью к успешной социальной адаптации личности, с успешностью/неуспешностью межличностного взаимодействия в микросоциуме. Уровень аутоагрессии личности отрицательно коррелирует с общительностью и положительно - с застенчивостью. Аутоагрессия - это, как правило, низкая самооценка и неприятие себя.

- Наличие аутоагрессии связано с особенностями восприятия других людей. Аутоагрессия практически не связана с негативизацией восприятия других. Чем выше уровень аутоагрессии субъекта, тем более негативными являются представления об оценке другими его личности.

Исследования проводились на базе пенитенциарных учреждений Забайкалья. Объектом исследования выступили 70 бывших заключенных. В ходе работы был использован пакет методик: «ШРЛГ Ч.Д.Спилбергера-Ю.Л.Ханина», «Самооценка тревожности, фрустрированности, агрессивности и ригидности», личностные опросники Р.Б.Кеттелла (форма А, С) по некоторым факторам, компьютерный вариант опросника Кеттелла (форма А), «Опросник Леонгарда-Шмишека». Результаты получились следующие: по ШРЛГ у 78% опрошенных выявлена высокая реактивная тревожность, что характеризует напряжение, беспокойство, нервозность. У 89%- умеренная личностная тревожность, т.е. они воспринимают среднее количество ситуаций как угрожающие- и реагируют на них состоянием тревоги. У опрошенных высокий уровень фрустрированности (75%); высокий уровень агрессивности у 69%, средний- у 21%. При этом агрессия положительно коррелирует с фрустрацией. Т.о. может сформироваться личностная агрессивность как готовность к агрессивному поведению, в частности, направленной а себя, т.е. аутоагрессии. По опроснику Кеттелла получилось, что 53% опрошенных- это люди, склонные к обособлению, сдержанности, 41% присущи отчужденность, скептицизм. 69% не очень развиты интеллектуально, 12%-«ступоваты» и только у 19%-разумность и интеллектуальное развитие. По эмоциональной устойчивости 75% отличает фрустрированность, невротическая утомляемость, раздражительность. По фактору уступчивости у 52% отмечается покорность, зависимость, у 25%-конформность и податливость, у 23%- агрессия, упрямото. У 56% преобладает тревожность, депрессивность, обеспокоенность. По вторичным факторам можно отметить, что больше чем у 50% бывших осужденных отмечается очень высокая тревожность, что нарушает продуктивность и приводит к расстройству; интровертированность; тенденция испытывать затруднения в связи с эмоциональностью; зависимость, пассивность. Компьютерная версия опросника дала идентичные результаты, но интерпретация в данном случае намного уже.

Опросник Леонгарда-Шмишека выявил преобладание тревожно-боязливой (невротическая акцентуация) и возбудимой (проективная акцентуация) типов характера.

Данные результаты говорят о наличии аутоагрессивного поведения у бывших заключенных, о необходимости его предупреждения и создании системы профилактических мероприятий.

1. Васильев В.Л. Юридическая психология. М., 1991г.
2. Бэрон Р., Рчардсон Д. Агрессия. С-Пб., 2000 г.
3. Реан А.А. Агрессия и агрессивность личности // Психологический журнал. №5. 1996г.

Психологические особенности женщины – руководителя

Новикова А.Т.

Пермский государственный университет

Тема «Психологические особенности женщины-руководителя» выбрана для исследования в силу совпадения личных и профессиональных интересов. Теоретическим основанием являются идеи общей, гендерной, организационной психологии и психологии личности.

Данная тема видится нам весьма актуальной, особенно сейчас, когда женщины во всем мире активно осваивают чисто мужские, сложившиеся исторически, социальные функции: материальное обеспечение, защиту, управление.

Перед работающей женщиной, при определенных обстоятельствах, непременно встает вопрос: что выбрать семью или карьеру? Стать хорошей матерью и женой или расти в области профессиональной деятельности?

До 30% работающих женщин возникает «синдром деловой женщины», заключающийся в чувстве вины. Вина является следствием внутрисемейного конфликта, когда женщина стремится соответствовать роли и хранительницы семейного очага, и хорошего профессионала одновременно. Это может привести к компенсаторному поведению (отрицание чувства вины, замена внимания и заботы материальными вещами (например, игрушки), отказ от помощи мужа в домашних делах) и вылиться в психосоматические симптомы.

Негативно относились к женскому лидерству сторонники фрейдизма. Руководящие женщины считались обладателями неправильной половой идентичности, а их стремление к лидерству, интерпретировалось как попытка компенсировать чувство неполноценности женщины, которое порождается завистью к мужчинам.

Для сопоставления успешности деятельности мужчин и женщин, необходимо сравнить эффективность руководства. По данным А.Е.Чириковой, большинство женщин склонны считать, что женщины-руководители имеют некоторые преимущества перед мужчинами-руководителями (например, обаяние, контактность). Этому же мнению придерживаются и мужчины.

Н. Архипова считает, что у осуществляющих руководство женщин, в отличие от других, более выраженные те качества и черты характера, которые присущи мужчинам. Они отличаются стремлением к доминированию, инициативностью. А, по сравнению с мужчинами, женщины-руководители более ориентированы на межличностные отношения, внимательны к эмоциональной атмосфере, интенсивнее занимаются социальной работой.

На сложившуюся ситуацию повлияло множество факторов. Способствовали этому октябрьская революция 1917 года, а в последствии и коммунистическая идеология, которая уравнила мужчин и женщин в трудовых правах. Важную роль сыграла Великая Отечественная война, где женщины участвовали в военных действиях. Затем, восстановление разрушенного хозяйства, подъем экономики и культуры, во всем женщины принимали активное участие. Переход к демократическому режиму, который конституционно гарантировал мужчинам и женщинам равенство в правах и их реализации так же сказался на увеличении числа женщин в руководящих структурах. Эти процессы нашли отражение во всем мире.

Влияние на сложившуюся ситуацию социально-экономических и политических факторов очевидно. Но, необходимо учитывать процессы развития идущие в обществе, которые сказываются на каждом его члене. Увеличение потребностей ведет за собой развитие способностей. Потребность в самоактуализации вынуждает женщин на принятие решений в пользу профессиональной деятельности, заставляет развиваться, усложняя внутренний мир. Ведь профессиональная деятельность, известно, требует специальных знаний, умений, навыков. Одним из главных психологических факторов на пути развития женщин профессионалов в разных отраслях стала возможность свободы выбора: в профессии, карьере, в способе занятости, в средствах достижения. Но поскольку выбор осуществляется индивидуально, большое значение имеют и личностные особенности.

Итак, в изучении психологических особенностей женщин-менеджеров уже достаточно сделано. Исследованы приоритеты работающей женщины, стереотипы женского поведения, феномены, связанные с ними, психологические особенности личности российского предпринимателя. Однако среди исследователей нет однозначных мнений по поводу некоторых деталей обозначенной проблемы. Некоторые исследователи склонны рассматривать женщину-руководителя как отклонение от социально-психологической нормы. Другие же, наоборот, отрицают взгляд на успешную профессиональную деятельность женщины как на девиацию. Эти дискуссии вызваны сложностью и многогранностью предмета исследования. Из этого можно заключить, что изучение психологических особенностей женщин руководителей весьма интересное и перспективное направление.

Психологические аспекты при организации системы стимулирования труда инженерно-технических работников

Норин П.Г.

Пермский государственный технический университет

Сегодня во всем мире большое внимание уделяется повышению эффективности труда инженерно-технических работников (ИТР), так как благодаря трудовым усилиям именно этой профессиональной категории осуществляется научно-технический прогресс, разработка наукоемких технологий, налаживается выпуск новых изделий, снижаются издержки и, в конечном счете, повышается прибыль промышленных компаний и благосостояние общества в целом. В США и в других промышленно развитых странах считается, что именно инженерному корпусу принадлежит ведущая роль в современном производстве.

В постперестроечной России произошла девальвация ценности инженерного труда. Это можно проиллюстрировать следующими показателями. Только в системе НАСА (США) в середине 90-х гг. было занято свыше 100 высококвалифицированных специалистов по космическим исследованиям – бывших граждан нашей страны. До 90% кадрового потенциала специалистов ВПК Израиля состоит из бывших советских специалистов. Потенциальный ущерб от эмиграции из России высококвалифицированных кадров в трудоспособном возрасте оценивается в 60–75 млн. долл. в год. Внутренняя «утечка» представлена следующими цифрами: с 1989 по 1993 г. 27% ученых и инженеров перешли в различные коммерческие структуры, перестав заниматься своей профессиональной деятельностью.

Для того чтобы предотвратить дальнейшее ухудшение ситуации, необходимо принимать серьезные меры для повышения привлекательности инженерного труда. Это можно реализовать, прежде всего, внедряя эффективную систему стимулирования труда рассматриваемой категории работников. Понятно, что при построении данной системы стимулирования на предприятии необходимо изучение особенностей мотивации людей, занимающихся этой деятельностью. Соответственно необходимо выяснить мотивационную структуру ИТР. А также определить некоторые важные особенности инженерной деятельности: во-первых, работники, занимающиеся этой деятельностью – это люди умственного труда (соответственно для них важна творческая составляющая их трудовой деятельности), во-вторых, невозможно точно прогнозировать результаты деятельности данной категории работающих (так как никто не знает результатов прикладных исследований), в-третьих, невозможно в полной мере оценить результаты деятельности инженеров (так как сложно определить конкретный трудовой вклад отдельного инженера в общие результаты труда в организации).

Учитывая все вышесказанное, можно задать вопрос: «На основе чего строить систему стимулирования ИТР»? Ответить на этот вопрос можно, если рассмотреть теории, объясняющие поведение человека в тех или иных ситуациях, в частности и в производственной деятельности. Одни теории основываются на идентификации тех потребностей, которые заставляют людей действовать так, а не иначе. К этим теориям мы относим теорию потребностей А. Маслоу, теорию ERG К. Альдерфера, теорию Д. МакКлелланда, двухфакторную теорию Ф. Герцберга. Другие теории ставят в центр внимания мотивацию как процесс, например теория ожиданий В. Врума, теория справедливости С. Адамса и ряд других.

Из различных теорий и концепций, связанных с мотивацией людей интересно выделить модель мотивации Портера-Лоулера. Это более поздняя теория является результатом синтеза ранее известных теорий, в частности теории ожиданий и теории справедливости.

Основными понятиями в данной модели являются: ценность вознаграждения; оценка вероятности вознаграждения; усилия работника; способности и характер; оценка роли работника; вознаграждения, воспринимаемые как справедливые; внутренние и внешние вознаграждения; удовлетворение. В соответствии с данной теорией уровень приложенных усилий работника будет определяться ценностью вознаграждения и степенью уверенности в том, что данный уровень усилий действительно повлечет за собой определенный уровень вознаграждения. Кроме того, один из наиболее важных выводов Л. Портера и Э. Лоулера состоит в том, что результативный труд ведет к удовлетворению, что прямо противоположно широко распространенному мнению об обратной взаимосвязи (удовлетворение ведет к достижению высоких результатов в трудовой деятельности).

На наш взгляд, модель Портера-Лоулера может служить основой для создания системы стимулирования труда ИТР, но было бы заблуждением считать, что не существует возможности применения других теорий в этой сфере менеджмента персонала. Скорее необходимо говорить о комбинации различных психологических подходов при организации системы стимулирования инженерного труда.

УДК 159.98

Социально-профессиональная адаптированность личности как фактор профессиональной успешности

Нохрин Е.И.

Российский государственный профессионально-педагогический университет

Проблема профессиональной адаптации человека к непрерывно меняющимся условиям современной социально-профессиональной среды зачастую встает достаточно остро. На фоне социальных, экономических и политических преобразований она подчас становится трудноразрешимой. Подобное положение дел обуславливается целым комплексом обстоятельств, в той или иной мере влияющих на положение человека в социальной среде в целом и профессиональной сфере в частности. При этом не вызывает сомнения положение о том, что адаптированность человека к условиям профессиональной жизни непосредственно влияет на возможность достижения им профессиональной успешности.

Разнонаправленность, многоаспектность обсуждаемой проблемы требует для своего разрешения, при ближайшем рассмотрении, учета следующих факторов.

Во-первых, сама по себе профессиональная успешность имеет в своей структуре объективную и субъективную составляющие, а именно: присутствие необходимых для успешного выполнения профессиональной деятельности знаний, умений и навыков, опыта, компетентности; нахождение личностного смысла в труде, удовлетворенности выбранной профессией и своими профессиональными достижениями, всем тем, что определяет процесс и результат профессионального самоопределения, самореализацию человека в профессии. Другими словами, достижение профессиональной успешности, а следовательно, и адаптированности к социально-профессиональной жизни (в данном случае между этими понятиями можно поставить знак тождества) оценивается как со стороны профессионального сообщества по множеству формализованных критериев, так и со стороны личности по субъективной оценке своего места в мире профессий. Следует также заметить, что эти два аспекта не только неразрывно связаны, он и взаимно влияют друг на друга.

Во-вторых, профессиональную дезадаптацию во многом провоцируют неизбежные как нормативные, так и не нормативные профессиональные кризисы, неумолимое давление социальной среды как таковое, что вынуждает человека к смене способов достижения цели. В этом случае наличие сильных стенических эмоций может спровоцировать психическую напряженность превышающую индивидуальный порог фрустрационной толерантности, что приводит к невозможности конструктивного разрешения создавшейся ситуации, поведению, препятствующему формированию успешной профессиональной позиции, существенному снижению профессиональной эффективности личности.

В-третьих, врожденные или приобретенные на данный момент времени психические особенности (акцентуации характера, уровень развития интеллекта, мозговые дисфункции и др.), спровоцированные наличием ситуативных, порою случайных, не зависящих от личности труднопреодолимых (или же субъективно так воспринимаемых) обстоятельств психические состояния (астения, страх, тревога и др.) также влияют на специфику мироощущения, формы реагирования, поведения человека в конкретных профессиональных условиях, которые, как известно, не всегда адекватны требованиям среды, а иногда просто противоречат обстоятельствам. Подобное положение дел может не просто повлиять на индивидуальный стиль деятельности, но и спровоцировать профессиональные деструкции или же лишить человека возможности и способности полноценно функционировать на профессиональном поприще, профессионально реализовать себя.

В-четвертых, современная динамика профессиональной жизни требует не просто адаптации к конкретной профессии, рабочему посту, но адаптированности к миру профессий вообще. Подобное положение требует от личности как социальной гибкости, так и высокого уровня развития адаптационных способностей.

Исходя из сказанного представляется несомненным, что учет приведенных выше положений не просто уместен, но и необходим при формулировании концепций и проектировании исследований по социально-профессиональной адаптации специалистов и их профессиональному сопровождению. В этом случае расширяются возможности для профессионального развития специалистов способных к самообразованию, ориентированных на творческий подход к делу, способного принимать верные решения, стремящегося к самосовершенствованию.

УДК 651.01.159

Формирование психологической зависимости у человека от компьютерных игр.

Овсянников В.В.

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Сегодняшние темпы компьютеризации превышают по скорости все другие процессы. Современный человек начинает взаимодействовать с компьютером постоянно. Вместе с появлением персональных компьютеров появились компьютерные игры, которые сразу же нашли массу поклонников. С совершенствованием компьютеров совершенствовались и игры, привлекая все больше и больше людей. С каждым скачком в области компьютерных технологий растет количество людей, которых в народе называют "компьютерными фанатами" или "гамерами" (от английского "game" - игра). Основной деятельностью этих людей является игра на компьютере, круг социальных контактов у них очень узок.

Динамика развития компьютерной зависимости имеет определенный вид, согласно которой можно выделить четыре *стадии развития психологической зависимости* от компьютерных игр: стадия легкой увлеченности, стадия увлеченности, стадия зависимости, стадия привязанности.

Когда человек первое время начинает играть в компьютерные игры, включаются механизмы *формирования зависимости*: уход от реальности и принятие роли. Оба механизма основаны на процессе компенсации негативных жизненных переживаний. В дальнейшем потребность, на которой основан преобладающий механизм, принимает первостепенное значение в мотивации игровой деятельности. Она находится в области бессознательного, т.к. в большинстве случаев частично или полностью не осознается человеком.

Итак, человечество погружается в компьютеры и компьютерные сети. С каждым днем все больше людей, особенно детей, становятся психологически зависимыми от компьютерных игр. Каждый день они подходят к компьютеру и "получают дозу" - кто 20 минут, кто час, а кто и сутки. К чему приведет эта проблема человечество можно только предполагать? Мы должны задуматься над этим уже сегодня. Разные научные дисциплины должны объединиться в исследовании этой области. Психология должна стать во главе работ по исследованию психологических аспектов взаимодействия человека с компьютером.

УДК 159.9

Роль феномена манипулирования в профессиональной деятельности психолога

Одышева Е.В.

Томский государственный университет

Психологическое знание всё больше проникает в общественную практику и реализуется в различных воздействиях на личность, в том числе и манипулятивных формах.

Вглядывание в глубинный контекст и подтекст манипуляций осуществляется многими авторами, но несоизмеримо больше публикаций посвящено технологиям и методам осуществления данного вида воздействия, в которых отсутствует внутритекстовая рефлексия. К такому разряду могут быть отнесены издания по психологии рекламы и психологии пропаганды, поскольку именно эти отрасли науки обеспечивают (обслуживают) решение задач, поставленных перед психологом заказчиком-работодателем, которые обобщенно можно сформулировать так: «Как заставить людей добровольно, т. е. без специальных санкций выполнять то, что необходимо (якобы) для пользы дела, но вызывает некоторые возражения».

Такое вторжение не всегда есть благо в общечеловеческом смысле. Последствия подобной научно обоснованной экспансии могут быть оценены исходя из этических норм, лежащих в основе практической деятельности, как состоявшегося психолога-профессионала, так и только ступившего на этот извилистый и нелёгкий путь студента.

Ввиду расширяющегося масштаба применения манипулятивных видов воздействия в повседневной практике и отсутствия достаточного объёма средств по их распознаванию и противодействию им, становится необходимым для всестороннего изучения вопрос о роли феномена манипулирования в профессиональной деятельности психолога.

В связи с этим нас интересует, с какими характеристиками-нормами связывают свою будущую профессиональную деятельность нынешние студенты-психологи, опираясь на построенный ими образ идеального психолога.

Целью проведённого нами исследования являлось изучение феномена манипулирования в контексте психологической проблематики.

Рассмотрение психологических аспектов феномена манипулирования и его роли в профессиональной деятельности психолога позволило конкретизировать проблему обоснованности, приемлемости и допустимости использования манипулятивных технологий психологом как одного из способов воздействия на клиента.

Любая деятельность, в том числе и профессиональная, накладывает отпечаток на человека. Здесь имеет большое значение профессиональная и жизненная (экзистенциальная) позиция (выбор) конкретного специалиста: какую роль будет играть манипуляция в его деятельности, будет ли ей место в его работе с «чудо-отличием».

Роль феномена манипулирования в профессиональной деятельности психолога целесообразно, на наш взгляд, рассматривать в контексте его проявлений в реальной жизни.

Проведённое нами эмпирическое исследование, направленное на изучение соотношения манипулирования, оценки своих профессиональных качеств и идеального образа психолога показало, что в ментальной карте студентов-психологов присутствует как образ идеального психолога, так и представление о возможных профессиональных деформациях. Это говорит о понимании участниками специфики изучаемой ими области деятельности, т. к. они осознают и негативные проявления, возможные у психолога, как и у любого другого специалиста. А также - об отсутствии излишнего идеализирования профессионала-психолога, превращения его в «полу-Бога». Кроме того, студенты в своей ментальной карте тесно связывают свой образ с образом квалифицированного психолога, что может говорить о незрелости образовательной позиции участников эксперимента, т. е. о чрезмерно высокой оценке себя как профессионала. В итоге мы сделали общий вывод о том, что у студентов-психологов манипулирование является средне выраженной склонностью, которая не зависит от оценки своих профессиональных качеств. Это проявляется в допущении ими использования манипулятивных приёмов в работе с клиентами как одного из средств, имеющегося в арсенале практического психолога. В то же время, зная о деструктивном характере данного подхода, следует акцентировать внимание и на этических аспектах при подготовке профессионалов в этой области науки.

Манипуляция сознанием – это особенное (информационное) воздействие на сознание человека. Опасность его использования заключается в том, что оно в силу своей универсальности может представлять угрозу для любого вида безопасности человека: физической, социальной, духовной, являющейся базовой потребностью человека. А в связи с этим проблема, излагаемая в докладе, звучит пронзительно.

УДК 159.9

Исследование эмоционально – мотивационной сферы личности подростков, находящихся в условиях длительного пребывания в стационаре

Олейникова Е.И.

Воронежский государственный университет

В настоящее время общепризнанным является влияние эмоций на возникновение и течение различных заболеваний, что делает необходимым изучение особенностей связи эмоционального состояния человека и механизмов возникновения и течения болезни. Именно алекситимию рассматривают уже много лет как фактор риска многих заболеваний. В нашей работе мы хотели бы показать, что алекситимия как психическая характеристика, как фактор, серьезно влияющий на эффективность лечения и его результат, является особенностью эмоционально – мотивационной сферы подростка, имеющего не только психосоматическое, но и хроническое соматическое заболевание (подростка,

принимающего длительное и частое лечение в стационаре). В качестве рабочего определения алекситимии мы приняли классическое определение, введенное П. Сифнеосом: алекситимия – феномен личности, характеризующийся затруднениями в передаче, вербальном описании своего состояния (буквальный перевод – нет слов для чувств) [1, 2, 3].

Целью нашего эмпирического исследования было выявление на основе полученных данных особенностей проявления феномена алекситимии у соматически больных подростков. Гипотезой нашего исследования стало предположение о том, что существуют специфические черты в проявлении феномена алекситимии у подростков с психосоматическими заболеваниями и у подростков с хроническими соматическими заболеваниями, находящимися в условиях стационара. В качестве задач исследования мы выделили следующие:

определение уровня алекситимии у подростков с различными заболеваниями в условиях длительного пребывания в больнице и у здоровых подростков, взятых нами в качестве контрольной группы.

исследование самооценки и ее дифференцированности у указанных выше подростков с заболеваниями.

изучение особенностей представления этих подростков о собственном Я (реальном и идеальном).

Нашими испытуемыми были пациенты ОКДБ им. Бурденко с различными видами заболеваний (психосоматическими и хроническими соматическими) и учащиеся 8-х классов СОШ №8 Коминтерновского р-на г. Воронежа. Всего число обследованных нами подростков составило 50 человек, из них 29 подростков с заболеваниями и 24 здоровых подростка. Пациентов мы отбирали с помощью врачей отделений больницы и психолога: исследовались карты больных и учитывалось мнение психолога.

В качестве методов исследования мы применяли метод опроса. Методики были следующими: Торонтская Алекситимическая шкала, Личностный дифференциал, Методика исследования самооценки Дембо – Рубинштейн.

В результате проведенного нами исследования мы можем сделать выводы, общие для подростков, имеющих психосоматические и хронические соматические заболевания:

выдвинутая нами гипотеза о существовании связи между наличием у подростка заболевания и присутствием в структуре его личности алекситимических черт не была отвергнута. Мы выявили наличие алекситимии у всех исследованных нами подростков, находящихся в стационаре.

Для подростков с алекситимическими чертами характерны затруднения в самопонимании и осознании своих эмоций.

Мы смогли сделать выводы и о специфических проявлениях феномена алекситимии у подростков с психосоматическими и хроническими соматическими заболеваниями:

Для подростков с хроническими соматическими заболеваниями характерной является слабая дифференцированность самооценки и сильная степень расхождения уровня притязаний и самооценки.

Для подростков с психосоматическими заболеваниями характерна сильная дифференцированность самооценки и умеренная степень расхождения уровня притязаний и самооценки.

Алекситимия действительно является частым спутником различных заболеваний, в частности, у подростков. Мы считаем необходимым рассматривать этот феномен в контексте работы с подростками, попадающими в больницу не только с заболеваниями психосоматической природы, но и с хроническими соматическими заболеваниями. На это нужно обращать внимание при лечении этих подростков, поскольку алекситимия - фактор, затрудняющий излечение подростка, его общение и деятельность.

1. Исаев Д.Н., *Психосоматические расстройства у детей*. СПб., 2000, 512 с.
2. *Клиническая психология*. Под ред. Б.Д. Карвасарского. СПб., 2002, 920 с.
3. Любан – Плоцца Б., Пельдингер В., Крегер Ф., *Психосоматический больной на приеме у врача*. СПб, 1994, С. 28-29.

УДК 316.6

Детская субкультура как источник формирования социального интеллекта дошкольников

Орешенко О.В.

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка

В нашем исследовании в центре внимания находятся социальные группы, в которые включён ребёнок – это, прежде всего, семья и детские игровые сообщества, которые ребёнок подбирает сам в соответствии со своим желанием.

Как показывает историко-культурологический анализ, детское общество является первым и наиболее древним институтом социализации ребёнка. Игра становится способом преодоления разрыва связи между поколениями. Через игру дети в опосредованной форме включаются в мир взрослых, что является не просто моделированием взрослой деятельности, а свободным обращением с ее содержанием. В детских сообществах формируется особое смысловое пространство ценностей, установок, способов деятельности и форм общения, то есть независимая от взрослых детская субкультура.

На протяжении всего социогенеза наполняется содержание детской субкультуры. Оно включает: традиционные народные игры; детский фольклор; детский правовой кодекс; детский юмор; детскую магию и мифотворчество; детское философствование; детское словотворчество; эстетические представления детей; наделение прозвищами сверстников и взрослых; религиозные представления [1].

Основная функция детской субкультуры – социализирующая, где главным звеном социализации выступает группа сверстников. Смысл детской субкультуры заключается в установлении связи с всеобщей культурой через собственное словотворчество, фольклор, традиционную игру.

В современных условиях детская субкультура, обладая неисчерпаемым потенциалом вариантов для становления личности, приобретает особое значение в поиске новых направлений социализации детей. В обществе произошли существенные изменения системы отношений ребёнка к окружающему миру, другим людям, себе самому. В первую очередь это касается проявления гуманных межличностных отношений, при которых переживания сверстника приобретают для ребёнка личностный смысл, побуждающий к проявлениям сострадания его неудачам и сорадования его успехам. Без таких отношений невозможно адекватное личностное развитие ребёнка и, как следствие, его становление в обществе. С одной стороны, гармоничные межличностные отношения выступают, как идеальная норма и поэтому оказываются условием полноценного взросления ребёнка, а с другой стороны, они являются одним из критериев адаптации ребёнка в социуме.

Для успешной адаптации человека в обществе, необходимо такое качество, как социальный интеллект – способности к выдающимся достижениям в любой социально-значимой сфере человеческой деятельности [2]. Эти способности включают контроль внимания, управление действиями и методы саморегуляции, помогают человеку ставить перед собой задачи и целенаправленно достигать их решения, сохранять самообладание перед лицом трудностей. Социальный интеллект сдерживает порыв негативных эмоций, помогает выходить из состояния стресса, позволяет воспользоваться механизмом психологической самозащиты, развивает самоуважение личности.

Социальный интеллект и социальная одаренность исследовались психологами более ста лет (Э.Торндайк, Г.Оллпорт, Г.Ю. Айзенк, Т.Хант, Дж.Гилфорд, Дж. Рензулли и др.). В отечественной психологии крупные исследования проводились В.Дружининым, М.Холодной, К.Альбухановой-Славской, Е.Михайловой (Алешинной) и др. [3].

Специальные исследования убеждают – конец раннего детства, дошкольный период – годы, когда социальные способности начинают проявляться и развиваться [4].

Социальные таланты являются, прежде всего, межличностными: они развиваются и выражаются через социальные взаимодействия и отношения. Благодаря коммуникации дети получают информацию о социальной среде. А это помогает устанавливать отношения ребенка с окружающими людьми, что развивает его активность в социальной среде. Каждое общество ценит определенные личностные качества (доброжелательность, уважение к людям, сочувствие и др.) выше других, и дети усваивают эти ценности в процессе социализации.

В детской субкультуре следует видеть самобытный способ освоения ребенком новых сторон социальной действительности и его самоутверждения в ней. Именно детской субкультурой определяются вкусы, мода, язык и способы взаимодействий, а группа сверстников служит референтным источником многочисленных моделей поведения, создавая прототипы взрослых отношений, которые соотносимы с социальными и культурными нормами, помогающими понять себя и испытать свои силы.

Таким образом, можно предположить, что детская субкультура является одним из основных источников формирования социального интеллекта в дошкольном возрасте.

1. «Социальная психология детства в контексте развития отношений ребенка в мире» // *Вопросы психологии*, 2002, № 1, С. 3-16.
2. Дружинин В.Н., *Психодиагностика общих способностей*. М., «Академия», 1996, с.216.
3. Михайлова (Алешина) Е.С., *Методика исследования социального интеллекта. Адаптация текста Дж.Гилфорда и М. Саливена*. СПб., 1996, с. 56
4. Kevin R, Kelly, Sidney M. Moon «Personal and Social Talents» // *Phi Delta Kappan*. June. 1998, V.79, № 10, p. 743-746.

Уровень мотивов и принятие потребительских решений при покупке лекарственных препаратов

Павлова М.Н.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Актуальность исследования потребности-мотивационной сферы личности и принятия потребительских решений связана с большой значимостью этой проблематики в практическом маркетинге. Решение прикладных задач часто требует установления взаимосвязи между мотивом потребления товара и тем или иным потребительским поведением. Однако запрос практики в этой сфере намного опережает темпы научных исследований. Попытку такого исследования представляло собой выполненное исследование. В качестве теоретического основания исследования мы выбрали теорию А. Маслоу. Покупательское поведение рассматривалось на основании модели принятия потребительских решений Ф. Котлера.

Целью работы было исследование взаимосвязи между уровнем потребности и критериями оценки товара при принятии потребительских решений, а также факторами потребительского выбора. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

Проанализировать уровень осознания проблемы (потребности) в соответствии с моделью А. Маслоу. Определить уровни потребности-мотивационной сферы, задействованные в принятии исследованных потребительских решений.

Зафиксировать особенности поиска информации для различных уровней потребности. Определить значение источников различных типов (самостоятельный поиск, ближайшее социальное окружение, средства массовой коммуникации) для потребностей различных уровней.

Зафиксировать критерии оценки товара для потребностей различных уровней.

Были выдвинуты следующие гипотезы:

Гипотеза «разных критериев оценки» - потребности различных уровней в процессе принятия потребительских решений связаны с различными критериями оценки товара.

Гипотеза «доверия разным источникам» - потребности различных уровней в процессе принятия потребительских решений связаны с опорой на разные источники при поиске информации.

Метод исследования: фокус-группы. Методы обработки данных: качественный анализ данных и контент-анализ высказываний. Объектом исследования были потребители медицинских препаратов с заболеваниями различной степени тяжести.

потребители простатотропных препаратов с длительными хроническими заболеваниями (задействование потребностей базальных уровней); Выборка: мужчины 40-60 лет с заболеванием простатит, знающий свой диагноз и получающий консервативное лечение; мужчины 50-60 лет с заболеванием аденома, знающий свой диагноз и получающий консервативное лечение. Размер выборки: 38 человек в четырех фокус-группах.

потребители общеукрепляющих и тонизирующих препаратов без выраженных заболеваний (невысокая роль потребностей базальных уровней). Выборка: женщины 45-55 лет. Размер выборки: 20 человек в двух фокус-группах.

потребители ноотропных препаратов без выраженных заболеваний в этой области (невысокая роль потребностей базальных уровней). Выборка: женщины 45-55 лет, не имеющие онкологических заболеваний, выраженного головокращения, серьезных нарушений кровообращения головного мозга (инсульт), а также интоксикации алкогольного происхождения. Размер выборки: 19 человек в двух фокус-группах.

Всего исследование охватило 77 человек. В целом возраст выборки составил 35-55 лет, мужчины и женщины, с высшим образованием, работающие, с доходом не менее 200\$ на одного человека в семье. Рекрутирование участников осуществлялось в лечебных учреждениях и аптеках или около них с помощью фильтрующих вопросов, направленных на выявление лиц, отвечающих требованиям выборки.

Выводы.

Анализ мотивации потребления простатотропных и ноотропных лекарственных препаратов показал, что в группах респондентов с различными заболеваниями преобладают потребности, соответствующие различным уровням мотивов в иерархии Маслоу.

Были получены данные в пользу гипотезы «разных критериев оценки». Было показано, что при базальном уровне потребностей в иерархии Маслоу (физиологические потребности) эффективность препарата понимается как незамедлительное снятие симптомов. В случае же второго уровня потребностей в иерархии Маслоу (потребностей в безопасности) эффективность понимается как стабилизация состояния, недопущение операции, общее оздоровление и омолаживание. Удалось зафиксировать связь третьего уровня потребностей в иерархии Маслоу с критериями оценки препаратов. В случае социально нежелательных заболеваний важнейшее значение приобретало желание скрыть свою

болезнь, а идеальный препарат – это препарат незаметный. Включение в мотивацию высших уровней потребностей (самореализации) также было связано со специфическим пониманием эффективности препаратов.

В исследовании были получены данные в пользу гипотезы «доверия разным источникам». Было показано, что базальные уровни потребностей в иерархии Маслоу (первый и второй) характеризуются максимальным доверием врачам. Для респондентов с подобной мотивацией не характерно самостоятельное принятие решений. При включении в мотивацию потребности в потреблении препаратов высших уровней (при малом значении первого уровня – физиологических потребностей) возрастает стремление самостоятельно выбирать препараты для своего лечения, советы знакомых и реклама имеют более непосредственное значение, определяя покупательское поведение без вмешательства врача.

УДК 159.98

Оценка профессионально-личностного потенциала специалиста в процессе профессионального развития

Павлова А.М.

Российский государственный профессионально-педагогический университет

В условиях динамичных социально-технологических и экономических преобразований возникает необходимость в прогнозировании способности специалиста к успешному выполнению профессиональной деятельности, освоению ее инновационных преобразований на протяжении всего процесса профессионализации. Поэтому одной из центральных задач становится определение потенциальных возможностей развития человека в конкретной профессиональной деятельности как личности и профессионала.

Однако феномен личностного потенциала специалиста на современном этапе его исследования продолжает рассматриваться весьма неоднозначно. Поэтому сегодня сказать точно что-либо о его атрибутивных и процессуальных характеристиках, о его генезисе затруднительно. Имеющиеся немногочисленные публикации в основном касаются отдельных его сторон. Авторы, говоря о потенциале личности, как правило, имеют в виду свой предмет исследования: способности, направленность, субъектность и т. п. Но очевидно, что возможности специалиста определяются не каким-то одним, пусть даже очень важным признаком (например, профессионально-важными качествами), а системой признаков, обладающих свойствами взаимовлияния, взаимной компенсации. Такой системой является, по нашему мнению, профессионально-личностный потенциал.

В условиях постоянно нарастающей конкуренции и интенсивных технологических преобразований существует социально и экономически обусловленная потребность в прогнозировании успешности деятельности работников. В качестве средства определения предвидимых тенденций развития личности специалиста нами обосновывается необходимость оценки его профессионально-личностного потенциала. В связи с этим, проблема исследования заключается в научном обосновании оценки профессионально-личностного потенциала специалиста как фактора успешной профессиональной деятельности в процессе профессионализации.

Теоретико-методологической основой изучения потенциальных возможностей личности являются системный и субъектно-деятельностный подходы в отечественной психологии, обоснованные в работах С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, В.Н. Мясищева, К.А. Абульхановой-Славской, А.В. Брушлинского и др.

Цель исследования – психологическое обеспечение оценки профессионально-личностного потенциала специалиста на стадиях профессиональной адаптации, профессионализации, мастерства.

Объект исследования – профессионально-личностный потенциал специалиста на стадиях профессиональной адаптации, профессионализации, мастерства.

Предмет исследования – психологическое содержание профессионально-личностного потенциала специалиста на стадиях профессиональной адаптации, профессионализации, мастерства.

Опытно-поисковая часть исследования реализуется на выборке инженеров. К настоящему времени определены теоретико-методологические основы изучения профессионально-личностного потенциала специалиста, раскрыты сущностные, структурные и функциональные характеристики его становления в процессе профессионального развития.

С помощью процедуры экспертной валидации построена и обоснована прогностическая модель профессионально-личностного потенциала специалиста, которая включает в себя мотивационно-ценностный и познавательный-инструментальный уровни.

Определено содержание профессионально-личностного потенциала специалиста на стадии профессиональной адаптации, по отношению к специалистам на стадии профессионализации опытно-поисковая работа продолжается.

УДК 15.072

Диагностика и формирование структурно-процессуальных компонентов спора

Панкратова А.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Умение грамотно и эффективно вести спор очень важно для многих областей практики – политики, юриспруденции, науки, процесса обучения, управленческой деятельности, да и просто для обыденной жизни.

При анализе литературы мы столкнулись с разрозненностью, несистематизированностью информации, касающейся проблем ведения дискуссии, отсутствием методов, диагностирующих и формирующих умение вести спор. В литературе можно выделить две линии изучения спора: мы условно назвали их “логическая” и “психологическая”.

“Логическая” линия исследования заключается в выделении структурных элементов спора и этапов его протекания [2, 3, 5, 6]. Структура спора включает три элемента: 1) тезис (то, что доказывается) и антитезис (опровержение тезиса); 2) доводы или аргументы (с помощью аргументов осуществляется доказательство); 3) рассуждение или демонстрацию тезиса / антитезиса (связь между доводами и тезисом / антитезисом). Спор как процесс представляет собой последовательность действий, связанных со структурными элементами: 1) выяснение тезиса и формулировка антитезиса; 2) подбор аргументов; 3) демонстрация тезиса / антитезиса; 4) оценка силы аргументации оппонента (оценка доводов оппонента, связи доводов оппонента с тезисом и антитезисом); 5) завершение спора (поиск пунктов согласия и разногласия).

“Психологическая” линия анализа заключается в рассмотрении спора как ситуации общения, диалога [1, 4]. При анализе исследований проблем общения мы выделили ряд факторов, которые будут влиять на эффективность ведения спора. Они связаны с коммуникативной, интерактивной и перцептивной сторонами общения. Одни из этих факторов (умение слушать; умение организовывать более эффективное взаимодействие при обсуждении той или иной проблемы) помогают удерживать структурно-процессуальные компоненты спора. Другие (умение изменять лексику сообщения в зависимости от особенностей аудитории, умение использовать и распознавать невербальные коммуникации, знание атрибутивных механизмов и возможных ошибок атрибуции) – определяют убедительность аргументации и связаны с личностными особенностями коммуникатора, а не со структурой обоснования.

Наш подход заключается в соединении логической и психологической линий исследования дискуссии. Мы предполагаем, что эффективность ведения дискуссии в большей степени зависит от сформированности структурно-процессуальных компонентов спора, но также необходимо учитывать психологические факторы.

Нами были разработаны методики диагностики (карта наблюдения) и формирования (групповой тренинг) структурно-процессуальных компонентов спора. В тренинге принимали участие 60 человек. До и после тренинга между участниками (в парах или в форме групповой дискуссии) проводились споры по разной проблематике. Ход обсуждения записывался (констатация спора) и после оценивался по критериям диагностической карты (оценка спора) – выяснение тезиса (до спора), удержание тезиса (антитезиса), логическая безупречность доводов, демонстрация тезиса (антитезиса), оценка встречных доводов.

Разработанный нами тренинг по искусству спора состоит из 6 тем. Центральное место в тренинге занимают упражнения на овладение действиями, связанными со структурно-процессуальной стороной спора: отрабатываются умения выяснять тезис и формулировать антитезис, удерживать тезис на протяжении всего обсуждения, подбирать логически безупречные доводы, демонстрировать тезис и антитезис, оценивать встречные доводы, подводить итоги обсуждения. Также в тренинге рассматриваются и отрабатываются умения, которые определяют удержание структурно-процессуальных компонентов спора и умения, которые определяют убедительность аргументации и не связаны со структурой обоснования.

Уровни сформированности структурно-процессуальных компонентов спора до проведения формирующего тренинга и после него статистически значимо различаются. Следовательно, разработанный нами тренинг является эффективным инструментом формирования структурно-процессуальных компонентов спора. Сформированность структурно-процессуальных компонентов у участников спора делает ведение дискуссии более эффективным (результативным), т.е. спор после тренинга имеет содержательное (признание тезиса, антитезиса, компромисс), а не формальное (устали, поспорились и т.д.) завершение.

1. Андреева Г.М., *Социальная психология*. М., 2001.
2. Войшвилло Е.К., Дегтярёв М.Г., *Логика*. Учебник для Вузов. М., 2001.
3. Ивлёв Ю.В., *Логика*. М., 1994.
4. Жуков Ю.М., *Эффективность делового общения*. М., 1988.
5. Поварнин С., *Спор. О теории и практике спора*. СПб., 1996.
6. *Спор и полемика*. Учебно-методические материалы по общему курсу “Логики” для студентов I курса. Составитель В.Б. Родос. Философский факультет, кафедры логики, 1989.

УДК 159.9.07

Психологические особенности образа факультета у студентов БелГУ

Папанова О.А.

Белгородский государственный университет

Система профессионального образования построена как многоуровневая и преемственная. Главный критерий эффективности образовательного процесса - качество подготовки профессионалов-специалистов. Для того, чтобы совершенствовать социально-организационную составляющую обучения в вузе, необходимо выяснить, как студент воспринимает университет. Но студент обучается не просто в университете, а находится в таком структурном подразделении как факультет. Каждый факультет в вузе имеет свою специфику. Поэтому целесообразнее изучать восприятие студентами своего факультета. За время обучения у студента складывается определённый образ факультета.

Учитывая это, проблема нашего исследования заключалась в поиске ответа на вопрос: изменяется ли образ факультета у студентов в зависимости от длительности их пребывания на факультете. Решение данной проблемы и составило цель нашего исследования.

Как отмечал А.А.Леонтьев: “Процесс обучения может быть понят как процесс формирования инвариантного образа мира, социальная и когнитивно адекватная реальностям этого мира и способного служить ориентировочной основой для эффективной деятельности человека в нём”.

Гипотеза нашего исследования: такие характеристики образа факультета как содержательность, структурированность, эмоциональная насыщенность зависят от длительности пребывания студента на факультете.

Объектом исследования являлось восприятие факультета студентами.

Предметом исследования выступали психологические особенности образа факультета у студентов 1 и 4 курсов социально-психологического факультета БелГУ.

Концепцией, на которую мы опирались в исследовании, явилась концепция “Образ мира” А.Н.Леонтьева, позволяющая понимать образ субъективного мира как интегратор следов взаимодействия человека с объективной действительностью. Принятое в отечественной психологии понимание психического как процесса отражения позволяет считать, что в любом психическом акте человек воспроизводит мир в образе.

Теоретическое изучение проблемы построения и генеза образа в работах отечественных и зарубежных авторов показало, что формирование образов объектов социального восприятия остаётся до настоящего времени мало изученным.

Образ факультета - это часть образа мира человека. “Образ мира”, как он понимается сегодня психологами, - это отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии. Мир презентирован отдельному человеку через систему предметных значений, как бы наложенных на восприятие этого мира. Прямого способа выделения семантических компонентов значения как системы дифференциальных признаков не существует.

Учитывая это, мы в своём исследовании обратились к проективным методам, используемым в психосемантике и социальной психологии для изучения образа. Наш методический инструментарий был представлен следующими методиками: 1) Тест “Завершение предложений”; 2) Тест-рисунок “Карта факультета”, представляющий собой модификацию “концепции психологических карт” С.Милграма; 3. Методика СД (классический универсальный 25-шкальный СД Ч.Осгуда); 4. Анкетный опрос.

В результате обработки и интерпретации данных исследования мы выяснили, что когнитивная сложность образа факультета у студентов четвёртого курса выше, чем у студентов первого курса. Образ факультета у студентов четвёртого курса имеет большую содержательность и эмоциональную насыщенность, в отличие от образа факультета студентов первокурсников.

У учащихся первого курса образ факультета имеет максимально положительную эмоциональную оценку, тогда как у студентов четвёртого курса образ факультета имеет преимущественно отрицательную окраску. Особенно наглядно это демонстрируют результаты проведения методики СД.

Результаты анкетного опроса подтвердили, что количество студентов со средним и высоким уровнями удовлетворённости и принятия факультета больше на первом курсе. Но у студентов четвёртого курса отмечается более равномерное распределение учащихся по группам с низким, средним и высоким уровнями лояльности к факультету.

Обобщение данных исследования показало, что в представлении студентов первого и четвёртого курсов факультет достаточно успешно выполняет свои основные функции (социально - воспитательную, учебную и научную).

Таким образом, результаты исследования подтвердили выдвинутую нами гипотезу о том, что длительность пребывания студента на факультете изменяет образ последнего, делая его более содержательным, структурированным и эмоционально насыщенным. На основании результатов исследования мы разработали ряд практических рекомендаций по совершенствованию работы факультета.

УДК 681.322 + 612.822 + 616.831

Использование искусственных нейронных сетей для обработки электроэнцефалографической информации

Пашков С.В.

Южно-Уральский государственный университет

В настоящее время аналоговое («бумажное») ЭЭГ-обследование активно замещается цифровым – с использованием компьютеров. Преимущества компьютерной ЭЭГ (по сравнению с бумажным носителем) очевидны: достаточно компактное и практически вечное хранение базы данных, простота реализации метода вызванных потенциалов, использование «высоких технологий», реализующих широкий спектр возможностей современной вычислительной техники. К последним относится, в частности, амплитудное картирование ЭЭГ. Применение картирования весьма актуально для двух областей. Во-первых, для неврологии: задача локализации источников патологической активности. Во-вторых, для (психо)физиологии вызванных потенциалов: задача локализации структур реагирующих на те или иные стимулы. Картирование ЭЭГ сигнала сильно связано с так называемой «обратной задачей ЭЭГ» – реконструкцией положения источников внутримозговой электроактивности по их «проециям» на скальп [1].

Информативность точной пространственной локализации и с научной, и с практической точки зрения гораздо выше по сравнению с достаточно несложным распределением потенциалов на амплитудной карте. Так, например, достаточно простой и дешёвый по способу получения рентгеновский снимок мозга (и даже серия) менее информативен, чем более сложная и дорогая компьютерная томограмма. Отличие же серии снимков от томограммы кроется в «простом» математическом пересчёте расположения тканей по степени их проницаемости рентгеновскими лучами.

Однако, определение пространственного положения структур «ответственных» за образование ЭЭГ-потенциалов задача более чем сложная. Сигнал ЭЭГ отличается специфичностью происхождения и высокой степенью нестационарности. Первая проблема, которая возникает: степень влияния разнородных тканей (кожа, кость, мозговые оболочки и сам мозг) на характер передачи потенциалов. Это не позволяет использовать «простой» математический пересчёт применяемый, например, в компьютерной томографии. Другая проблема: степень вклада активности коры (как артефакта) в итоговый сигнал ЭЭГ.

Одно из возможных решений этих проблем было предложено А.В. Вартановым (алгоритм MUFASEL) [2]. Суть его в следующем. Производится разделение ЭЭГ на «корковую» и «глубинную» составляющие с использованием техники главных компонент. В качестве «корковой» составляющей, предположительно образованной активностью коры мозга, выступает сумма общих факторов (вклад каждого фактора в общую дисперсию не менее 5%). А в качестве «глубинной» составляющей, предположительно связанной с активностью подкорковых образований, – сумма характерных факторов. В зависимости от цели исследования может быть отфильтрована либо корковая, либо глубинная составляющая. Результаты решения обратной задачи ЭЭГ при этом значительно лучше, чем при работе с «сырыми» данными.

Одним из недостатков предложенного решения можно считать априорную линейность используемой модели разделения. Линейность разделения обусловлена использованной техникой главных компонент. Преодолеть линейность можно разными путями. Наиболее простым решением служит использование нелинейного факторного анализа. Однако, более перспективным вариантом является применение репликативных искусственных нейронных сетей.

Искусственная нейронная сеть (ИНС) эмулирует работу «живой» многослойной нейронной сети посредством приближённой математической модели [3]. Обучение ИНС, состоящее в предъявлении ей образцовых стимулов и реакций, позволяет получить модель их зависимости. Репликативная ИНС отличается тем, что наборы стимулов и реакций в каждом предъявлении идентичны. Используя малое число нейронов (каналов передачи) в промежуточном слое возможно «сжатие» информации. Сжатие также может быть рассмотрено как факторное решение, где каждый канал передачи представляет собой отдельный фактор. Существенную трудность представляет собой то обстоятельство, что такие факторы-каналы не являются аналогами факторов, получаемых техникой главных компонент. Необходимо учитывать то, что здесь все каналы равноценны и не могут быть рассмотрены вне других факторов. Поэтому выделение «общих» и «характерных» факторов таким способом практически нельзя.

Вместе с тем, возможно применение репликативных ИНС для разделения «корковой» и «глубинной» составляющих. В основе решения лежит отказ от рассмотрения каналов такой сети как факторов. Вместо этого производится отделение общей составляющей путём использования в ИНС только одного промежуточного нейрона (канала). Известно, что репликативная сеть обладает тенденцией к преимущественному детектированию высококоррелированных сигналов. Поэтому, практически вся «характерная» информация будет оценена как «шум» и удалена. Таким образом, по одиночному каналу-фактору будет передаваться в основном только «общая» составляющая.

В качестве образцовых ЭЭГ при реализации описанного принципа были использованы файлы из базы учебных записей компьютерной электрофизиологической системы «CONAN». Для сопоставления результатов также был проведён анализ по алгоритму MUFASEL. Полученные результаты свидетельствуют о перспективах продолжения работы в данном направлении.

1. Гнездицкий В.В., *Обратная задача ЭЭГ и клиническая электроэнцефалография*. Таганрог, 2000. с. 640.
2. Вартанов А.В. «Многофакторный метод разделения ЭЭГ на корковую и глубинную составляющие» // *Журнал высшей нервной деятельности*, 2002, Т.52, №1, С. 111–118.
3. Круглов В.В., Борисов В.В., *Искусственные нейронные сети*. М., 2001. с. 382.

Исследование психического здоровья безработных граждан

Печёркина А.А.

Российский государственный профессионально-педагогический университет

Психическое здоровье одна из остро обсуждаемых проблем в психологии, психотерапии, психиатрии. Связано это с тем, что до сих пор нет однозначной, общепринятой формулировки данного понятия, несмотря на то, что первые упоминания о нем относятся к античному периоду (Алкмеон, Цицерон, Эпикур, Платон и др.).

Помимо философии здоровье рассматривается и в медицине. Особенность рассмотрения здоровья в медицине, в частности психиатрии, заключается в том, что наибольшее внимание уделяется рассмотрению аномалий, нарушений, т.е. нездоровью.

То же самое характерно и для психологии XX столетия. Психическое здоровье в этот период редко становилось объектом пристального изучения. При этом большинство авторов строили структуру как больной, так и здоровой личности на основании представлений, заимствованных из психиатрии.

Наиболее полное отражение проблематика здоровья нашла в рамках гуманистического направления психологии. Психологи-гуманисты определяли психическое здоровье как полноценную самореализацию человека, а его достижение возможно только через нахождение человеком гармонии между социально-экономическими условиями жизни и собственной внутренней природой [1]. Данная идея получила развитие в современной отечественной психологии в трудах Б.С. Братуся, В.Я. Дорфмана, Д.А. Леонтьева А.Б. Орлова и ряда других.

Это позволяет определить психическое здоровье как состояние субъективного, внутреннего состояния личности, обеспечивающее адекватный выбор действий, поступков и поведения в ситуации ее взаимодействия с окружающими условиями, другими людьми и позволяющее ей актуализировать свои возможности.

Проведенный анализ исследований психического здоровья показал, что они проводятся на выборках детей дошкольного или школьного возраста с целью получения информации, позволяющей разработать эффективную систему психологической профилактики.

Анализ исследований безработицы показывает, что данное социальное явление изучается по-разному. Так, в отечественной науке наибольший охват исследование безработицы получило в рамках социологии (З.Т. Голенкова, М.А. Гуревич, С.Л. Дановский, А.Н. Демин, П.М. Ельчанинов, Е.Д. Игитханян, С.А. Карташов, Л.Г. Миляева, И.П. Попова, Т.Ю. Радилловская, и др.). В отечественной психологии такого разнообразия исследовательских работ, к сожалению, не наблюдается.

Такой немаловажный аспект как влияние безработицы на психику безработных граждан находится вне поля зрения отечественной психологии, не смотря на то, что аналогичные работы в западных странах со всей очевидностью показывают связь между этим социальным явлением и нарушением психического здоровья. Анализ современного состояния исследований подтверждает актуальность выбранной темы и приводит к убеждению о необходимости разработки проблемы сопряженности безработицы и психического здоровья на российской выборке.

Не смотря на то, что безработица – процесс, тесно связанный с культурно-историческим фоном его протекания и прямое заимствование опыта зарубежной науки является невалидным для российской действительности, феномен психического здоровья эксплицируется нами в соответствии с предлагаемой О. Бэкером трех компонентной структурой. Она основывается на положительных установках к собственной личности (самоуважение, высокая самооценка), к окружающей среде (принятие окружающего мира, способность к любви), к будущему (оптимизм). Данная операционализация позволит подобрать надежный и валидный инструментальный изучения психического здоровья.

Проведенное нами исследование было направлено на изучение одного из компонентов – самооценки. В результате было выявлено влияние безработицы на самооценку безработных граждан, что указывает на существование взаимосвязи между нарушением психического здоровья и потерей работы. В настоящее время наша работа продолжается в направлении изучения всех компонентов «позитивной триады» как целостного образования. Данная работа проводится при поддержке Министерства образования РФ (грант №А03-1.4-63).

1. Созонтов А.Е., «Проблема здоровья с позиций гуманистической психологии» // *Вопросы психологии*, 2003, № 3, С. 92-101.

К вопросу исследования культурной жизни монастырей

Петрухина Т.А.

Ульяновский государственный университет

Культурная жизнь монастырей проявляется в том, что они всегда принимали участие в общественной жизни родного края, занимались миссионерской деятельностью. На монастырском коште находились школы (училища), библиотеки и ремесленные мастерские. Однако можно выделить еще одну культурную особенность монастырей, которая, между прочим, приносила немалый доход в монастырскую казну, - это некрополь.

К сожалению, в жизни нашей страны были времена, когда шло разорение культурно-исторического наследия, рушились храмы и ликвидировались под разными предлогами старинные кладбища. На некоторое время мы как будто забыли о том, что живем не только созданным нами, но и тем, что создали люди, ушедшие из жизни. Символом памяти о них, местом поминовения являются кладбища, где по давней традиции устанавливаются обелиски, кресты или стелы с памятными надписями.

Происходящие в общественном сознании перемены привели и к изменению отношения к некрополям. Некрополь подчас является единственным источником о датах жизни известных и малоизвестных представителей культуры, общественных деятелей, которые внесли большой вклад в развитие нашей страны, отношения к ним современников и потомков. Однако некрополеведение, как отдельная область науки, только еще начинает развиваться. Как отрядный факт хочется отметить, что в последнее десятилетие ученые исследуют кладбища, обобщают полученные результаты, проводят конференции (Так, в 1991 году в Москве, в марте 2001 года в Москве). К сожалению, серьезных исследований по данной тематике мало. А по Симбирскому некрополю солидные научные работы отсутствуют.

В предлагаемом материале объектом изучения являются эпитафии Покровского Симбирского кладбища. Целью работы является исследование эпитафий Покровского кладбища с позиции исторического и культурного изучения памяти предков.

Эпитафии существовали всегда, но каждый период истории характеризуется стилевыми, содержательными, образными особенностями. Следует заметить, что в надгробных надписях Симбирского некрополя проявились как общероссийские, так и региональные черты этого жанра.

Так, эпоха расцвета русской эпитафии приходится на вторую половину XVIII – первые десятилетия XIX вв. К началу XIX века в истории жанра произошли существенные изменения. Сохраняя все сословные разграничения и знаки

социальной иерархии, он тем не менее стал более демократичен в том смысле, что каждый человек – а не только “значительное лицо” – получил право на индивидуальную стихотворную надпись: и “благодетельный человек”, и “любящая мать”, и “друг природы и людей”, и просто “милая”. Такие же тенденции наблюдаются и в Симбирском некрополе (например, надпись с памятника священнику Иоанну Васильевичу Богоявленскому).

Эстетика классицизма сохраняла, тем более в таком консервативном жанре, как эпитафия, поэтику и основные мотивы его высоких образцов. Выработанная девятнадцатым столетием сословная этика дворянства, понятия личной чести, рыцарского служения Богу, царю и отечеству, исполненного воинского, гражданского долга, – постоянные темы в эпитафиях этой эпохи.

Многочисленные эпитафии женщинам этого времени утверждали прежде всего семейные добродетели и религиозность, пестрели определениями: “чадолюбивая мать”, “верная супруга”, “дочь пламенная веры”, “благодетельная жена”. Подтверждением вышесказанному служат строки с надгробия Наталии Колосовой.

Но, несомненно, главной для ряда эпитафийных текстов остаётся проблема установления авторства и раскрытия имён адресатов. Редкая кладбищенская эпитафия подписана. Имя автора строк выбивается на памятнике лишь тогда, когда устроители придают этому факту особое значение. Так было, например, на Покровском кладбище с эпитафией Огородникову Андрею Ильичу (Блаженный Андрей Симбирский).

Следует сказать, что сами же сочинители, особенно в XIX веке, к обозначению своего авторства строк на монументе не стремились, это было не принято.

Особую группу эпитафий составляют “послания с того света”, в которых есть назидательность, просьба о прощении, воспоминания о тяжёлой болезни и т.д.

Таким образом, видно, что стиль и тематика эпитафий очень разнообразны. Стихотворная эпитафия во все времена и у всех народов отмечала далеко не каждую могилу. Но при всей неразвитости эпитафийной традиции и в нашем мемориале, она всё же не умирала ни в одном десятилетии.

В заключении отмечу, что поставленная задача нуждается в более глубоком изучении. Материала предостаточно, однако он еще не весь исследован. И, безусловно, обозначенная проблема вызывает сегодня не только научный, но и практический интерес.

Кладбище – это своеобразный учебник истории, по которому можно проследить основные вехи развития населенного пункта. Под многими надгробиями покоятся останки людей, составляющих славу и гордость Русского государства, родного края, дела их заслуживают внимания и уважения, ПАМЯТИ в широком смысле этого понятия.

УДК 159.9

Особенности переживания страхов курсантами военных училищ

Петрушина М.В.

Воронежский государственный университет

В современном мире военные находятся на особом положении – их помощь требуется довольно часто и в очень опасных случаях: то и дело происходят террористические акты, обостряются национальные и религиозные конфликты, ведутся военные действия в отношении разных стран. Нельзя не отметить тот факт, что для России это особенно характерно. Естественно, что от военных ждут, а часто и требуют силы и мужества и не оставляют никакого места для страхов.

Специфика воинской деятельности во многом определяется характером конечных целей (постоянная боевая готовность в условиях мирного времени и победа над врагом во время войны), которые ставятся перед воинами, и специфичностью условий их достижения (подготовка к бою и бой). В процессе военной подготовки и особенно боевой деятельности, то есть в боевых условиях, у человека до предела напрягаются физические и нравственные силы. Наличие таких и многих других особенностей приводит к тому, что военная деятельность оказывает большое формирующее влияние на психику воина, на его личность в целом. Таким образом, с одной стороны, военная деятельность содержит много источников напряженности и страха, например опасность, создающая угрозу для жизни, повышенная ответственность за выполнение задачи, дефицит времени на принятие решений и действий, краткость и неопределенность поступающей информации, внезапность и так далее. Но, с другой стороны, осуществляемая в рамках военной деятельности боевая, морально-политическая, психологическая подготовка способствует развитию таких качеств личности воина, как эмоционально-волевая устойчивость, психическая выносливость, наблюдательность, уверенность в себе и другие, которые помогают воину успешно справиться с поставленными перед ним задачами. Мы считаем, что именно всесторонняя подготовка воина играет решающую роль в воспитании и развитии продуктивного бойца. Ведь, как известно, каждый человек имеет свои слабости и недостатки, свои страхи и опасения, часть из которых связана с военными действиями, участием в них. Но обучение в военных училищах способствует тому, что курсанты наряду с овладением выбранной профессией овладевают собой, своими эмоциями и чувствами. Их эмоциональная сфера и личность в целом становятся менее подвержены различным потрясениям.

Мы в своей работе решили проверить это утверждение и выяснить, есть ли различия между курсантами, которые обучаются военному делу около трех лет, и их ровесниками, не проходившими военную подготовку, в отношении эмоциональной сферы. В частности мы решили установить различия в переживании ими страхов, как повседневных, “неспецифических”, так и связанных с участием в военных действиях. В качестве испытуемых выступили 60 человек, представляющие две группы: курсанты военного училища, III курс, в возрасте 19-21 года – 30 человек; молодые люди, не проходившие военную подготовку, в возрасте 19-21 года – 30 человек. В ходе проведения исследования мы использовали авторскую методику, направленную на выявление частоты переживания страхов и их актуальности для личности.

Исследование состояло из нескольких этапов. Так, на первом этапе мы выявляли частоту переживания страха курсантами военного училища и молодыми людьми, не проходившими военную подготовку, и определили, что представители обеих групп переживают неспецифические страхи иногда. Военные же страхи волнуют гражданских молодых людей часто, а курсантов – иногда. Общая частота переживания страха курсантами военных училищ ниже, чем частота переживания страха молодыми людьми, не проходившими военную подготовку (примерно в 2 раза). Причем необходимо отметить, что значимо различается частота переживания “неспецифических” и “военных” страхов в обеих группах: и курсанты, и гражданские молодые люди чаще переживают страхи, связанные с возможным участием в военных действиях, чем “неспецифические”.

На следующем этапе мы выявляли страхи, наиболее характерные для каждой исследуемой группы. Мы определили, что для курсантов военного училища наиболее актуальными из числа “неспецифических” страхов являются страх перед важным событием, опасение за здоровье близких, страх смерти близких людей. Кроме того, характерными для большинства испытуемых данной группы также можно считать страх неизлечимой болезни, страх совершить ошибку. Для молодых людей, не проходивших военную подготовку, характерно большее количество страхов, среди которых страх перед самостоятельной жизнью, страх неизлечимой болезни, страх войны, страх быть осмеянным, страх перед неизвестным, страх высоты, страх физических недостатков, страх ответственности, страх одиночества, страх

собственной смерти, страх осуждения, страх старости, страх стихийных бедствий и многие другие. Как наиболее значимые необходимо отметить страх насилия или жестокости, опасение за здоровье близких, страх перед важным событием, страх нападения, страх совершить ошибку, страх смерти близких людей. Таким образом, уже на этом этапе можно заметить, что молодые люди без военной подготовки склонны в большей степени испытывать страх, чем курсанты, так как для них характерно и значимо большее количество страхов. При анализе военных страхов наблюдается похожая тенденция: для молодых людей без военной подготовки актуальными являются все указанные в списке "военные" страхи, а для курсантов – лишь некоторые из них.

Проверка значимости различий в степени актуальности тех или иных страхов для курсантов военного училища и молодых людей, не проходивших военную подготовку, проведенная с помощью критерия F^* Фишера показала, что почти все указанные выше страхи в большей степени актуальны для молодых людей без военной подготовки, нежели для курсантов.

Таким образом, военная деятельность действительно стимулирует возникновение и развитие различных специфических для нее страхов, но военная подготовка способствует их эффективному преодолению, а также преодолению и других "неспецифических" страхов, в связи с чем страхи в общем волнуют курсантов в меньшей степени, чем гражданских людей.

УДК.159.9.(075)

Изучение неформального лидерства в контексте социальной субъектности

Плеханова А. В.

Тюменский государственный университет

В современной науке феномен лидерства рассматривается как отношение доминирования и подчинения, влияния и следования в системе межличностных отношений в группе (А.В. Петровский, 1996).

В структуре лидерства запечатлены психологические отношения членов группы друг к другу и каждого ее участника. В соответствии с этим можно выделить как минимум два статуса в группе, это те, кто обладает сильным влиянием – лидеры, и более слабые – ведомые. Лидеров принято так же делить на две категории – формальные и неформальные. Главное отличие их в том, что власть неформального лидера не подкрепляется официальными санкциями, а располагает только моральными, психологическими и основаниями подействовать на группу и ее отдельных членов. Можно сказать, что статус неформального лидера определяется его личностными свойствами, понимаемыми как субъективное условие в продвижении к положению лидерства. С точки зрения субъектного подхода, одной из таких наиболее важных черт, позволяющих занять определенные правящие позиции, является социальная субъектность, которая определяется как базовая характеристика человека, проявляющаяся в способности быть субъектом социальных отношений, т.е. выступать их инициатором и "управляющим" в противовес существованию в обществе в качестве объекта социальных влияний. Субъекта социальных отношений характеризуют следующие атрибуты (т.е. неотъемлемые элементы) активность, свобода, креативность, целостность, опосредованность, самоценность. (Алексеева, 2002):

В рамках данного подхода нами было проведено эмпирическое исследование подростков, занимающих лидерские позиции и ведомых. При проведении исследования мы предполагали, что существуют значимые статистические различия в уровне субъектности лидеров и ведомых, а также в уровне отдельных атрибутов субъектности.

В исследовании приняло участие 113 подростков в возрасте от 14 до 16 лет, учащихся МОУ СОШ № 50 г. Тюмени. Исследование проводилось в два этапа: 1) с помощью социометрической методики (Я. Морено) в пяти классах были выявлены подростки, обладающие наиболее высоким статусом в классе (неформальные лидеры) и наиболее низким (отвергаемые или ведомые); 2) неформальные лидеры и ведомые были обследованы с целью определения их уровня субъектности с помощью опросника «Уровень развития субъектности личности», разработанного Щукиной М.А. (2003). Опросник представляет собой набор из 61 утверждения, где испытуемому предлагается выбрать насколько часто эти утверждения верны (всегда, часто, иногда, редко, никогда). Опросник позволяет измерять шесть показателей соответственно шкалам опросника (активность, автономность, целостность, опосредованность, креативность, самоценность), а также суммарный показатель, характеризующий общий уровень развитости субъектности.

Для проверки гипотезы нами был использован непараметрический U-критерий Манна-Уитни, так как в опроснике используется порядковая шкала. При сравнении уровня атрибутов субъектности лидеров и ведомых выявлены достоверные различия по атрибутам: активности ($p=0.03$), автономности ($p=0.03$), самоценности ($p=0.05$). Это закономерный результат, так как лидеру необходимо четко держать свою позицию, иметь собственное мнение и при этом стараться не противопоставлять себя окружающим, а наоборот быть образцом для подражания. Но особенно существенные различия ($p=0.003$). были выявлены по параметру креативности, что отражает особенности лидерской позиции, поскольку лидеру очень часто приходится решать некоторые проблемы, возникающие в группе нетрадиционным способом, что требует от него высокой степени творческой активности. При сравнении общих показателей так же были выявлены весомые различия ($p=0.01$), что в полной мере доказывает выдвинутую нами гипотезу и позволяет вести дальнейшее исследование в этой области.

УДК 37.032

Психологические аспекты формирования мотивации преподавателей вуза к образовательной деятельности

Плугина М.И.

Северо-Кавказский государственный технический университет

Общество всегда предъявляло высокие требования к преподавателям. Сегодня они не просто высокие, а коренным образом изменились. В идеальном варианте педагог - это яркая, творческая личность, имеющая широкий кругозор, высокий уровень академических знаний, способная воссоздавать культуру и творить в ней, владеющая современными педагогическими технологиями и эффективными способами психолого-педагогической диагностики, которые позволяют строить позитивные отношения с субъектами образовательного процесса.

Для того чтобы соответствовать этим требованиям, преподаватель, независимо от возраста и стажа работы, должен непрерывно совершенствовать свои знания, умения и навыки, а также свои личностные характеристики. Что, в свою очередь, обуславливает необходимость его включения в систему непрерывной образовательной деятельности.

Как показывает теория и практика, включение взрослых людей в систему непрерывного образования может осуществляться при наличии у них стойкой мотивации к образовательной и самообразовательной деятельности. В качестве мотивов могут выступать и психические процессы (такие мотивы не являются стойкими), и состояния, и свойства личности (эти мотивы являются наиболее стойким).

В психологии под мотивом понимается то, что побуждает человека к деятельности и связано с удовлетворением его потребностей; все то, что определяет выбор направленности деятельности и при этом осознается причина, лежащая в

основе выбора. Известно, что мотивы возникают, развиваются и формируются на основе потребностей. Вместе с тем, они относительно самостоятельны, так как потребность не определяет совокупность мотивов, их силу и устойчивость. В частности, преподаватели, имеющие потребность в повышении своей профессиональной компетентности, выбирают для этого различные пути: ФПК, аспирантура, методические семинары, творческие отпуска, стажировки, самообразование и т.д. При этом также необходимо учитывать тот факт, что мотивы поведения и деятельности человека специфичны и изменчивы. Их развитие, становление происходит как под влиянием стихийных факторов внешней среды, так и под воздействием специально организованных установок, воспитательных воздействий и пр. Следовательно, необходима совокупность всех возможных факторов и условий, которые позволят оптимизировать учебную деятельность.

Исследования показывают, что процесс учения для взрослых выступает как вспомогательная деятельность по отношению к его основной, трудовой деятельности. Поэтому одна из главных задач тех, кто берется обучать взрослых - раскрыть смысл учебной деятельности, т. е. показать перспективы, которые открываются перед профессионалом после обучения. Здесь также важно опираться на жизненный и профессиональный опыт взрослых учеников, одновременно раздвигая его границы, что позволит взрослому более эффективно регулировать процесс своего учения.

Известно, что любая деятельность человека полимотивирована. Поэтому очень важно на каждом этапе непрерывного образования (кратковременные курсы, аспирантура, ФПК и т. д.) проводить психодиагностику, с целью выявления ведущих потребностей и мотивов преподавателей, включенных в процесс обучения. Результаты диагностических данных необходимо использовать при организации процесса обучения, т. к. выяснение мотивационного климата обучающей группы, индивидуальные потребности помогут скорректировать обучающие программы, учесть по возможности потребности всех участников обучения. Анализ исследований в области обозначенной проблемы показывает, что мотивация взрослых в обучении связана с осознанием ряда особенностей познавательной деятельности:

- обучение помогает справиться с профессиональными и личностными проблемами;
- обучение означает некоторые изменения в жизни;
- обучение напрямую связано с карьерным ростом;
- обучение не замкнуто на самом себе и т.д.

Но при этом обязательным является формирование установок и интереса к тем вопросам, которые будут решаться в процессе обучения. По мнению некоторых исследователей (Асеев В.Г., Музыченко Е.А и др.), существует определенный алгоритм формирования учебной мотивации взрослых: выявление запроса, формирование запроса, создание установки на перестройку деятельности, формирование временного коллектива и создание благоприятного психологического климата в нем.

Все это можно создать при одном важном условии: организация службы психологического сопровождения образовательной деятельности преподавателей. Специалисты службы могут оказать существенное влияние на процесс проектирования познавательной деятельности преподавателей в различных системах НПО (учет основных принципов обучения взрослых), оптимизировать его посредством выявления реальных потребностей преподавателей в повышении имеющихся и приобретении новых знаний и т.д.

При этом необходимо отметить, что образование для взрослых может быть эффективным только тогда, когда оно опирается на один из главных принципов - образование по потребности. А если у человека отсутствует стойкая мотивация по отношению к образовательной деятельности, нет установок на личностное и профессиональное совершенствование, то достаточно сложно получить желаемый эффект от организации любых форм обучения.

УДК 159

Специфика предметного содержания ориентировки в ситуациях нравственного конфликта

Подольский Д.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Под предметным содержанием ориентировки в первую очередь понимают то специфическое в задачи, ситуации, отношениях, в чем необходимо сориентироваться субъекту, чтобы найти и реализации адекватное решение. Поведение человека в ситуации нравственного конфликта является предметом многочисленных психологических исследований, связанных с именами Л. Кольберга, К. Гиллиган, Дж. Рест и др. Однако проблема морали выходит за рамки психологического анализа.

На фоне разнообразных взглядов на проблему морали выделяются две основные линии в развитии моральной философии: нормативная этика и метаэтика. В рамках нормативной этики основное внимание исследователей занимали вопросы поиска общего «этического кодекса», обоснования норм и правил морального поведения. В рамках метаэтики в качестве объекта исследования постулировалась сама природа морального знания, значения этических терминов.

Более детальное рассмотрение специфики каждой из двух философских традиций, обосновывающих различные понимания морали, имеет значение для анализа существующих психологических теорий морального развития, в явной или скрытой форме берущих за основу то или иное понимание «моральности». При этом, теоретико-познавательный успех исследования и его научно-практическая ценность будет зависеть от того, насколько ясно будет определена предметная сторона исследования, какое понимание морали будет избрано в качестве ведущего.

Обозначим существенное различие в подходах к пониманию морали в нормативной этике и метаэтике. Основной вопрос нормативной этики состоит в поиске и обосновании нравственных ценностей, функция которых регулировать поведение человека. Значимая роль при этом отводится обоснованию критериев моральности. Психологическое исследование, базирующееся на подобном понимании морали, неизбежно приобретет оценивающий аспект. Моральному поведению будет соответствовать определенный моральный принцип («справедливость», по Л. Кольбергу, «забота» по К. Гиллиган). Тем самым, исследователем предполагается, что субъект ориентируется на данный моральный принцип, что часто не является экспериментально обоснованным. Таким образом, моральное поведение расценивается как функция ориентировки в моральном принципе, что является лишь частичное решение проблемы морального поведения.

Метаэтика исключила из рассмотрения проблемы обоснования и функций морали в обществе. Основной задачей данного направления становится анализ моральной аргументации, языка морали. Соответственно, ключевым вопросом становится выявление особенностей морального суждения по сравнению с суждениями иного рода. В этой связи существенным аспектом исследования является специфика самих ситуаций, в которых человеку предъявляются моральные требования, то есть специфику собственно морального содержания нравственных противоречий. Исследование поведения человека в ситуации морального выбора (наличия морального требования) позволяет выделить как объективный аспект ситуации (моральная норма), так и особенности ориентировки субъекта в данной ситуации, расценивая моральное поведение как функцию ориентировки в целостной ситуации, ее условиях и противоречиях.

Анализируя проблему совладания с травматическим опытом, мы пришли к выводу о существовании двух полярных тенденций в понимании возможных психологических последствий переживания травматического события. Ориентация на первый подход явно или эксплицитно подразумевает рассмотрение возможных последствий психотравмы в терминах болезни и психопатологии. Такие последствия «негативного» опыта, как, например, смыслоутратность, отчуждение и чувство вины, уже сами по себе создают тяжелые психологические проблемы для индивида даже в том случае, когда у него не диагностируется ПТСР [1]. Благодаря исследованиям, выполненным в русле данного подхода, современной психологической науке стало известно о том, что тяжелые жизненные ситуации, и особенно выходящие за рамки обычного человеческого опыта, оказывают крайне неблагоприятное влияние на психику человека, вызывая не только пограничные психические расстройства, но и разного рода нарушения самосознания и поведения, конфликтность, социальные девиации. С открытием разрушительности экстремального опыта многими исследователями граница свободы реализации природы личности была определена как черта, за которой страдающий человек уже не несет ответственности за осуществление своей жизнедеятельности. Однако, пролив свет на причины возникновения и динамики вызванных стрессом нарушений, этот подход в то же время оставил без внимания вопрос, связанный с возможностью человека преодолевать существенные ограничения, связанные с последствиями переживанием психической травмы и творчески подходить к выбору собственного жизненного пути.

Альтернативой исследованиям, связывающим потенциал психологического воздействия травматических ситуаций с патологией психической деятельности, явилась концепция, в рамках которой воззрения на последствия травматического опыта не сводились к однозначности отрицательного влияния на развитие личности. Смысл этой точки зрения на функционирование человека, подвергнувшегося негативному влиянию тяжелых событий, может быть удачно передан высказыванием Ф. Ницше: «Что не убивает меня, делает меня сильнее» [цит. по 2, 175]. Речь идет о тех работах, в которых с неизбежностью потери чего-то важного для человека фокус внимания перемещается на возможность приобретения, обращения кризиса и обусловленного стрессом психических полюсов в потенциальные человеческие возможности. Исследованиям, придерживающимся такой точки зрения на сущность человеческой природы, в большей или меньшей степени присуще понимание личностных ограничений не как слабостей или изъянов, но как потенциальных человеческих возможностей.

Мы полагаем, что не существует такого объективного критерия, на основании которого человеческий опыт (и даже опыт, связанный с пребыванием в экстремальной ситуации) можно было бы однозначно отнести к одному из полюсов дихотомии «негативный – позитивный». Такая характеристика событий неразрывно связана с тем смыслом, который имеет для конкретного человека то или иное жизненное обстоятельство. Поэтому в зависимости от того, как смысл события соотносится с системой личностных ценностей индивида, оно может и ограничивать функционирование человека, и расширять границы его потенциальных возможностей.

Таким образом, анализ основных тенденций изучения переживания человеком последствий воздействия травматических событий позволяет заключить, что современной науке гораздо больше известно о том, что делает человека страдающим и позволяет ему оставаться таковым. Причины же, по которым он принимает решение столкнуться лицом к лицу с собственными страхами, неудачами и трагедиями и находит возможность справиться с уже имеющейся болью, до сих пор составляют, по всей видимости, малоисследованную область научной психологии. Кроме того, изучая патологические и предпатологические нарушения как конечное состояние переживания психической травмы, мы делаем акцент на восприятии страдающего человека как «законсервированного» в своей боли, и таким образом негласно постулируем отсутствие перспектив поиска смысла личной трагедии, приведшей к столь неблагоприятным последствиям. Однако, согласно экзистенциальному подходу в психологии, именно ощущение отсутствия осмысленности и создает возможность и необходимость ее поиска. Обесмысливание же прошлого нарушает интеграцию личности с объективной реальностью и уже само по себе может выразиться в формировании пограничных психических расстройств, психических заболеваниях и иных психических нарушений.

1. Магомед-Эминов М.Ш., *Трансформация личности*. М., 1998, 496 с. 184.
2. Maddi S.R., "The Story of Hardiness: Twenty Years Of Theorizing, Research And Practice" // *Consulting Psychology Journal*, 2002, № 54, 173 – 185.

Центральной идеей психологии искусства многими учеными считается признание искусства общественной техникой чувства, а художественные произведения как совокупности эстетических знаков, направленных к тому, чтобы возбудить в людях эмоции.

Искусство систематизирует совсем особенную сферу психики человека – именно сферу его чувства. Оно есть важнейшее средоточие всех биологических и социальных процессов личности в обществе, способ уравнивания человека с миром в самые критические и ответственные минуты жизни. По мере развития человечества развивается и его искусство, но точно так же можно сказать, что с развитием искусства развивается и человек, ибо одно исходит от другого и одно есть следствие другого.

По мнению Л.С.Выготского [1], психология искусства требует, прежде всего, совершенно ясного и отчетливого сознания сущности психологической проблемы искусства и ее границ. В качестве ключевых ставятся вопросы – как должны мы смотреть на чувство, только ли как на трату психической энергии, или, в экономии психической жизни оно имеет экономизирующую, сберегающую роль и можно ли установить какие-либо психологические законы воздействия искусства на человека, или это оказывается невозможным.

В рамках данной проблематики мы провели исследование, целью которого было изучить воздействие изобразительного искусства на эмоциональную и чувственную сферу личности. Его объект - эмоциональная и чувственная сфера личности, предмет - воздействие изобразительного искусства на эмоциональную и чувственную сферу личности. В исследовании приняли участие студенты, преподаватели, представители различных профессий и возрастов [41 человек].

Проработка проблемного материала показала, что искусство имеет четыре «регистра» воздействия на человеческую личность: гедонический [наслаждение произведениями искусства], катарсический [облегчение, разрядка

эмоционального напряжения], компенсаторный [активирование высших эмоций, обретение душевной гармонии], суггестивный [внушающая сила искусства].

Рассматривая особенности ощущения цвета, отмечено физиологическое воздействие цвета на человека. Действие цветов обуславливается как их непосредственным физиологическим влиянием на организм, так и ассоциациями, которые вызывают тот или иной цвет на основе всей предшествующей практики человека. Каждый цвет оказывает определенное воздействие на человека. Одни цвета успокаивают нервную систему, другие, наоборот, раздражают.

Анализ, полученных в ходе исследования, эмпирических данных позволил сделать вывод о том, что действительно изобразительное искусство, оказывает воздействие на эмоциональную и чувственную сферу личности и это воздействие различается. Существуют картины, которые способствуют расслаблению, облегчению, и разрядке эмоционального напряжения. В нашем исследовании такими оказались картины с изображением природы: гор, дающих чувство одухотворенности и беспредельности. В картинах преобладают: сине-голубая, фиолетовая, розово-лиловая, бирюзовые гамма, обладающая успокаивающим нервную систему действием.

Также существуют картины, которые в большей степени несут энергетический заряд, активируют высшие эмоции и способствуют обретению душевной гармонии. Общим в этих картинах является идея духовного восхождения, отрыв от материального, волшебство энергии, умиротворения и покоя.

Картины с неясным содержанием, несущие высокую информационную нагрузку и имеющие преобладающим черным, красным и другие яркие цвета не способствуют расслаблению и снятию напряжения.

1. Выготский Л.С., *Психология искусства*. Ростов н/Д. 1998.
2. Гюйо Жан Мари, *Искусство с точки зрения социологии*. Спб., 1991.
3. Леонтьев Д.А., *Образ мира в художественном творчестве*. Уфа, 1989.
4. *Искусство в контексте информационной культуры*, под редакцией Ю.Н.Парс, В.М.Петрова. М.Смысл, 1997.
5. Плеханов Г.В. *Искусство*, Сбор статей. М., 1992.
6. Фрейд З. *Психологические этюды*. М., 1992.

УДК 159.922.8

О проблеме душевной боли

Правило Е.С.

Южно-Уральский государственный университет

Одной из центральных методологических проблем в медицине и медицинской психологии является исследование субъективных компонентов системного психологического образования, определяемого как категория «боль». Традиционно боль понимается как индикатор патологического функционирования организма и личности. Понимание психологической сущности боли, её психологической структуры и факторов, влияющих на ее возникновение, позволяет по-иному рассматривать процесс субъективного переживания болезни и помогает перейти от «соматоцентрированного» подхода исследователя к более комплексному и системному «психосоматоцентрированному».

Боль рассматривается как неприятное сенсорное ощущение и эмоциональное переживание, вызванное фактическим или возможным повреждением тканей, или психическое состояние, соответствующее подобному повреждению [1]. Как правило, акцент делается на соматической боли, в то время как семантическое значение этого понятия более широкое и, в частности, включает в себя понятие «душевная боль».

В отечественной психологии, в отличие от зарубежной, проблема душевной боли почти не изучена. В связи с этим в категориальном аппарате психологической науки не прописаны методологические основания для категоризации «душевная боли», не существует ее определения как феномена общепатологического междисциплинарного уровня. Это затрудняет теоретическое осмысление сущности этого феномена, в то время как в психотерапевтической практике, да и в обыденной жизни, эта категория используется всё чаще. Это требует более детального исследования этого феномена, как с точки зрения методологии, так и практики. Нами был проведен анализ подходов к изучению душевной боли франкоязычной психологической школы.

В рассмотренной литературе по проблеме встречается несколько терминологических синонимов для обозначения душевной боли: психическая, моральная, экзистенциальная, тотальная боль или психическое страдание. Французская Ассоциация Общей Медицины определяет моральную боль как признак депрессии, и включает в неё обесценивание себя, грусть или печаль, суицидальные идеи или повторяющиеся идеи о смерти. Часто под психической болью понимается состояние, проявляющееся душевным беспокойством, печалью и тоской (*l'angoisse*). Таким образом, понятие душевной боли или психического страдания относится к психиатрии [2].

В этой связи остро ставится вопрос о взаимосвязи депрессии (включающей в себя душевную боль) и физической боли. Соотношение боли и депрессии в физиопатологическом плане диалектическое: психическое болезненное состояние проявляется в органической симптоматике депрессий. С точки зрения патогенеза этой психопатологии, острая боль инициирует тревогу, а хроническая боль – депрессивную симптоматику. В свою очередь, соматическая боль также может быть проявлением психического страдания. Обнаруживающуюся взаимосвязь депрессии и физической боли можно проиллюстрировать в следующих схемах: 1) боль → отказ из-за этого от социального и межличностного взаимодействия → инактивность → депрессия; 2) депрессия → психическая беспомощность → отказ от деятельности → фокусировка на сохраняющих актуальность соматических ощущениях → боль; 3) депрессия → понижение болевых порогов → обостренное восприятие боли → ухудшение депрессии [3, 4].

Представленные выше положения этой зарубежной психологической школы требуют организации и проведения исследований, основанных на методологических посылах, восходящих к традициям отечественной школы психологии.

1. *Classification of Chronic Pain, Second Edition, IASP Task Force on Taxonomy* / edited by H. Merskey and N. Bogduk. Seattle: IASP Press, 1994. P.209–214.
2. *Dictionnaire des Résultats de Consultation* – Société Française de Médecine Générale. № 58. P.31.
3. Janne P., Wunsch A., Zdanowicz N., Reynaert Ch., Comment faire face aux intrications entre douleurs et états dépressifs? // *Louvain Med.* 1998, № 117, P.426–434.
4. Wittig Ch., *Peut-on apporter une explication psychologique a la douleur chronique?* – <http://www.psyfc.com/introductiondouleurwittig.pdf>.

Динамика рефлексивных процессов личности

Пугачева М. Ю.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Данная работа посвящена исследованию рефлексивных процессов личности на материале психоаналитических сессий.

Процесс психоанализа является своеобразным «катализатором», способствующим развитию у человека способности к рефлексии. В ходе аналитических сессий пациент приобретает умение прислушиваться к своим чувствам, ощущениям, анализировать свои эмоции и мысли – то есть производить рефлекссию своего внутреннего мира.

Цель данной работы: проследить за динамикой рефлексивного процесса, разворачивающегося в ходе прохождения пациентом психоанализа.

Материалом исследования стали сновидения пациента, проходящего курс психоанализа. Из текста рассказанного сновидения выделялись слова, имеющие отношения к следующим категориям:

Слова неопределенности (например, «как бы», «как будто», «не знаю», «э-э...» и др.)

Рефлексивные слова («я чувствую», «мои ощущения», «мои эмоции» и др.)

Выделение вышеозначенных категорий обосновывалось таким образом. Под словами неопределенности понимались такие защитные слова, используя которые в своей речи, пациент проявляет высокую речевую активность, но при этом рефлексивная активность у него отсутствует.

Однако такая речевая активность в скрытой форме может содержать и способствовать разворачиванию рефлексивной активности. Под рефлексивными словами понимаются слова и обороты, свидетельствующие о наличии у пациента рефлексивной активности.

Далее алгоритм работы был следующим. По каждому сновидению был произведен подсчет снов по указанным категориям и рассчитан коэффициент встречаемости данной категории. Затем между коэффициентами двух категорий была получена разница – дельта (коэффициент по словам неопределенности минус коэффициент по рефлексивным словам).

Результатом исследования стало следующее. После сравнения разницы (дельты) на разных этапах психоаналитического процесса было выявлено, что данная разница заметно уменьшается (переходит из отрицательного значения в положительное) – соответственно, количество защитных слов уменьшается, а количество рефлексивных слов возрастает. Это означает, что в ходе внутренней работы личности рефлексивный процесс постепенно разворачивается и поток рефлексии расширяется.

Отношение ребенка к близким взрослым как предмет психологического исследования

Пупырева Е. В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Общеизвестен огромный вклад семьи в психическое развитие ребенка: семейные взаимоотношения являются той базой, на основе которой формируется личность ребенка с первых дней его жизни. По мере развития круг потребностей ребенка постепенно расширяется: к всевозможным органическим потребностям и потребности в безопасности добавляются потребность в уважении, сотрудничестве, автономии и пр. Во многом в зависимости от того, удовлетворяют ли взрослые широкий круг этих потребностей, ребенок вырастет свободным или зависимым, с ощущением собственной ценности или неуверенным в себе и т.д.

Современные психологи рассматривают семью как сложную систему. В рамках этой системы ребенок является не пассивным объектом воспитательных воздействий со стороны родителей, но активным участником воспитательного процесса и семейных отношений в целом. Как заметил Г.Т. Хоментаскас (1989), формирование личности ребенка в семье является обоюдным процессом, в котором ребенок из множества адресованных ему воспитательных влияний сам выбирает свой путь и, следовательно, с помощью родителей воспитывает себя сам.

Таким образом, ребенок в семье – всегда мыслящий, переживающий человек, активный субъект тех или иных отношений. Его видение внутрисемейной ситуации может не совпадать с видением взрослых людей. Для того чтобы понять, почему ребенок именно такой, какой он есть, и поступает так, а не иначе, мы должны обратиться к его отношениям с близкими взрослыми, т.е. субъективной позиции ребенка в семье.

Традиционно детско-родительские отношения описываются с точки зрения родительского отношения к ребенку и стиля воспитания, реализуемого родителями по отношению к ребенку. И хотя в психологической литературе встречаются упоминания о ребенке как о любящем или отвергающем, заботливом или эгоистичном по отношению к родителям, сфера отношения ребенка к родителям остается недостаточно изученной и систематизированной.

В связи со всем вышесказанным нам представляется особенно важным изучение семейной ситуации с позиции ребенка, что в свою очередь требует *создания определенного категориального аппарата для описания особенностей отношений ребенка к близким взрослым и разработки соответствующих диагностических методик.*

1. Материалы всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». Часть 1. Москва. 14-16 октября 2003 г.
2. Справочник по психологии и психиатрии детского и подросткового возраста. Под ред. С.Ю. Циркина. Санкт-Петербург: Питер, 2000 г.
3. Хоментаскас Г.Т. Семья глазами ребенка. М.: Педагогика, 1989 г.
4. Якобсон П.М. Эмоциональная жизнь школьника. М., 1966 г.

УДК 140.8 + 159.922.6

Влияние различных детерминант на мировоззрение старшеклассников 10-11-х классов

Ражабов Р. П.

Институт экономики, управления и права

Старший школьный возраст характеризуется усиленным ростом сознания, что неизбежно приводит к углублению возникающих отношений, прежде всего нравственных отношений к Родине, общественному идеалу, труду и учению, к другим людям и к себе, взрослым и сверстникам. Специфика юности заключается в том, что именно в эти годы идет активный процесс становления мировоззрения, и к окончанию школы мы имеем дело с человеком, мировоззренчески более или менее определенным. И важно, чтобы мировоззрение юного гражданина, бывшего школьника способствовало наиболее гармоничному вступлению во взрослую жизнь. Ведь мировоззрение – это своеобразный

фундамент, на котором строится вся жизнь человека. И важно, чтобы на этом фундаменте «выросло» нечто достойное, полезное, приносящее счастье и себе, и окружающим. А для этого необходимо педагогически грамотно формировать мировоззрение человека, особенно в период обучения в 10-11-х классах школы – своеобразный сензитивный период становления мировоззрения. Для этого нужно иметь представление о том, какие детерминанты и как влияют на мировоззрение юношей и девушек. Именно с этой целью и проведено данное исследование.

В качестве испытуемых выступали учащиеся 10-11-х классов Кукморской средней школы № 2 Республики Татарстан – всего 48 человек (22 - мужского пола и 26 - женского). Исследование проводилось с помощью специально созданного нами опросника, включающего в себя список из 17-ти параметров. Испытуемым перед каждым из них предлагалось проставить баллы от 1 до 7, где, например, 1 балл означает очень низкую степень влияния детерминанты на мировоззрение испытуемого, а 7 баллов – очень высокую степень. Кроме того, испытуемые были вправе внести в список и свои параметры, по их мнению, влияющие на их мировоззрение.

В качестве статистических критериев использовались t-критерий Стьюдента, биномиальный критерий m , корреляционный и факторный анализы.

На основе полученных данных можно сделать следующие выводы:

Наибольшее влияние на мировоззрение старшеклассников (юношей и девушек) оказывают друзья, семья, музыка, телевидение, интеллект, кино и материальное положение (на уровне значимости $p \leq 0,001$). Наименьшее влияние на мировоззрение старшеклассников оказывает неформальная группировка.

На основе факторного анализа выяснилось, что на мировоззрение старшеклассников в основном оказывают 3 фактора. Первый фактор можно охарактеризовать, как общий фактор, так как состоит из детерминант, относящихся и к искусству, и к средствам массовой информации, и к личностным характеристикам, и к общественным структурам. Он включает в себя совокупность вышеизложенных детерминант, оказывающих наибольшее влияние на мировоззрение старшеклассников. Второй фактор составляют детерминанты, носящие определенную идеологическую основу общества (идеология государства, печатные издания, телевидение, религия). Третьим фактором является искусство. Причём, искусство больше влияет на мировоззрение девушек, нежели на мировоззрение юношей (достоверность различия детерминант: художественная литература – на уровне значимости $p \leq 0,05$; живопись - $p \leq 0,01$; театр - $p \leq 0,001$).

Мировоззрение девушек подвержено влиянию факторов, практически идентичных факторам, влияющим на мировоззрение старшеклассников без учёта их пола. Наиболее существенным оказалось влияние на мировоззрение девушек друзей, семьи и школы ($p \leq 0,01$), а влияние неформальной группировки - наименее значимым ($p \leq 0,001$).

Влияние на мировоззрение юношей семьи, друзей и телевидения оказалось наиболее существенным ($p \leq 0,001$). А влияние неформальной группировки и театра – наименее значимым ($p \leq 0,001$). Выяснилось, что театр находится в обратной зависимости по отношению как к кино, к музыке и к личностным потребностям. Это означает, что для одной группы значимо влияние театра и менее существенно влияние таких детерминант, как кино, музыка, потребности. И наоборот. А художественная литература находится в обратной зависимости по отношению к материальному положению, влиянию взрослых, религии. То есть, для одной группы юношей значимо влияние на их мировоззрение материального положения, влияния взрослых, религии и менее существенно влияние художественной литературы. И, наоборот.

Таким образом, наибольшее влияние на мировоззрение старшеклассников (юношей и девушек) оказывает совокупность социальных и личностных детерминант с преобладанием большего влияния первых. Причём, наиболее весомо влияние узкого круга общественного окружения, то есть друзей и семьи.

УДК 159.928

Современные подходы к проблеме творчества: теоретический анализ

Рожкова А.А.

Ставропольский государственный университет

К настоящему времени проблемы творчества в отечественной психологии разработаны достаточно широко (Теплов Б.М., Дружинин В.Н., Шадриков В.Д., Богоявленская Д.Б., Пономарев Я.А., Пушкин В.Н., Коссов Б.Б.). Существует признанные подходы к проблеме. Ряд исследователей относят творческие, или, используя англоязычную терминологию, креативные, способности к общим интеллектуальным способностям (Тихомиров О.К., Дружинин В.Н., Холодная М.А., Немов Р.С.). Некоторые исследователи связывают творческие способности с умственной одаренностью, особенно в детском возрасте (Лейтес Н.С., В.Э. Чудновский, В.С. Юркевич, А.М. Мапошкин, В.В. Клименко, В. Штерн, Г. Мелхорн). Широко исследуется проблема способностей в контексте профессиональной пригодности человека (Гуревич К.М., Высотская Н.Е., Гилева И.О., Беляева Т.Б.).

Насущной задачей психологии способностей на современном этапе является актуализация новых подходов. В частности, в западной психологии отмечается рост научного интереса к проблеме изучения интуиции, инсайта. Одной из причин тому является осознанная потребность в людях, которые могут успешно действовать и принимать решения, когда нет возможности тщательно обдумать ситуацию, т.е. полагаясь на интуицию. Это особенно актуально в менеджерской, деловой среде. (Степаносова О.В.). В последнее десятилетие появились ряд работ, в которых сформированы некоторые теоретические представления о природе интуиции (Agor W.H., Bastick T., Bailor A.M., Mihalco M., Sadley-Smith E) [1].

В отечественной психологии проблема интуиции, инсайта, креативности - как взаимосвязанных понятий - практически не освещена. Существует ряд философских работ, посвященных интуиции как необходимой основе научного творчества (Асмус В.Ф., Батищев Г.С., Крапивенский С.Э.). Отдельные вопросы психологии интуиции рассматривались в работах, посвященных воображению (Брушлинский А.В.), юморотворчеству (Лук А.Н.), теоретико-экспериментальных исследованиях мышления (Шадриков В.Д., Зинченко В.П., Мапошкин А.М., Холодная М.А.).

По гипотезе, существует корреляция психомоторных показателей и способностей к творческой деятельности. Подобная зависимость отмечается в исследованиях Ф. Гальтона - основоположника эмпирического подхода к решению проблемы способностей, предложившего основные методы и методики исследования. Он полагал, что тесты сенсорного различения могут служить для измерения интеллекта человека, и, таким образом, приблизился к представлению о когнитивной сложности интеллекта: чем лучше органы чувств реагируют на внешние раздражители, тем обширнее поле, на котором действует интеллект [2].

Следующей гипотезой является тезис о подсознательном механизме творческого процесса, одним из этапов которого является процесс перехода в структуру сознания решения проблемы, возникающего внезапно и спонтанно, так называемого инсайта. Термин был введен в гештальтпсихологии В. Келлером. Также в гештальтпсихологии М. Вертгеймером были проведены исследования времени реакции, в последствии соотнесенной с явлением антиципации. М. Вертгеймер экспериментально искал ответ на вопрос о том, как строится образ восприятия видимых движений, и открыл явление, названное им фи-феноменом. Этим термином он назвал обнаруженные им в составе сознания целостные образы, неразложимые на сенсорные первоэлементы [3].

В контексте означенного направления существуют концепции, по которым природа креативности так или иначе связывается со спецификой контакта субъекта со средой. Так, известны работы, в которых указывается на связь интеллектуальных и, особенно, творческих способностей с понятиями экстраверсии - интроверсии (Петрайтите А.М.) [4], экстраверсии и нейротизма (Морсанова В.И., Коноз Е.М.) [5].

В спортивной психологии активно изучаются и апробируются результаты исследования связи способностей человека и антиципации. На связь антиципации как определяющей составляющей деятельности человека указывали Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н., Сергиенко Е.А. В своих исследованиях авторы опирались на теоретические положения, сформулированные Павловым И.П., Анохиным П.К. [6].

Нами была разработана психодиагностическая программа, дающая возможность выявлять творческие способности, а также факторы, которые объективно коррелируют с ними. Таким образом, в программу вошли методики, позволяющие исследовать не только способности к тому или иному виду деятельности, но и личностные особенности испытуемых: исследование свойств личности (экстро-интроверсии, активности, самооценки), выявление осознанности различных компонентов мотива; психофизиологические показатели: свойства нервной системы, антиципация; познавательные способности: исследование типа восприятия, устойчивости и концентрации внимания, словесно-логического мышления, типов памяти, воссоздающего и творческого воображения, а также показателей творческого мышления (гибкости, оригинальности, беглости). Иными словами, одной из задач исследования является определение природы творческих способностей.

1. Степаносова О.В., «Современные представления об интуиции» // *Вопросы психологии*, 2003, № 4, С.133-143.
2. Дружинин В.Н. *Психология общих способностей*. СПб.: Питер, 2002, 368 с.
3. Вертеймер М. *Продуктивное мышление*. М., Прогресс, 1987, 335 с.
4. Сергиенко Е.А. *Антиципация в раннем онтогенезе человека*. М., Наука, 1992, 140 с.
5. Морсанова В.И., Коноз Е.М. «Регуляторные аспекты экстраверсии и нейротизма: новый взгляд» // *Вопросы психологии*, 2001, № 2, С. 59-73.
6. Петрайтите А.М. «Связь интеллектуальных творческих способностей с экстраверсией - интроверсией» // *Вопросы психологии*, 1981, № 6, С. 111-115.

УДК 152.3

Секс, любовь и брак: типы отношений

Рыжова Н.Ю.

Московский гуманитарный университет

Начало 20-го века ознаменовалось обостренным интересом к проблеме секса, любви и брака. З.Фрейд совершил сексуальную революцию, обратив внимание психологов на данную проблему. И с того времени тема не теряет своей актуальности по сей день. До сих пор многие вопросы остаются нерешенными.

Люди несколько более склонны выбирать в возлюбленные и в супруги тех, чьи потребности и личностные качества аналогичны их собственным. Привязанности играют важнейшую роль в жизни человека от его рождения и до самой смерти. Такие надежные привязанности, как в продолжительных браках, делают жизнь счастливой.

Возможно, нам еще только предстоит выявить те различия (помимо физиологических), которые, как правило, приводят к взаимной симпатии.

Целью нашего исследования было выяснение отношений между понятиями “секс”, “любовь” и “брак” и их систематизация и классификация.

Метод. Испытуемым предлагалось на чистом листе бумаги формата А5 нарисовать три круга: один круг – секс, второй – любовь и третий – брак. Испытуемый должен был показать свое отношение к ним, изобразив их в виде возможного пересечения.

Испытуемые. В исследовании участвовало 56 человек в возрасте от 20 до 55 лет. Среди них 21 мужчин и 35 женщин.

Результаты. Были получены 56 протоколов с изображениями, отношений между субъективными полями – секс, любовь и брак.

Вариант 1: Секс, любовь и брак в одном круге. Брак включает в себя любовь и секс или любовь включает в себя секс и брак.

Вариант 2: Все три значения имеют точки пересечения.

Вариант 3: Любовь и секс в одном, а само пересечение называется браком.

Вариант 4: Два значения пересекаются, а третье стоит отдельно, чаще всего это “брак”.

Вариант 5: Брак и секс объединены любовью, но каждый круг сам по себе.

Вариант 6: Все три значения выстроены в линию с пересечением, но позиции могут меняться.

Вариант 7: Все три круга отдельно.

Еще встречались варианты, когда люди меняли инструкцию.

Сравнительные исследования представлений о настоящем и прошлом (на момент 16-летия) по отношению к проблеме секса, любви и брака показали значимую разницу для мужчин и женщин. Женщины в 16 лет были склонны идеализировать отношения (в основном использовался вариант 1). Мужчины в 16 лет были склонны использовать вариант 7 – секс, любовь и брак отдельно.

Таким образом, субъективные поля понятий секс, любовь и брак имеют весь спектр пересечений.

1. Артемцева Н.Г., Ильясов И.И. и др., *Психологические типы: когнитивные стили*. М., 2003.
2. Варламова Е.П., *Ты и любовь*. М., 2001.
3. *Индивидуальные различия и личность*. Хрестоматия под ред. Обозова. СПб, 1996.
4. Д.Майерс Д., *Социальная психология*. М., 2004.

УДК 316.6

Ситуативный контекст в структуре процесса самопрезентации

Сабинова Н. Н.

Академия последипломного образования

Традиционно процесс самопрезентации рассматривается в контексте межличностного взаимодействия с акцентом на психологических особенностях участвующих сторон и их активности. Значительно менее изученной, но не менее значимой областью исследований процесса самопрезентации является культурный и ситуативный контекст межличностного взаимодействия.

В то же время любое взаимодействие двух и более людей протекает в определенной социальной ситуации и в определенном контексте.

Передача и восприятие любой информации о человеке осуществляется посредством знаковых систем, к которым относят пространство и время. Это моменты структурной организации восприятия людьми друг друга [3].

Система межличностных отношений задается определенной социальной действительностью, ситуативным контекстом, в котором разворачивается процесс самопрезентации.

Ситуативный контекст – это особенности ситуации, в которой происходит социальное взаимодействие: время и место действия, нормы, традиции отношений в социальной группе, социально-ролевые предписания и т.д. Этот контекст порождает оценки, ориентации партнеров по общению, определенным образом окрашивает взаимодействие.

Ситуативный контекст задает рамки, в которых разворачиваются события. Он способен определить в отношениях людей гораздо больше, чем их совместные усилия [1].

Выбор той или иной стратегии самопрезентации в каждом конкретном случае определяется ситуативным контекстом, в которой разворачивается межличностное взаимодействие.

Самопрезентация структурируется различными правилами, в зависимости от условий ее осуществления (дружеская вечеринка в компании сверстников или ситуация экзамена) [2]. В той или иной степени каждый акт самопрезентации предполагает некоторые действия по учету особенностей ситуации и возможной организации и подготовке контекстуального оформления. Любой человек, оказываясь в определенном социальном окружении, хочет узнать более подробно о той ситуации, в которой он существует в данный промежуток времени. Владение такой информацией дает ему возможность прогнозирования дальнейшего развития действий, событий.

Попадая в определенную ситуацию, человек представляет аудитории не всю самость, а выделяет те аспекты собственного Я, которые, по его мнению, наиболее значимы в данной ситуации взаимодействия. Поэтому учет коммуникатором ситуации, условий взаимодействия, дает возможность преподнести аудитории именно тот образ своего Я, который, как он предполагает, от него ожидают, что способствует успешной самопрезентации. С другой стороны, повышается вероятность формирования у аудитории определенного образа, наделенного социально-одобряемыми качествами, свойствами и возникновение по отношению к нему позитивных реакций.

Учет особенностей ситуативного контекста, в рамках которого происходит процесс самопрезентации, дает основания для построения наиболее объективной системы интерпретации, более адекватного оценивания поведения коммуникатора, в частности его причин.

1. Андреева Г.М., *Социальная психология*. Учебник для высш. учеб. заведений. М.: Аспект Пресс, 2000, 376 с.
2. Доценко Е.Л., *Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита*. М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997, 344 с.
3. Нартова-Бочавер С., *Психология личности и межличностных отношений*. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001, 416 с.

Специфика психологических форм работы с детьми младенческого и раннего возраста в контексте формирования экспрессивных средств общения

Савичева А.В.

Сургутский государственный университет

В современном житейском понимании общение рассматривается как обмен информацией, а речь является средством его осуществления. Проблема заключается в том, что сегодня родители часто сводят общение с ребенком к информационному обмену и не понимают решающей роли духовного эмоционального контакта. Специфика такой формы общения в период становления речи младенца приводит позднее к проблемам в понимании речи других, невозможности эмоционального самовыражения, а в конечном итоге - к серьезным внутренним конфликтам. На сегодняшний день обозначается запрос общества на психологическую работу с молодыми родителями по освоению средств общения с ребенком. Как правило, это родители, которые осознанно и целенаправленно готовились к появлению своего ребенка, и теперь озабочены дальнейшим его развитием. В связи с этим, мы считаем, что разработка данного направления психологической практики, то есть создание психологического курса общения родителей с младенцами, окажется не только актуальным и востребованным, но и даст свои теоретические всходы.

Наш подход к исследованию периода младенчества качественно отличается от предшествующих исследований, которые сводятся в основном к медицинским, либо психиатрическим диагностикам (Ш.Бюллер, Г.Гетцер), либо к развивающим методикам интеллектуальной сферы ребенка. Много внимания уделяется уходу за ребенком (Б.Спок, П.Лич), либо изучению материнства (Г.Г.Филлипова и В.И.Брутман). Наша работа опирается на теоретическую модель исследования особенностей психического развития Л.С. Выготского, Д.Б. Эльконина, а также исследования особенностей общения в период младенчества в работах М.И.Лисиной и Е.И.Исениной. Однако, с нашей точки зрения, младенец 21 века, это иной младенец (нежели 50 лет назад), имеющий свою новую ситуацию развития, исследование специфики и проблем которой позволит выйти на понимание и организацию актуальных на сегодняшний день форм работы с данной психологической диадой. Мы предполагаем, что организация их по принципам планомерно-поэтапного формирования П.Я. Гальперина и совместной деятельности позволит нам, с одной стороны, в специально организованных условиях проследить онтогенез экспрессивных средств общения ребенка с самых ранних этапов его развития, с другой стороны – выйти на наиболее эффективные условия и формы психологической работы с данной возрастной категорией.

Проведенные на факультете психологии исследования психологического содержания и специфики влияния вокальных форм деятельности на становление экспрессивных возможностей дошкольника, младшего школьника, подростка и взрослого позволяют нам предположить необходимость развертывания такой формы общения с детьми ранних возрастных групп. Включение вокализации в общение с младенцем, с нашей точки зрения, позволяет одновременно решать две психологические задачи: 1. развитие и расширение экспрессивных средств общения, как мамы, так и младенца, 2. наполнение среды развития ребенка развернутыми фонематическими, грамматическими и семантическими эталонами речи.

В 2001-2002 гг. нами был проведен курс «Психологии общения» матери и младенца. Целью данной работы было формирование экспрессивных средств общения в совместной деятельности мамы и ребенка. Проведенное нами экспериментальное исследование позволило проследить динамику их освоения мамами и специфику включения их в общение с ребенком, а также выяснить основные условия необходимые для их развития: это готовность матери к работе над собой; включение предлагаемых эталонов экспрессивных средств в общение со своим ребенком; возможность выхода на совместную деятельность; активизация имитационных и подражательных возможностей ребенка, включенных в определенный контекст общения; включение освоенных эталонов во взаимодействие с чужим ребенком и др. Выяснилось, что сам метод поэтапного формирования выдвигает требования, которые оказались наиболее эффективными в нашей работе. В качестве обязательного условия формирования экспрессивных средств общения выступила совместная деятельность мамы и ребенка в ходе выполнения общей деятельности.

На сегодняшний день перед нами стоят вопросы и задачи исследования специфики использования метода планомерно-поэтапного формирования в условиях работы с младенцами и детьми раннего возраста, анализ динамики освоения совместных форм взаимодействия, особенностей постановки и осуществления произвольных и

непроизвольных задач, возможностей организации целостного контекста деятельности для данной возрастной категории и т.д., которые решаются с помощью варьирования экспериментальных схем формирования и выборки испытуемых.

1. Исенина Е.И., *Дословесный период в развитии речи детей*. Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 1986, с.164
2. Лисина М.Е., *Общение, личность и психика ребенка*. Воронеж: «Институт практической психологии», 1997, с.383

Мотивация лжи у детей младшего школьного возраста

Салимгареева В. Ф.

Татарско-американский региональный институт

Проблема лжи – частое явление в обыденной жизни. Младший школьный возраст – это тот период, в котором самоутверждение все чаще реализуется в форме лжи, и лживость может сформироваться как устойчивое личностное качество.

При совершении лживого поступка дети могут испытывать боязнь, тревогу, чувство опасности, страх, огорчение, угрызение совести, стыд, обиду и другие эмоции. Переживание названных состояний может стать эмоциональным потрясением для ребенка, которое надолго остается в его памяти, деформирует личность, определяет внутри- и межличностные отношения в будущем.

Актуальность: современная диагностика мотивов детской лжи может предупредить переход отдельных лживых поступков в лживость как устойчивое личностное качество.

Новизна данного исследования: несмотря на массовый характер проблемы изучения детской лжи в России практически не проводились эмпирические исследования по данной проблеме. Также новизна исследования состояла в том, что для диагностики мотивации лжи мы применяли проективную методику «рассказ в картинках: история одной лжи», которая не была ни разу использована в массовом исследовании.

Целью нашего исследования было выявление преобладающих мотивов лжи у детей младшего школьного возраста (1-й и 3-ий классы), а также выявление возрастных и гендерных различий между 1-м и 3-м классами.

Объект исследования: учащиеся 1-го и 3-го классов в возрасте от 7-8 до 9-10 лет соответственно общеобразовательной школы № 127. Общее количество 48 человек: 24 мальчика и 24 девочки, по 12 в каждом классе соответственно.

Исследование проводилось индивидуально с каждым испытуемым в форме беседы. Процедура исследования включала в себя метод графической диагностики и метод интервью.

По результатам графической методики «рассказ в картинках» нами были выявлены шесть основных мотивов, к которым наиболее часто прибегают дети. 1). Стремление избежать наказания. Наиболее часто встречающийся мотив. Для испытуемых этой группы характерны повышенная тревожность, страх, недоверие. Ложь в этом случае возникает тогда, когда к ребенку предъявляются непосильные для него требования или налагается слишком много запретов. 2). Ложь как привлечение к себе внимания, потребность в похвале, признании. Для детей этой группы характерны стремление к самоутверждению, нереализованная потребность в признании. Некоторым свойственно стремление к ярким эмоциональным впечатлениям. 3). Ложь как наиболее простой способ достичь чего-либо. Характерны низкая способность к рациональному самоконтролю, стремление потакать своим желаниям. Скорее всего, это связано с недостаточной развитостью волевой сферы для последовательного выполнения действий, ведущих к достижению цели. Также это связано с тем, что нет опыта удовлетворения от самостоятельно и добросовестно достигнутой цели. 4). Ложь как протест, стремление не подчиняться чужой власти. У испытуемых этой группы ярко выражены стремление к действию, активности, независимости. Часто встречается наличие конфликтов в семье. Ложь в этом случае проявляется как протест против власти родителей над личностью ребенка, желание пойти наперекор. 5). Ложь как способ ограничения вмешательства во внутренний мир ребенка, способ защиты от окружающих. У всех испытуемых этой группы выявлены признаки нарушения эмоциональных контактов с семьей, недоверие к родителям, неуверенность в социальных контактах. 6) Ложь при отсутствии иного выхода. Для испытуемых этой группы характерны адекватная самооценка, способность к рациональному самоконтролю. Хорошо развита коммуникативная сфера. Дети лгут по причине безвыходности, и стараются не прибегать ко лжи.

По результатам исследования значимых возрастных и гендерных различий не обнаружено. В первом классе для детей характерен приоритет моральных норм, прививаемых старшими. Для третьего класса повышается значимость референтной группы (сверстников, друзей).

УДК 159.9:331

Модель индивидуального профконсультирования школьников

Саматова А.М.

Татарско-американский региональный институт

Профориентационная работа психолога в школе – процесс системный, сочетающий в себе работу по 4 основным направлениям: информационный, диагностический, тренинговый и консультационный. Однако на практике часто не удается осуществить полный спектр необходимых работ, поэтому приходится расставлять приоритеты и разрабатывать модели профконсультирования, позволяющие проводить эффективную профориентационную работу в минимальные сроки.

Индивидуальное профконсультирование является, на наш взгляд, наиболее эффективным методом профориентационной работы в 10-11 классах, оно способно сочетать в себе и информационный этап, делая его более узким и специфичным для данного клиента. Предполагается, что консультация проводится после профдиагностики и основной мотив обращения учащихся к психологу – узнать о своих психологических особенностях и их соответствии выбранной профессии. Как правило, старшеклассники ожидают монолога со стороны психолога. Однако мы предлагаем использовать другой подход, исходя из которого, активность и ответственность распределяется между клиентом и консультантом либо поровну, либо в пользу первого.

Предлагаемая модель основывается на достижениях ряда психологических школ: НЛП, гештальт-терапии, когнитивной и гуманистической психологии. Многообразие этих подходов объясняется необходимостью быть гибким по отношению к клиентам, применяя в беседе с каждым наиболее адекватные для него методы и техники. Модель консультирования включает в себя 5 основных этапов:

Знакомство, подстройка, определение ожиданий клиента. Это первый и стандартный для беседы этап. Предполагает определение ситуации выбора профессии (самостоятельно, с родителями и т.д.), намерений поступать или не поступать в вуз. Все происходящее на этом этапе имеет важную цель: создание безопасной для клиента атмосферы беседы и снятие естественного в подобной ситуации состояния тревожности.

Формирование модели (образа) желаемой профессии. Мы просим клиента рассказать о той профессии, которую он выбрал. Здесь важно обратить внимание на то, что очень часто школьники выбирают профессию, представления о которой у них неадекватные либо очень ограниченные. Необходимо дополнить этот образ дополнительной информацией о содержании и характере профессии, о требованиях к ней. Т.е. образ должен быть представлен здесь и сейчас не только как положительная идеальная картинка, но в единстве положительных и отрицательных качеств, возможностей и ограничений. Очень часто после этого этапа школьники приходят к мысли о том, что выбранная ими профессия далека от того, чем им хотелось бы заниматься. Тогда мы вновь возвращаемся к первому этапу и пытаемся найти альтернативный вариант (варианты) профессии.

Осознание и принятие собственных качеств, которые могли бы способствовать и препятствовать развитию себя как профессионала. Несмотря на удобство в применении, психодиагностические методики не в состоянии определить уникальность клиента, все многообразие его особенностей. Поэтому мы считаем, что полученные данные должны служить некоторым ориентиром при построении индивидуальной беседы и не более того. На данном этапе клиент называет свои качества, а консультант сопоставляет их с результатами тестирования. Важным моментом является обсуждение несовпадения называемых клиентом качеств и результатов тестов. Здесь могут быть два момента: невалидность методики либо искажение (осознанное или нет) информации клиентом.

Выявление резервов развития. Как правило, если клиент соединил образ профессии и образ Я, то к этому этапу у него возникает интегрированный образ «я в профессии», и резервы развития, пути решения своей ситуации он также находит сам, мы ни комм образам не навязываем ему свои. Клиент даже не обязан проговаривать эти резервы, достаточно осознать их. Внешне осознание проявляется в невербалике клиента, в изменении его состояния, и консультант может заметить этот момент «кинсайта».

Обратная связь. Это завершающий этап, своего рода подведение итогов (проводится не всегда). Здесь мы предлагаем в качестве завершения задать несколько вопросов: «Было ли что-то новое для тебя в сегодняшней беседе?», «Видишь (чувствуешь, понял) ли ты дальнейшие пути развития?». Бывает, что клиенты не узнают ничего нового, тогда уместен бывает такой вопрос: «Тебе что-нибудь дала эта беседа?». Иногда для клиента результатом беседы является подтверждение его мнения о самом себе. Очень часто результат беседы зависит от установки клиента на результат: пришел ли он за творческим поиском, за подтверждением его самонаименования, просто из любопытства и т.д.

Предлагаемая модель рассчитана на 20-40 минут консультирования, она удобна для практического применения и представляет собой синтезированный подход к профконсультированию. Это особенно актуально в контексте современных тенденций к сближению психологических школ. Гибкость в применении техник из разных направлений позволяет сделать процесс профконсультирования более эффективным. По данной модели нами было проведено более 20 консультаций, и почти в каждой из них были свои нюансы, но предложенную суть этапов консультирования удалось соблюсти в каждом из них, хотя мы всегда стремились идти и за процессом, и за содержанием.

Методы создания мотивации персонала

Самойлов А.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Перед тем, как говорить о создании мотивации персонала, нам необходимо представить систему, в которой мы будем эту мотивацию разбирать. Итак, у руководства (собственников) предприятия есть идея деятельности, бизнес-проект, они организуют фирму, набирают сотрудников. Но почему сотрудники готовы взяться за эту работу и выполнять ее в дальнейшем? Генератором любой деятельности людей выступает мотив (желание).

Есть несколько классификаций мотивации трудовой деятельности: первая делит мотивацию «от» и «к» [1, 4], а вторая разделяет ее на материальную и психическую [2, 3] (обе они, на самом деле, неразрывно связаны и постоянно пересекаются [1, 6]). Но рассмотрим для начала их по отдельности.

1. Мотивация делится на «от» (боли, страха, дискомфорта, поражения и т.д.) и «к» (успеху, победе, удовольствию и т.д.). Так если необходим творческий подход, энтузиазм и самопожертвование, то на это может подвигнуть только мотивация «к». А если вас устраивает работа «из-под палки» и не важна производительность и качество труда, то годится и мотивация «от».

С точки зрения системного подхода [6], мотивация заложена в функции системы: система стремится выполнить свою миссию (смысл жизни). Но в реальной жизни ситуация никогда не бывает постоянной: миссия может осуществляться как успешно, так и не очень. Если что-то угрожает существованию системы, то она стремится производить воздействия на внешнюю среду, компенсирующие и тормозящие этот негативный для нее процесс. Если ей это удастся, то по сути дела возникает отрицательная обратная связь. Это пример мотивации «от». Мотивация «к» поддерживается положительной обратной связью. Недаром говорят: «Ничто так не способствует успеху, как успех!».

Итак, одна из важнейших задач менеджера – создавать и поддерживать у персонала мотивацию «к». Лучшая мотивация – самомотивация, которая должна быть самоподдерживающимся процессом. Такой процесс может быть полностью организован только с помощью постоянной подпитки или положительной обратной связи. Постоянную подпитку может дать миссия самого сотрудника и разделяемая им миссия предприятия. Это один из самых мощных и долгосрочных методов мотивации персонала [6].

2. Что же касается деления мотивации на материальную и психологическую, то это деление достаточно зыбкое. Ведь выдача премий (если она построена на должном уровне) является очень даже неплохой мотивацией. Но обратимся непосредственно к психологической мотивации. При рассмотрении этого вопроса можно опираться на работы Маслоу [5], Скиннера, Тейлора, Херцберга. Основными тезисами которых являются потребности, их иерархия и их роль в жизнедеятельности человека. Учитывая то, что труд помогает человеку осуществить его системную миссию – выжить – то соответственно вся деятельность направлена посредством труда именно на удовлетворение потребностей. Это не значит, что сам по себе труд не является потребностью. Но часто можно встретить проблему, которая озвучивается как: «На нелюбимой работе зарабатывать смешные деньги, чтобы после работы пойти и получить с их помощью хоть чуть-чуть удовольствия...». Это не должно являться нормой жизни. А значит менеджерам надо, помимо зарплаты создавать такой психологический климат в компании (и отдельном коллективе) в котором сотрудники сами просто будут хотеть работать и будут получать от этого удовольствие. Этот климат поддерживается как внутренней так и внешней культурой компании, коммуникативной атмосферой, эффективностью управления и вовлеченностью персонала в жизнь компании. Обучение персонала тоже является психологическим фактором в мотивации персонала.

3. Но обе эти концепции удобнее и правильнее рассматривать как единую, т.е. вся психологическая мотивация не будет иметь смысла, если не будет наблюдаться положительная обратная связь, причем еще до принятия конечного решения о, например, направлении на обучение. А материальная мотивация может распределяться как по заранее определенным критериям (это лучший вариант, т.к. заранее определены «правила игры») или же определяться субъективным образом с помощью оценки его личного вклада.

Таким образом, в заключении стоит сказать, что основной задачей менеджера в работе по созданию системы мотивации сотрудников компании является применение психологических методов для создания сопереориентированности

личной миссии сотрудника с миссией компании, ее поддержание и обязательное наличие положительной (!) обратной связи.

1. Самойлов В.В., *Менеджмент как искусство выживания*, М., 2000, 242с.
2. Армстронг М., *Стратегическое управление человеческими ресурсами*. М., 2002, 328с.
3. Шекшня С.В., *Управление персоналом современной организации*. М., 2000, 368с.
4. С. Андреас и др., *Миссия НЛП: новейшие американские психотехнологии*. Пер. с англ., - М.: Институт общегуманитарных исследований, 2000, 177с.
5. Maslow, Abraham, *Motivation and personality Harper and row*. 1970.
6. Питер Сенге, *Пятая дисциплина*. М., 2003, 408с.

УДК 37.013.77

Особенности мотивации учения старшеклассников, обучающихся в профильных классах

Санина Е.А.

Воронежский государственный университет

Мотивация учения как одна из главных вариаций человеческих потребностей способствует освоению индивидом многовекового опыта людей. В качестве специальной задачи выделяется мотивирование именно к учебной деятельности, которая теснейшим образом связана в целом с отношением к образовательному процессу в школе. В обучении школьников педагоги акцентируют внимание на развитии основных мотивов (социальных и познавательных). Одновременно они направляют свои усилия на формирование профессиональных мотивов и интересов школьников. Особенно это проявляется в старших профильных классах.

Что касается вуза, то задача – сделать учение значимым, важным для каждого студента – чаще всего специально не ставится. Основная позиция преподавателя высшей школы заключается в перераспределении ответственности между ним и студентами в целом за результаты обучения, в том числе, и за развитие мотивации учения («вы взрослые и самостоятельные люди, вам делать выбор, с какой целью и как учиться, а я в этом могу помочь»). Как видим, преподаватели нередко уверены в сформированности субъективной позиции студента. В то же время следует отметить, что становление этой позиции в отношении мотивации учения во многом зависит от позиции самого преподавателя, особенно на младших курсах. Не будем забывать, что сегодня в вузе студенты обучаются на бюджетной и договорной основе. Опыт работы с ними показывает, что требуется дифференцированный, индивидуальный подход к развитию мотивации учения той и другой группы. Конечно, ряд преподавателей успешно решает задачу мотивирования студентов на конкретном занятии, но целенаправленное решение этой задачи, чаще всего, осуществляется лишь преподавателями психологии и педагогики. Отсюда выделяется противоречие между ожиданиями преподавателей и возможностями младшекурсников в управлении учебной деятельностью (сложившийся стереотип внешнего контроля со стороны взрослых у бывших школьников и ожидание самостоятельного, ответственного поведения сегодняшних студентов – у преподавателей).

С целью познания этого противоречия и его частичного разрешения, мы сочли необходимым изучить динамику изменения особенностей двух взаимосвязанных процессов: мотивации и мотивирования учения, начиная со старших классов школы, где закладываются основы профессиональных мотивов.

Предметом нашего эмпирического исследования стали особенности мотивации учения старшеклассников профильных классов. Выборку составили 135 учащихся 11-х классов (двух коммерческих и трех бюджетных) средней общеобразовательной школы № 8 Коминтерновского района города Воронежа. Исследование проводилось в декабре 2002 г. и октябре 2003 г.

В качестве рабочего определения мотивации учения старшеклассников выступало сочетание мотивации достижения и мотивации избегания неудач. Под первой, в рамках процесса учения, понималась совокупность познавательных (широкие познавательные мотивы, мотивы самообразования, учебно-познавательные мотивы) и социальных (широкие и узкие социальные мотивы, мотивы социального сотрудничества, профессиональные мотивы) мотивов; под второй же – мотивация избегания неудач как стремление уйти от неприятностей со стороны родителей, учителей, одноклассников, не получать плохой отметки и т.п. В своем исследовании мы исходили из предположения о доминировании в мотивации учения старшеклассников бюджетных профильных классов мотивов группы стремления к успеху и о преобладании мотивов группы избегания неудач в профильных коммерческих классах.

Для сбора эмпирической информации нами были использованы тест-опросник для изучения мотивации достижения А. Мехрабиана, анкета изучения мотивации учебной деятельности Е.А. Калинина, сочинение на тему «Я в выпускном классе: проблемы, поиски, решения», методика неоконченных предложений и анкета интересов А.Е. Голомштока (78 утверждений) с интервалом в одну неделю. В качестве методов обработки полученных данных применялись методы математической статистики, корреляционных анализ, а также методы анализа документов и контент-анализ.

В результате проведенного нами исследования мы пришли к следующим выводам:

Особенностями мотивации учения старшеклассников профильных коммерческих класса являются некоторое преобладание мотивов группы избегания неудач по сравнению с бюджетными классами (по данным различных методик), а также широких познавательных и узких социальных мотивов.

Особенностями мотивации учения старшеклассников бюджетных классов является сочетание доминирования таких мотивов, как широкие познавательные мотивы, мотивы самообразования, узкие социальные мотивы, мотивы социального сотрудничества и профессиональные мотивы.

Во всех классах выявлены интересы, соответствующие гуманитарной направленности. Это может быть объяснено общей тенденцией современного общества к гуманитаризации, выбором интересующих предметов, исходя из симпатий к определенным учителям, выбором профиля по направлению родителей, а не по собственной воле.

Следовательно, наиболее значимой и адекватной рекомендацией по мотивированию школьников будет тщательная работа практических психологов образования и классных руководителей по профориентации учащихся, предоставление школьникам изучить не только свои профессиональные интересы, но и способности, уже сформировавшиеся умения, специфику познавательных процессов. Важно также информировать выпускников и об имеющемся спектре профессий, и о запасах рынка труда, о востребованности тех или иных специальностей.

Роль детско-родительских отношений в формировании особенностей совладающего (копинг) поведения детей

Сапоровская М.В.

Костромской государственной университете имени Н.А. Некрасова

На этапе жизненного цикла семья с ребёнком выступает как расширенная система, где на первый план выходит значимость детско-родительских отношений.

В связи с этим нам кажется необходимым изучение роли детско-родительских отношений в формировании у детей 6-8 лет особенностей совладающего поведения. Данный возрастной период - время, когда у детей радикально меняется образ жизни, что связано с обращением к новой обязательной (учебной) деятельности и более полным развитием ранее сложившихся форм поведения. Трудности для родителей обусловлены появлением у ребёнка нового ролевого поведения, необходимостью перестройки взаимоотношений с ним и изменения собственных воспитательных паттернов. Для родителей этот период оказывается травмирующим так же в силу того, что «продукт» их воспитательной деятельности оказывается объектом внешней оценки, что фактически является показателем компетентности семьи. Таким образом, все члены семьи на данном этапе жизненного цикла переживают высокий уровень стресса и сталкиваются с необходимостью совладать с ним.

Целью данного исследования является изучение особенностей детско-родительских отношений способствующих / препятствующих эффективному совладанию родителей и детей с трудными жизненными ситуациями и их социально-психологической адаптации.

Психологическое совладание – это комплекс когнитивных и аффективных действий, которые возникают как реакция на определённую проблему, вызывающую беспокойство. В отличие от психологической защиты, совладающее поведение (копинг) является целенаправленным поведением личности, устраняющим или уменьшающим вредное воздействие стресса. Психологическое совладание может быть продуктивным или непродуктивным, что влияет на эффективность социально-психологической адаптации личности. Основной гипотезой нашего исследования является предположение о том, что в системе конструктивных детско-родительских отношений родитель и дети эффективно совладают с жизненными трудностями, а в системе деструктивных детско-родительских отношений эффективного совладания не происходит. Основным критерием эффективности психологического совладания для нас является уровень социально-психологической адаптированности родителей и детей. В качестве деструктивной системы детско-родительских отношений в нашем исследовании выступали семьи, регулярно применяющие физические наказания к ребёнку.

Одним из наиболее интересных результатов нашего исследования является то, что для детей из деструктивных семей характерно несоответствие их копинг – поведения и копинг – реакций их родителей, что приводит к неэффективному совладанию с жизненными трудностями и родителей и детей. Так наиболее предпочитаемыми копинг стратегиями детей данной группы является поиск социальной поддержки. Однако в деструктивных семьях ребёнок отвергается родителями, они практически неспособны, оказать ему эмоциональную поддержку, а инструментальная поддержка со стороны родителей, как правило, не соответствует возможностям ребёнка (родители предъявляют к ребёнку неадекватно высокие требования, ожидая от него социальной успешности).

Дети из деструктивных семей в качестве копинг - стратегий также выбирают социально неодобряемую эмоциональную экспрессию («бью», «ломаю», «кричу»). Этот копинг ситуативно облегчает их состояние, но за эти действия родители физически наказывают своих детей. Таким образом, дети из деструктивных семей не имеют реальной возможности ни эмоционально, ни деятельностно справиться со своей проблемой. Для родителей, регулярно применяющие к своим детям физические наказания, типичным является выбор эмоционально-ориентированного копинга (эмоциональное отреагирование) и копинга, ориентированного на избегание, «уход» от проблемы. Мы полагаем, что для родителей данной группы физическое наказание ребёнка является эмоциональной копинг – стратегией и возможностью отдалиться от реального источника возникшей проблемы.

Безусловно, детско-родительские отношения играют особую роль в формировании и развитии психологического совладания родителей и детей, что диктует необходимость дальнейшего теоретического и практического изучения данной проблемы. Результаты нашего исследования могут способствовать поиску путей воздействия на родителей, ведь детям «приходится довольствоваться тем, кого они получили в качестве родителей» (Д.В.Винникот).

Зависимость субъективного восприятия музыки от личностных черт

Семенова Н.С., Бандура С.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Музыка - один из самых сложных и загадочных продуктов человеческой культуры. В современном мире развивающихся технологий она приобретает новое, и с каждым днем возрастающее, значение. Цель нашего эмпирического исследования - выявление таких свойств личности, которые определяют предпочтения в музыке. Тот факт, что такая корреляция вообще существует, уже не раз проверялся: музыкальные предпочтения лежат в основе большинства социологических классификаций. Как оказалось, слушатели с общими музыкальными вкусами часто обладают и сходными личностными качествами [1]. При этом мы оставляем в стороне вопрос о том, что здесь первично: слушаемая музыка или личностные черты. Мы смотрим их соотношение у взрослых людей, в том возрасте, когда динамика процессов становления становится умеренной и слабой.

В исследовании мы видим два необходимых этапа: 1) выделить в музыке те свойства или элементы, на которые люди вообще ориентируются, оценивая мелодию; 2) выяснить какие личностные свойства соответствуют каким свойствам или элементам, т.е. какие люди на что ориентируются в своих музыкальных вкусах. В нашем докладе представлены результаты пилотного эмпирического исследования. Мы разработали новую методику, в дальнейшем она, возможно, послужит основой для принципиально новой проективной методики тестирования личностных свойств, основанной на музыкальных предпочтениях.

1-ый этап. Тестовая программа была размещена в сети Интернет. Испытуемым предлагалось оценить по пятибалльной шкале «Нравится - Не нравится» 78 мелодий, не больше 10 секунд каждая. В исследовании приняли участие 27 человек. Данные были подвергнуты исследовательскому факторному анализу (в программе SPSS 10.0) [2]. Были выделены три фактора, объясняющих в совокупности 73,1% дисперсии. После сравнения с экспертными данными и тщательного анализа мелодий, имеющих большие нагрузки на эти факторы, мы интерпретировали их следующим образом:

1. *Первый фактор*: «Предвосхищаемость – Неожиданность». Все мелодии, имеющие большие положительные нагрузки на первый фактор, имеют в своей структуре классическую сонатную трехчастную форму*, т.е. во всех них есть повторяющиеся элементы [3]. Повторяющимся элементом мы считаем не только простое точное воспроизведение, а любое, которое можно предвосхитить (т.е. разработка музыкальной темы, основанная на секвенции, обладает тем же свойством, ибо, как давно отметили гештальт-психологи, мелодическая структура узнается, даже при смещении на октаву или смене тональности)[3]. Предвосхищение слушателем музыкальных фраз в соответствии с нашей гипотезой является необходимым условием "приобщения к музыке". К тому же, в теории восприятия У. Найссера, к примеру, даже само восприятие музыки как целостного звукового ряда невозможно без самого элементарного предвосхищения [4].

Мы считаем, что предвосхищение музыки открывает возможность «подпеть» (хотя бы про себя) и/или возможность двигаться «в такт» музыке. У этого явления мы выделили два важных аспекта: 1) желание приобщиться к творческому акту; 2) стремление к слаженной совместной деятельности (музыка выполняет социальную функцию сплочения, а сплоченность может являться источником положительных эмоций) [5, с.186].

2. *Второй фактор*: «Ритмические украшения». Значение ритма при восприятии музыки давно замечено исследователями. Психологи, даже далекие от музыкальной и эстетической проблематики, давно начали использовать понятие ритма для объяснения феноменов восприятия, мышления, памяти. Так, П. Жанэ утверждал, что человеком время воспринимается только тогда, когда переживается некоторый ритм [7].

3. *Третий фактор*: «Завершенность – Незавершенность». Имеется в виду субъективное ощущение законченности-незаконченности. Давно известно, что оно зависит от последней ноты – является ли она тоной данной тональности или нет [3].

2-ой этап. Далее, 16-ти из 27 испытуемых был предложен тест «Большая пятерка»[6]. Однако значимых корреляций не было обнаружено (см. табл. №1). Все значения меньше 0.5. Это значит, что ни одна из этих черт не объясняет более чем 25% дисперсии предпочтений.

Из этого мы делаем вывод, что наш выбор в пользу «Большой пятерки» был ошибочен. Необходимо выбрать другие личностные свойства как объект для сопоставления с выделенными свойствами музыки. Однако выявленные музыкальные свойства, возможно, представляют интерес, и их можно будет использовать в дальнейшем для составления проективной методики.

1. Иванченко Г.В., «Психология восприятия музыки: подходы, проблемы, перспективы» М., 2001, с. 296
2. Гусев А.Н., Измайлов Ч.А., Михалевская М.Б., *Измерение в психологии*, М, 1997, с. 153
3. *Музыкальный энциклопедический словарь*, М, 1991, с. 670
4. Найссер У., «Познание и реальность».
5. Андреева Г.М. «Социальная психология», М, 1994.
6. Шмелев А.Г. «Психодиагностика личностных черт», СПб, 2002, с. 248
7. Jané P., *L'évolution psychologique de la personnalité*, Paris, 1929

УДК 159.947

Изменение структуры учебной мотивации при экзаменационном стрессе

Сергеева О.М.

Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского

Мотивация является одной из основных детерминант поведения человека. Без знания потребностей и мотивов конкретных людей вряд ли возможно прогнозировать и корректировать их поведение и состояние. Существует целый ряд исследований о влиянии особенностей мотивации человека на его стрессоустойчивость, однако мы не встретили работ, где бы рассматривались изменения мотивационной структуры под воздействием стрессовых факторов. А эта проблема, на наш взгляд, не менее важна.

Целью нашего исследования является изучение изменения мотивационной структуры у студентов под влиянием экзаменационного стресса. В исследовании приняли участие 70 первокурсников дневного отделения ФСН ННГУ: 2 учебные группы, сформированные по случайному принципу. На первом срезе проводился одновременный замер фоновых мотивационных и некоторых личностных характеристик студентов. Через 1-1,5 месяца был проведен второй замер мотивационных характеристик: у контрольной группы перед зачетной сессией, а у экспериментальной – во время первого экзамена. Контрольная группа бралась для учета изменений структуры учебной мотивации, которые произошли к началу сессии. Использовались методики: УСК Дж.Роттера, «Проба Шварцландера», ЛФР-25 Т.В. Корниловой, МЦМ И.Л.Соломина (оценка неосознаваемых мотивов), «Методика изучения мотивов учебной деятельности студентов» А.А.Реана и В.А.Якунина (осознаваемые мотивы). На основе экспертного оценивания две последние методики были дополнены шкалами, отражающими уровень выраженности потребностей различных уровней по пирамиде А.Маслоу (1 уровень – потребности в самоактуализации, 2 – когнитивные, 3 – в уважении, 4 – в принадлежности и любви, 5 – в безопасности, 6 – физиологические и материальные). Для обработки данных использовались статистический критерий различий для связанных выборок МакНемара и факторный анализ.

На втором срезе в контрольной группе стал значительно выше уровень мотивированности на учебную деятельность ($p < 0,001$), причем его увеличение произошло в первую очередь за счет потребностей 1 и 2 уровней ($p < 0,01$). В экспериментальной же группе значимых изменений учебной мотивации не обнаружено, отмечается только увеличение стремления к конкуренции ($p < 0,05$). То есть, возрастая к сессии, учебная мотивация уменьшается во время экзамена.

При факторизации анализировались данные, полученные на первом срезе и переменные, отражающие изменение мотивационных показателей. Факторный анализ использовался как способ анализа корреляционных связей для большой матрицы интеркорреляций. Для сопоставления между группами брались факторы, которые включали в себя ключевые показатели с 1-го среза.

В экспериментальной группе интернальность (0,581) на 1-м срезе прямо связана с величиной осознаваемых учебных мотивов 1-2-го уровней (0,603) и обратно – 5-6-го уровней (-0,431). При стрессе величина данных мотивационных уровней меняется в противоположную сторону: изменения 1-2 уровней входят в фактор с отрицательным коэффициентом (-0,661), а 5-6 уровней – с положительным (0,430). В контрольной группе фактор, в котором присутствует показатель интернальности (0,762), не включает переменные, отражающие изменения структуры мотивации.

Показатель рациональности в экспериментальной группе (0,617) связан с показателем величины неосознаваемых учебных мотивов 1-2 уровня на 1-м срезе (0,451), однако имеет обратную связь с переменной, отражающей изменения данной группы мотивов (-0,648), и с изменением величины учебной мотивации в целом (-0,522). В контрольной группе противоположная ситуация: рациональность (-0,438) прямо связана с изменением осознаваемых учебных мотивов 1-2-го уровней (-0,627) и обратно – с изменениями 5-6-го (0,578) уровней.

Показатель уровня притязаний не вошел ни в один фактор, однако в обоих выборках выделился фактор, связанный с величиной учебной мотивации на 1-м срезе. В экспериментальной группе в данный фактор не вошли переменные, отражающие изменения структуры мотивации. В контрольной группе в соответствующий фактор от 1-го среза вошли показатели неосознанных учебных мотивов 1-2-го (0,639) и 5-6-го (0,637) уровней и величина учебной мотивации (0,630). Они имеют обратную связь с переменными, отражающими изменения по перечисленным показателям (соответственно -0,644; -0,733; -0,705).

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

Структура учебной мотивации изменяется под воздействием экзаменационного стресса.

Направленность изменений зависит от ряда личностных особенностей, в частности, от уровня интернальности, склонности к рациональности и изначального уровня мотивированности.

При стрессе наблюдается тенденция к усреднению мотивационной структуры: высокие показатели снижаются, низкие – повышаются.

Феномен манипуляции в профессиональной этике и сознании представителей социомных профессий

Ситникова Т.В., Левченко Е.В.

Пермский государственный университет

Несмотря на возросший интерес к проблеме манипуляции, представленность данного феномена в этических кодексах социомных профессий и в сознании их представителей не достаточно изучена. Можно лишь предполагать, что стереотипное отношение к манипуляции является негативным. Эмпирическое исследование этой проблемы проводилось в 2003 году в Пермском государственном университете. В качестве испытуемых выступали студенты философско-социологического факультета отделения психология, юридического факультета и филологического факультета отделения журналистика. Общая выборка состояла из 138 человек (по 46 человек с каждого факультета).

Для сбора данных использовалась «Методика определения склонности к макиавеллизму», созданная Р.Кристи и его ученицей Ф.Гейс и адаптированная В.В. Знаковым, а также специально разработанная анкета, которая направлена на изучение знания и понимания феномена манипуляции, отношения к нему, использования манипуляции.

В исследовании проверялось предположение о том, что специфика профессиональной деятельности определяет и различия между представителями каждой из трех специальностей в определении феномена манипуляции, в отношении к данному явлению и использовании манипуляции.

По показателям склонности к манипуляции не было получено значимых различий между группами. Различия между тремя группами наблюдаются в отношении к манипуляции: студенты специальности «психология» при сравнении со студентами отделения журналистики положительно относятся к манипуляции ($\varphi=2,27$ $p<0,01$), в то время как студенты отделения журналистики уходят от прямой оценки данного феномена, указывая на то, что предпочитают диалогическое общение манипулятивному ($\varphi=2,48$ $p<0,001$). Студенты юридического факультета при сравнении со студентами специальности психология отрицательно относятся к манипуляции ($\varphi=1,99$ $p<0,01$).

Было установлено, что студенты специальности «психология» определяют манипуляцию преимущественно как умение влиять и воздействовать на других людей ($\varphi=1,76$ $p<0,01$) в отличие от студентов отделения журналистики, которые в определении этого феномена выделяют умение управлять и руководить другими людьми ($\varphi=4,69$ $p<0,001$). Данные различия были выявлены между студентами специальности «психология» ($\varphi=2,06$ $p<0,01$) и студентами юридического факультета ($\varphi=4,69$ $p<0,001$).

Сообщая об использовании манипуляции, студенты специальности «психология» чаще указывают на сферу обыденного общения, учебной и профессиональной деятельности. Студенты юридического факультета предпочли уйти от ответа. Студенты специальности «психология» ($\varphi=3,39$ $p<0,001$) и студенты отделения журналистики ($\varphi=3,45$ $p<0,001$) в отличие от студентов юридического факультета используют манипуляцию в обыденном общении с взрослыми. Студенты отделения журналистики не используют манипуляцию в обыденном общении при сравнении со студентами специальности «психология» ($\varphi=2,17$ $p<0,01$). В учебной деятельности студенты отделения журналистики ($\varphi=2,57$ $p<0,001$) и студенты юридического факультета ($\varphi=3,62$ $p<0,001$) не используют манипуляцию в отличие от студентов специальности «психология». Студенты специальности «психология» ($\varphi=2,43$ $p<0,001$) и студенты отделения журналистики ($\varphi=1,93$ $p<0,01$) в отличие от студентов юридического факультета используют манипуляцию в профессиональной деятельности с руководством.

Изучение этических кодексов трех названных профессий показало, что, несмотря на очевидную представленность этого феномена в сознании их представителей, прямые упоминания о манипуляции или описания содержания этого феномена в этих документах отсутствуют.

Особенности адаптации курсантов Военного высшего учебного заведения

Сизых И.Н., Богданович Н.Г.

Иркутский государственный университет

Человеку в процессе жизнедеятельности постоянно приходится приспосабливаться к быстро меняющимся условиям среды. Чаще всего человеческий организм встречается с воздействием на него целой группы взаимосвязанных факторов: биологических, социальных, психологических. Особый интерес для специалистов различных отраслей науки представляет изучение индивидуальных особенностей адаптации человека.

Одним из наиболее актуальных направлений в психологии по праву может считаться адаптация выпускников школы к профессиональной деятельности и, в частности, к такому специфическому виду деятельности как военно-учебная. С первых месяцев учебы в военных учебных заведениях «вчерашний школьник» испытывает психический и физический дискомфорт, который объективно вызван отрывом от семьи, ломкой жизненного стереотипа, необходимостью приспосабливаться к новому коллективу, новому режиму и т. д. [2]

Известно, что успешность профессиональной деятельности зависит от особенностей адаптации личности. Эффективностью военно-учебной деятельности, таким образом, несомненно, должна обуславливаться так называемым личностным адаптационным потенциалом (ЛАП). [3] Кроме того, большое значение имеет не только определение адаптационных возможностей, но также тех факторов, которые влияют на адаптацию человека. К значимым факторам, на наш взгляд необходимо отнести особенности функционирования мозговых структур, а именно особенности межполушарной асимметрии и межполушарного взаимодействия. [1]

Целью настоящего исследования явилось изучение индивидуальных особенностей ЛАП военного высшего учебного заведения в сочетании с таким нейropsychологическим компонентом, как профиль межполушарной асимметрии. В исследовании приняли участие 64 курсанта 1 курса (16-18 лет) Иркутского военного авиационного инженерного института.

Особенности адаптации изучались нами при помощи методики МЛЮ «Адаптивность» [4], которая позволяет определить уровень нервно-психической устойчивости испытуемого, а также уровень поведенческой регуляции, коммуникативный потенциал и морально-нравственный компонент адаптации. Для выявления профиля межполушарной асимметрии использовались известные нейropsychологические пробы: «определение ведущего глаза», «переплетение пальцев», «поза Наполеона». Совокупность результатов по данным пробам дает возможность определить у испытуемых профиль латеральной организации мозга (ПЛО).

В результате проведенного исследования было обнаружено, что наиболее успешно процесс адаптации протекает только у 18% испытуемых. Удовлетворительной можно считать адаптацию у 17%, у 8% испытуемых отмечены низкие показатели адаптационных способностей. Преобладающее число испытуемых (56%) вошло в так называемую

промежуточную группу, то есть их адаптационные возможности нельзя однозначно назвать хорошими, хотя процесс адаптации протекает вполне успешно.

Анализ компонентов адаптации показал, что большая часть испытуемых с недостаточным уровнем адаптации имеет низкий уровень коммуникативных способностей и морально-нравственной регуляции, что ведет к затруднениям в установлении адекватных контактов окружающими. Среди курсантов, имеющих заниженные адаптационные способности, у 80% отмечаются проблемы в социализации и морально-нравственной регуляции своего поведения и у 60% выявлены низкий уровень поведенческой регуляции и отсутствие адекватной самооценки.

Результаты совокупного анализа особенностей адаптационного потенциала и типов профиля межполушарной асимметрии позволили обнаружить наличие связи между уровнем адаптационных способностей и таких типов ПЛЮ, которые являются показателем эффективности деятельности. Так, у 50% испытуемых с высокими адаптационными способностями имеют один из типов ПЛЮ, свидетельствующий о высокой психологической пригодности к управленческой деятельности (ПЛП, ППП, ЛЛЛ). В группе с низкими адаптационными возможностями таковые встречаются лишь у 20% испытуемых.

Таким образом, выявленные особенности адаптации исследуемой группы курсантов, позволяют сделать вывод о необходимости проведения психолого-воспитательной работы, направленной на преодоление проблем в поведенческой и морально-нравственной регуляции поведения, а также на установление адекватного межличностного взаимодействия. Обнаруженный в ходе исследования факт наличия связи уровня адаптации и типа ПЛЮ дает основание для использования метода определения типа ПЛЮ в качестве экспресс-диагностики адаптационных способностей личности.

1. *Адаптация и конституция человека* / Под ред. В.Г. Казначеева, Новосибирск, 1986
2. *Военная психология и педагогика* / Под ред. П.А. Корчемного и др., М., 1998
3. Маклаков А.Г., Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных ситуациях // *Психологический журнал*, 2001, №1
4. Райгородский Д.Я., *Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие*. Самара, 2003

УДК 159.9:502.1

Экологическая психология: цели, задачи, перспективы

Скалабан П.В.

Белорусский государственный университет

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ –
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОБЛАСТЬ ЗНАНИЙ О
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОКРУЖАЮЩЕЙ
СРЕДЫ.

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ МОЖНО ВСТРЕТИТЬ
ПРИМЕНЕНИЕ ТЕРМИНА «ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ
ПСИХОЛОГИЯ» ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЦЕЛОГО РЯДА
НАПРАВЛЕНИЙ И ОБЛАСТЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ. МОГУТ БЫТЬ ВЫДЕЛЕНЫ, ПО
КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ЧЕТЫРЕ ТАКИЕ ОБЛАСТИ:
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ (ПСИХОЛОГИЯ
ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ),
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ, ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ
ПОДХОД В ПСИХОЛОГИИ ДЖ. ГИБСОНА,
ПСИХОЛОГИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. ОДНАКО
ПЕРЕЧИСЛЕННЫЕ ПОНЯТИЯ НЕ ЯВЛЯЮТСЯ
ТОЖДЕСТВЕННЫМИ, ИХ СЛЕДУЕТ РАЗЛИЧАТЬ. [1]
Исходным для экопсихологических
исследований является представление о
том, что психическое развитие, обучение и
поведение человека, его психическое
здоровье нельзя рассматривать вне связи
индивида с окружающей средой и
природой в целом.

ДЕРЯБО С.Д. и ЯСВИН В.А. ВЫДЕЛЯЮТ
СЛЕДУЮЩИЕ ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ: АНАЛИЗ
РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В
ПРОЦЕССЕ СОЦИОГЕНЕЗА; РАЗРАБОТКА
ТИПОЛОГИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ;
АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
В ПРОЦЕССЕ ОНТОГЕНЕЗА; АНАЛИЗ
МЕХАНИЗМОВ РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ; АНАЛИЗ
ИНДИВИДУАЛЬНОЙ И ГРУППОВОЙ СПЕЦИФИКИ
ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ; РАЗРАБОТКА
ПРИНЦИПОВ И МЕТОДОВ ДИАГНОСТИКИ
ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ; ИССЛЕДОВАНИЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ, КОТОРЫЕ МОЖЕТ
ОСУЩЕСТВЛЯТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА С
МИРОМ ПРИРОДЫ. [2]

ОСОБОЙ ЗАДАЧЕЙ ДЛЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ ЯВЛЯЕТСЯ ИССЛЕДОВАНИЕ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРИРОДЫ, ЕГО
ВЛИЯНИЯ НА РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ, А ТАКЖЕ
РАЗРАБОТКА НА ОСНОВЕ ЭТОГО

ПСИХОКОРРЕКЦИОННОЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ.

В ДЕКАБРЕ 1996 ГОДА В МОСКВЕ ПРОШЛА ПЕРВАЯ РОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ. ОРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ – ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМ. Л.Г. ЩУКИНОЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО ЭКОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РОССИЙСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

[3]
В СТРУКТУРЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМ. Л.Г. ЩУКИНОЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ ДЕЙСТВУЕТ ЛАБОРАТОРИЯ ЭКОПСИХОЛОГИИ РАЗВИТИЯ. [4]

В МОСКОВСКОМ ГОРОДСКОМ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ ОТКРЫТ ФАКУЛЬТЕТ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.

С СЕНТЯБРЯ 2001 ГОДА В МЕЖДУНАРОДНОМ НЕЗАВИСИМОМ ЭКОЛОГО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПРИ ЛАБОРАТОРИИ ПСИХОДИАГНОСТИКИ ФАКУЛЬТЕТА СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ РАБОТАЕТ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО «ЭКОПСИХОЛОГ»; ПРИ КАФЕДРЕ ПСИХОЛОГИИ РАЗВИТИЯ И КОНСУЛЬТАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ БЕЛГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СОЗДАНО НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО УЧАЩИХСЯ «ЭКОПСИХОЛОГИЯ».

ПРИ РОССИЙСКОМ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ ДЕЙСТВУЕТ КОМИССИЯ МЕДИКО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ И ЭКОЛОГО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ.

В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА НА ФАКУЛЬТЕТЕ БИОЛОГИИ ОТКРЫТА СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ «ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ».

В Г. МИНСКЕ, НА ФАКУЛЬТЕТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. А.Д. САХАРОВА ВВЕДЕНА СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ «ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ». [5]
ТАКИМ ОБРАЗОМ, В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ РАССМАТРИВАЕТСЯ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ И АКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ.

1. Ясвин В.А. Психология отношения к природе. М., 2000, с. 14.
2. Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология. Ростов-на-Дону, 1996, с.41-44.
3. Экологическая психология: Тезисы Первой российской конференции, Москва, 3-5 декабря, 1996. М., 1996, 182 с.
4. Панов В.И. Основные направления научных исследований в психологическом институте РАО // *Известия Российской академии образования*, 2001, №2, с. 13.
5. Высшие учебные заведения Республики Беларусь. Справочник абитуриента 2003. Сост. Ю.Н. Бугенер и др. Мн., 2003, с. 140.

Особенности восприятия людьми представителей различных национальностей в зависимости от этнических авто- и гетеростереотипов

Слободина Н.

Пермский государственный университет

В связи с тем, что современный этап развития человечества характеризуется обострением национальных проблем, а этнические противоречия отмечаются практически повсеместно, проблема межэтнического восприятия стала на сегодняшний день очень актуальной. Наиболее острой из этнической проблематики является проблема расовых предрассудков и этнических стереотипов. Эти феномены в силу их остроты и актуальности привлекают сегодня внимание широкого круга специалистов. Этнический стереотип, как и любой другой социальный стереотип, может быть автостереотипом, т.е. описывающим собственную этническую группу, и гетеростереотипом, т.е. описывающим другую этническую группу.

В отечественной научной литературе существует достаточно большое число исследований состояния национальных отношений, различных аспектов национальной культуры, языка и т.д. Особенностью такого рода исследований является то, что они ограничиваются преимущественным образом анализом социального и экономического развития. Вопросам же непосредственно межнациональных отношений, связанных с уровнем развития национального самосознания, с особенностями авто- и гетеростереотипов, уделяется недостаточно внимания. Как показывает анализ литературы,

проблема влияния этнических авто- и гетеростереотипов на восприятие людей как предмет эмпирического психологического исследования у нас в стране является малоизученной. В связи с этим становится очевидной новизна нашего исследования.

В своем исследовании мы гипотетически предположили, что этнические авто- и гетеростереотипы в значительной степени определяют восприятие людьми представителей разных национальностей. Гипотеза нашего исследования обуславливает постановку следующих задач:

- описание этнических авто- и гетеростереотипов и связанных с ними аспектов этнической проблематики;
- анализ влияния этнических авто- и гетеростереотипов на восприятие людей.

Предметом нашего исследования является восприятие людьми представителей различных национальностей. Изучение психологических аспектов этнической проблематики предполагает выбор адекватных методик исследования. В ходе исследования нами были использованы две методики, а именно:

- проективная методика «психологический рисунок» (вариант Т.В.Ивановой);
- шкала социальной дистанции (вариант Л.Г.Почебут).

Теперь непосредственно результаты по проективной методике. Перед выполнением задания испытуемым давалась следующая инструкция: «Нарисуйте образы русского, татарина, китайца и американца. Рисунок должен отражать наиболее типичные, на ваш взгляд, особенности данной национальности». Группу испытуемых составили студенты 18 – 25 лет преимущественно русской и татарской национальностей. Всего в исследовании приняли участие 102 человека, из них 45 мужчин и 57 женщин. По национальной принадлежности испытуемые распределились следующим образом: русские – 65 чел., татары – 31 чел., иные национальности – 6 чел. Распределение по национальной принадлежности отражает существующее на сегодняшний день соотношение национальностей на территории Пермской обл. В настоящее время на территории Пермской обл. проживает более 100 национальностей, из них самыми многочисленными являются русские (1-ое место) и татары (2-ое место). В целом, выделение поля исследования предполагает изучение, во-первых, особенностей и взаимосвязи национальных авто- и гетеростереотипов этносов, проживающих в непосредственной близости и имеющих общую историческую судьбу. В нашем случае были выделены такие стимульные объекты, как русский и татарин. Во-вторых, интерес, на наш взгляд, представляют особенности восприятия далеких этносов, являющихся в настоящее время объектом достаточного пристального внимания (если судить по СМИ). В данном случае в качестве стимульного объекта нами были выбраны образы китайца и американца. Преобладающее большинство респондентов представило конкретные изображения, относящиеся к стимульным объектам.

Анализ представленных нами результатов позволяет сделать вывод, что помимо стабильных элементов, общество обладает определенной изменчивостью. Стабильность общества определяется бытовым укладом этноса и воспроизводится в особенностях национальной кухни, одежды, обычаях и т.д. А к динамическим сторонам жизни могут быть отнесены политические, экономические события, а также формы проведения свободного времени, техническое развитие, достижения в науке и т.д.

Достаточно значительные различия были выявлены в особенностях восприятия близкого и далекого этносов при сравнении смысловых групп американца и китайца, с одной стороны, и образов русского и татарина – с другой. При восприятии образа американца и китайца респондентами чаще всего использовались динамические характеристики этноса. В то же время их образы лишены «очеловечивающих» признаков (малое количество рисунков природной среды, труда в быту). Заставляет обратить на себя внимание достаточно большое число рисунков, изображающих спиртные напитки в образах русского и американца.

Качественное соотношение национальных образов определяется помимо субъекта восприятия и особенностями самого объекта – этноса. Так образы русского и татарина, несмотря на общую историческую судьбу имеют определенные различия в национальном характере.

В нашем исследовании наиболее динамичным в восприятии испытуемыми обеих национальных групп оказался образ американца, наиболее статичным, по мнению татар, – образ русского и китайца, а по мнению русских, – образ татарина и китайца. Автостереотип же обеих национальных групп занимал по этому показателю промежуточное положение.

Результаты по шкале социальной дистанции:

В исследовании также принимали участие студенты 18 – 25 лет татарской и русской национальностей, всего 102 человека.

Математическая обработка предполагала определение процентного соотношения ответов испытуемых по семи предложенным критериям. Обработка производилась по ключу, что позволило сделать психологическую интерпретацию полученных данных. Делая выводы по данной методике, можно сказать, что для русских респондентов по степени приемлемости наиболее важным оказывается возможность настоящей дружбы с представителями русской национальности и американцами, с татарами – возможность вступления в брак. Довольно высок процент положительных ответов по критерию «предпочел бы не видеть в моей стране» относительно китайцев. Для респондентов – татар наиболее важным оказался критерий возможности вступления в брак относительно своей национальности, не приемлемым оказалось вступление в брак с китайцами. Относительно американцев высок процент по критерию «могли бы работать вместе». Русские оцениваются положительно в качестве партнера по браку.

Таким образом, завершая нашу работу целесообразно сделать следующие выводы:

Межгрупповое восприятие идет по пути от дифференцирования от собственной группы, т.е. иноэтнические группы воспринимаются скорее как «далекие» и «непохожие», чем «близкие» и «сходные»;

Существуют гендерные особенности межэтнического восприятия. Женщины более стереотипичны, но более лояльны в своих ответах по отношению к «иноземцам», тогда как мужчины более категоричны и более негативно оценивают иностранцев;

Изменение стереотипов при непосредственных межэтнических контактах наблюдаются в основном у этнического меньшинства, тогда как стереотипы большинства более стабильны и неизменны;

Положительный гетеростереотип иногда вызывал отрицательный автостереотип;

Наблюдается противоречивость гетеростереотипа в зависимости от чувств симпатии или антипатии, которые испытывает его носитель в отношении к тому или иному народу;

Автостереотип, как правило, отличается более благоприятной оценкой, чем гетеростереотип.

УДК 159.99

Феномен потери веры в духовном опыте христиан

Сметанова Ю.В.

Томский государственный университет

На протяжении трех лет мы обращались к изучению опыта Веры христиан на примере переживаемого ими уникального феномена духовной жизни – опыта Богообщения [1, 3]. Наши исследования выполнены в соответствии с идеями и традициями феноменологического подхода, в частности, с применением методов экзистенциального и

феноменологического анализа. В результате этих исследований, нами была выявлена взаимозависимость переживаний опыта Богообщения и чувства идентичности (в частности, формирования религиозной идентичности) у верующих [1]. В настоящем докладе мы предлагаем к рассмотрению феномен потери Веры в христианстве.

Религиозная вера в норме представляет собой интегрированную целостность, включающую 4 основных аспекта: веру в существование Бога, эмоционально-волевое устремление к нему, исполнение культа поклонения (десятилетний аспект) и гносеологический аспект (знание и представление об объекте поклонения). Потерей Веры мы называем явление, при котором данная целостность разрушается с возможной утратой отдельных составляющих. Как правило, верующие утрачивают и переживания Богообщения.

Наиболее частой причиной потери Веры является - внутриличностный ценностно-смысловой конфликт. Часто это конфликт между «до-религиозными» и конкретно религиозными ценностями и смыслами, то есть конфликт между основаниями личности до обращения и после него. «Отсрочка вознаграждения» за веру и служение (после смерти) тоже оказывает свое влияние, уменьшая уверенность верующего в правильности пути, в целесообразности лишений. Смысловой конфликт, несоответствие желаемого и реального, внутренние противоречия с христианскими ценностями на фоне, кажущейся более привлекательной, «мирской» жизни. Это – действительно кризис Веры.

У всех верующих, прошедших покаяние и переживших религиозную трансформацию, есть определенное разделение своего жизненного пути на до-христианский, мирской и христианский [2]. Характерной особенностью этого разделения является оценивание пути «до» как достаточно негативного и неполноценного, а жизни «после», соответственно, как позитивной и более истинной. Переживаемый при утрате Веры конфликт ценностей и смыслов приводит к определенной переоценке жизненных пространств христианства и «мира». Христианин, переживающий потерю веры, ищет пути назад, туда, где «раньше было плохо, а сейчас кажется легче». Это приводит к конфликту мировоззрений и несет с собой всплески страхов, чувства вины. Утрата уверенности в Спасении, переживание экзистенциальной вины, всевозможные страхи – все это разворачивается на фоне отсутствия Общения с Богом. Утрата христианином-протестантом опыта Богообщения, воспринимаемое как отсутствие высшей поддержки постепенно приводит к усталости, накапливающейся неудовлетворенности и отдалению от христианства. Он уходит в «старый мир», мир до христианства, который кажется привлекательным, дающим «отдых», расслабление.

Человеческое существование, разворачивающееся в трех плоскостях: телесная, душевная и духовная, в норме примерно одинаково выраженных и гармонично взаимосвязанных, - в опыте потери Веры искажается. Пространство духовной жизни, ранее заполненное верой, Богом и опытом Богообщения, - рушится, оставляя на месте себя пустоту, вакуум. «Пустеет» и мир душевной жизни: христианин уходит от людей, ограничивая круг своего общения. Образовавшуюся «пустоту» стремительно заполняет, становящаяся более сильной, – телесность, витальность.

В свете этого происходят изменения в интенциональности у субъекта переживания: активизируются интенции телесного (витального) мира, в первую очередь - «хочу», вместо значимого ранее «во имя», что дает человеку чувство падения. Потеря Веры приводит также и к утрате переживания временной перспективы. Человек утрачивает Прошлое: уходит из церкви, стремится к смене обстановки, обрывая прошлые связи и отношения. Но он перестает видеть и Будущее, утрачивая жизненные смыслы, цели. Он оставляет себе только Настоящее, но это настоящее – деформированное, неполноценное. Это даже не настоящее, а скорее его иллюзия.

Появление множества внутренних конфликтов, отказ от переживания времени, «мутация» ранее относительно гармоничного существования в телесной, душевной и духовной сферах – все это расщепляет целостность Я и является проявлением утраты переживания идентичности верующим.

Результаты исследования позволяют нам подчеркнуть взаимозависимость переживаний идентичности и духовного опыта Общения с Богом у верующего человека. Осознание этой взаимозависимости и знание ее особенностей позволяет строить и реализовывать различные психотерапевтические мероприятия для людей, переживающих духовный кризис или кризис идентичности, в частности – потерявших веру.

1. Сметанова Ю.В. Диалог с Богом и проблема идентичности в аспекте современного протестантизма. / *Материалы Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов «Психология XXI века»*. СПб., 2003, с. 266-267.

2. *Конкретные исследования современных религиозных верований* / Сборник под ред. Клибанова А.И. М.: Мысль, 1967г., 244с.

3. Джеймс В., *Многообразие религиозного опыта*. СПб., 1992г., 424с.

Динамика развития индивидуального стиля педагогической деятельности

Смородина О.Н.

Пермский государственный университет

Анализ литературы показывает, что исследование индивидуального стиля педагогической деятельности (ИСПД) поддается логике исследований индивидуального стиля деятельности (ИСД), поэтому многих авторов интересуют вопросы его структуры, функций, механизмов и условий формирования (Н.И. Петрова, З.Н. Вяткина, Л.А. Ивашнева, Н. А. Аминов).

На сегодняшний день уже рассмотрены различные стили работы учителя и стили отдельных компонентов педагогической деятельности, проведен ряд исследований, посвященных изучению критериев их успешности, а также взаимосвязи ИСПД и профессиональных способностей (Н.П. Крикля, Г.С. Абрамова, Н.В. Кузьмина, Б.Б. Коссов, Н.Д. Левитов, Ю.С. Шведчикова). Предприняты попытки рассмотрения ИСПД как целостной системы разнообразных педагогических действий (А.К. Маркова, А.Я. Никонова). Однако вопрос о динамике развития ИСПД в процессе профессионального становления учителя остается малоизученным. Этим и определяется *актуальность теоретического и научно-практического изучения проблемы развития ИСПД*.

Нами была выдвинута следующая гипотеза: степень выраженности значений компонентов ИСПД, характер взаимосвязи между ними и структура ИСПД специфичны в зависимости от стажа педагогической деятельности.

Исследование проводилось в декабре 2002 – апреле 2003 года. В качестве испытуемых выступили учителя средних общеобразовательных школ г. Перми в количестве 259 человек, которые были распределены на 7 групп: со стажем педагогической деятельности 1-5 лет (41 человек), 6-10 лет (35 человек), 11-15 лет (47 человек), 16-20 лет (39 человек), 21-25 лет (36 человек), 26-35 лет (32 человека), 36-50 лет (29 человек).

Для изучения структуры ИСПД был использован опросник ИСПД, разработанный на кафедре теоретической и прикладной психологии ПГПУ (Ю. С. Шведчикова, 2002), позволяющий получить значения по 13 шкалам, отражающим 9 основных компонентов педагогической деятельности: подготовительный, организационный, коммуникативный, дидактический, дисциплинирующий, стимулирующий, оценочный, контрольный и рефлексивный.

Для обработки полученных данных использовались методы математической статистики: Т-критерий Стьюдента, корреляционный анализ по Пирсону, факторный анализ методом главных компонент с применением процедуры вращения Varimax normalized.

Основные результаты исследования:

1. Сравнение средних значений показателей компонентов ИСПД по Т-Критерию Стьюдента ($p < 0,01$ и $p < 0,001$) у учителей с разным стажем педагогической деятельности показывает, что:

1) динамика развития ИСПД связана с установлением и регуляцией отношений учитель- учащийся в процессе обучения;

2) каждый компонент ИСПД характеризуется специфичной динамикой изменений на всем пути профессионального становления учителя.

2. Сравнительный анализ характера взаимосвязей показателей компонентов ИСПД (корреляционный анализ) у учителей с разным стажем педагогической деятельности позволяет говорить о наличии как общей, так и специфических взаимосвязей для всех стажевых групп. Например, во всех стажевых группах показатель организационных действий связан с показателем порицающих стимулирующих действий ($p < 0,05$; $r \geq 0,31$). Возможно, данная связь является стабильной характеристикой структуры ИСПД, независящей от стажа педагогической деятельности.

Анализ ядровых компонентов ИСПД показывает, что:

1) количество взаимосвязей ядровых показателей с другими показателями ИСПД в каждой группе учителей уменьшается при увеличении стажа педагогической деятельности, т. е. проявление стиля становится более вариативным;

2) ядровым показателем у учителей со стажем от 1 до 20 лет является показатель коммуникативных действий; у учителей со стажем от 21 до 50 лет - показатель рефлексивных действий. Что, возможно, говорит о смещении внимания педагога с процесса взаимодействия с учащимися на его анализ с увеличением стажа педагогической деятельности.

3. Факторизация значений показателей ИСПД во всех изучаемых группах учителей позволила выделить в каждой по 3 значимых фактора (ДОД = 67%; 62%; 56%; 61%; 59%; 60%; 61%). При сравнении структур ИСПД у учителей с разным стажем педагогической деятельности было выявлено, что:

1) в структуре ИСПД существуют стабильные подструктуры, характеризующие регуляцию поведения и активности учащихся, но имеющие свою содержательную специфику в зависимости от этапа профессионального становления учителя;

2) в структуре ИСПД существуют изменчивые подструктуры, имеющие содержательную специфику в зависимости от этапа профессионального становления учителя;

3) с увеличением стажа педагогической деятельности до 35-50 лет происходит дифференциация компонентов стиля, что проявляется в его вариативности.

УДК 152.58

Соотношение вербальной и невербальной обратной связи и отношение коммуникатора к реципиенту

Солошенко Л.Ю.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Под обратной связью (ОС) в социальной психологии понимается сообщение партнеру информации, сведений о том, как, каким он воспринят в общении [5]. В исследованиях ОС можно выделить два основных направления: выявление формальных характеристик ОС, максимально повышающих вероятность ее принятия в условиях тренинга, и изучение влияния ОС на эффективность освоения различных навыков и умений. [5]. Исследования невербальной обратной связи фактически отсутствуют, что обусловлено, во-первых, сложностью выбора формы предъявления испытуемым невербального поведения, а во-вторых, проблемой неоднозначности его интерпретации.

Основные цели нашего исследования формулируются в контексте проблемы ценности невербальных паттернов поведения как средств диагностики и коммуникации и возможности адекватного познания психических свойств, состояний человека по его невербальному поведению. Так как многими авторами [1,2,3,4] постулируется связь между внутренней системой отношений человека, в особенности между совокупностью межличностных отношений, и невербальным поведением, нас заинтересовало влияние эмоционального отношения коммуникатора к реципиенту на согласованность вербального и невербального компонентов обратной связи. Цель исследования: установление характера соотношения вербального и невербального компонентов обратной связи в зависимости от отношения коммуникатора к реципиенту. Невербальный компонент был представлен графическими изображениями мимики и позы, вербальный – различными формами обратной связи. Предметом исследования является рассогласование вербального и невербального компонентов ОС под влиянием эмоционального отношения коммуникатора к реципиенту у подростков 15-17 лет ($n=200$).

В основном эксперименте половине респондентов задавалась инструкция вспомнить человека, вызывающего негативное отношение, второй половине респондентов задавалась инструкция с просьбой вспомнить человека, вызывающего позитивное отношение, далее им предлагались две ситуации вынужденного общения со следующей инструкцией: «*представьте, что вы должны сказать этому человеку:*«...». В кавычках предлагалась обратная связь, соответствующая по эмоциональному знаку отношению коммуникатора к реципиенту, в контрольной группе, и противоположная по эмоциональному знаку отношению коммуникатора к реципиенту в экспериментальной.

Респондентам предлагалось подобрать невербальный компонент обратной связи к вербальному, который был задан искусственно. Результаты исследования можно представить следующим образом:

Показана однозначность распознавания респондентами эмоционального характера графического невербального материала и возможность восприятия респондентами эмоционального рассогласования вербального и невербального компонентов обратной связи на материале графических контурных изображений мимики и позы.

Обнаружено рассогласование вербального и невербального компонентов обратной связи в ситуации противоречия между эмоциональным отношением коммуникатора к реципиенту и эмоциональным знаком вербального сообщения.

Соотношение вербального и невербального компонентов ОС в экспериментальной и контрольной группе значимо различаются, а именно, в контрольной группе данные компоненты эмоционально согласованы, а в экспериментальной – эмоционально рассогласованы. И во втором случае, когда эмоциональное отношение коммуникатора к реципиенту противоречит эмоциональному знаку вербального компонента обратной связи, в качестве невербального компонента испытуемые часто выбирают позитивную мимику и негативную позу.

Результаты данного исследования в целом говорят о возможности использования выбора невербального компонента ОС в подобной ситуации как индикатора отношения к партнеру по взаимодействию, а также о возможности использования графических изображений невербального поведения для его изучения.

Главным итогом данного исследования является доказательство влияния эмоционального отношения коммуникатора к реципиенту на соотношение вербального и невербального компонентов обратной связи, что позволяет наметить содержательные и методические перспективы дальнейших исследований.

1. Артемьева Е.Ю., Основы психологии субъективной семантики. / Под ред. И.Б. Ханиной М.:1999, 350 с.
2. Горелов Н.И., Невербальные коммуникации.М.:1980, 104 с.

3. Лабунская В.А., Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов н/Д.: 1999, 592 с.
4. Мясищев В.Н., Психология отношений. М.: 1998, 362 с.
5. Соловьева О.В., Обратная связь в межличностном общении. М.:1992, 107 с.

УДК 159.9:343.95(470)

Проблемы проведения судебно-психологической экспертизы по делам о нанесении морального вреда в российской судебной практике

Старикова Ю.С.

Лаборатория психологического обеспечения учебного процесса Воронежского института МВД России

На современном этапе развития российского общества, в связи с усиленной тенденцией к демократизации, улучшения социальной жизни людей, массового правового просвещения в нашей стране люди все больше задумываются о своем психическом благополучии. В связи с этим становится необходимым развитие направления судебно-психологической экспертизы по делам о нанесении морального вреда. Данный вид судебно-психологической экспертизы очень широко применяется на западе, а в российской судебной практике только начинает формироваться, о чем свидетельствуют единичные случаи экспертизы в гражданских процессах. Одной из причин выступает недостаточная изученность самого понятия «моральный вред», которое является многогранным и требует четкого понимания и структурирования. В западной судебной практике экспертизы данного вида содержится множество различных по своей сути понятий: “Psychological injury” (психический вред), “psychiatric injury” (психиатрический вред), “nervous shock” (нервный шок, нервное потрясение), “ordinary shock” (обыкновенный шок, обыкновенное потрясение). В российской практике все эти понятия соединены воедино и не существует четких определений и границ морального вреда.

Проанализировав существующие литературные источники по данному вопросу, нам удалось выделить две составляющие понятия «моральный вред» в российской судебной практике. На данный момент в гражданском кодексе РФ моральный вред определяется как «физические или нравственные страдания». Определение содержания морального вреда как страдания означает, что действия причинителя вреда обязательно должны найти отражение в сознании потерпевшего (активизация защитных механизмов личности в аффективно-стрессовых условиях). А также вызвать определенную психическую реакцию потерпевшего (реакцию фрустрации и т.п.). При этом неблагоприятные изменения в охраняемых законом благах отражаются в сознании человека в форме негативных ощущений (физические страдания), негативных представлений или переживаний (нравственные страдания). Очевидно, что любое неправомерное действие или бездействие может вызвать у потерпевшего нравственные страдания различной степени и лишить его психического благополучия.

Однако, для оценки вреда, причиненного личности, и установления порядка его компенсации должно быть четкое отличие между моральным и физическим вредом. Причиненный моральный и физический вред отражается в разных сферах человеческой жизнедеятельности: соответственно, идеальной (духовной) и материальной (телесной), что предполагает и различие используемых принципов оценки причиненного вреда и его компенсации. Поскольку физические страдания вызваны физическим вредом, причиняемым в материальной сфере, они поддаются гораздо более объективной оценке, т.е. по своему смыслу компенсация физических страданий может приближаться к возмещению. Совсем по-другому обстоит дело с компенсацией нравственных страданий, вызванных вредом, причиненным в идеальной сфере. Они не могут быть оценены с позиций столь обобщенных, как физические, необходим максимально индивидуализированный подход к их оценке в рамках судебно-психологической экспертизы.

В данной ситуации проведения экспертизы, при изучении глубины причиненных нравственных страданий, целесообразно использование проективных методов исследования личности, так как они позволяют получить более полную и глубокую информацию о неблагоприятных изменениях, которые отразились в сознании человека в форме негативных ощущений или переживаний: страх, стыд, унижение или иное неблагоприятное в психологическом аспекте состояние.

Анализ оценки нравственных страданий в рамках судебно-психологической экспертизы по делам о нанесении морального в российской судебной практике, по-нашему мнению, предполагает постановку и решение следующих проблем:

Комплексное рассмотрение и уточнение психологических составляющих морального вреда.

Исследование поля применения данного вида экспертизы.

Проблема компенсации личности за принесенные нравственные страдания, в связи с их преднамеренностью или непреднамеренностью (по аналогии с зарубежной практикой данного вида экспертиз).

Исследование возможностей проективных методов в определении силы и глубины причиненных нравственных страданий.

УДК 159.95 (075.8)

Исследование психосемантического пространства ментальной картины мира

Суднева О.Ю.

Томский государственный университет

Картина мира – сложное многоуровневое явление, требующее особого подхода и описания. Ещё А.Н. Леонтьев отмечал, что проблема психического должна ставиться как «проблема построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности» [1].

С нашей точки зрения, образ мира может быть рассмотрен с позиций наличия в нем содержательной и формальной составляющих. С одной стороны, это «единый синкретичный символ» [2], который не может быть разложен на отдельные составляющие, а с другой, на его формирование оказывает непосредственное влияние весь эмпирический опыт, имеющийся у человека. Целостный образ мира получает континуальное изоморфное преломление по отношению ко всем объектам окружающей действительности. Данные составляющие могут быть названы смысловыми образами (смысловыми гештальтами представлений) тех или иных объектов и субъектов окружающего мира.

Учитывая всю сложность и специфичность данного феномена было разработано и проведено эмпирическое исследование психосемантического пространства ментальной картины мира на студентах (90 человек) гуманитарных факультетов.

Содержание образа мира было нами структурировано по отношению к отражению в нем человеком своей собственной личности, окружающего объективного мира и других людей.

В результате проведенного исследования были обнаружены некоторые различия в ментальной картине мира в аспекте личностных и смысловых детерминант, а также выявлено, что образные лингвистические средства языка (метафоры и фразеологизмы) отражают различные варианты поведения индивида, его адаптивные стили, отношение к себе, к другим людям, окружающему миру. На основании полученных данных был создан экспериментальный профиль

группы, который включал эмоциональную насыщенность, связность и позицию испытуемого по отношению к картине мира. Условно можно было бы выделить следующие типы:

Эмпирический образ мира характеризуется нравственно индифферентным отношением к окружающему миру, без апелляции к нормативно-ценностным категориям долженствования.

Позитивистский образ мира характеризуется наличием в вербализуемых личностных смыслах субъекта определенных нравственных догматов и правил отношения к своим личностным свойствам, к личностным свойствам других людей, а также к окружающему миру. В то же время в этом отношении заложена ориентация на удовлетворение только индивидуально обусловленных потребностей - в материальной обеспеченности, высоком социальном статусе.

Трансцендентный образ мира характеризуется «выходом человека за свои пределы», преодоление границ повседневной жизнедеятельности. Личностные смыслы, обуславливающие данный тип образа мира, характеризуются заботой о других людях, об их благополучии, что проявляется в наличии представления о том, насколько этот мир хорош не только для меня, но и для других людей, заботой об окружающем объективном мире.

1. Берулава Г.А., *Образ мира как мифологический символ*. М., 2001, с.32
2. Леонтьев Д.А., *Психология смысла*. М., 1999, с.487
3. Петренко В.Ф., *Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании*. М., 1983, с.177.

УДК 159.922.1

Исследование гендерных различий в структуре родительского отношения

Суханова К.Н.

Кемеровский государственный университет

Анализ современной психологической литературы показывает, что общепринятых определений таких терминов как «родительство», «родительская сфера», «родительская роль», «родительское отношение», «родительские установки» нет [1,2,3]. Границы между этими понятиями либо вовсе отсутствуют, либо очень размыты.

Наиболее часто используется термин «родительское отношение». Под родительским отношением (РО) мы понимаем избирательную в эмоциональном и оценочном плане психологическую связь родителя с ребенком, выражающуюся в действиях, реакциях и переживаниях, и возникающую под влиянием культурных моделей родительского поведения и собственной жизненной истории и личностных особенностей родителя.

Основные гипотезы проведенного нами исследования гендерных различий в структуре родительского отношения состояли в следующем:

- 1) в структуре РО можно выделить взаимосвязанные компоненты;
- 2) существуют значимые гендерные различия в структуре РО.

Для проверки гипотезы были использованы опросные и проективные методы: специально разработанная анкета; опросник Т. Лири, при помощи которого испытуемые оценивали себя и своего партнера, а также образы идеального отца и идеальной матери; Личностный дифференциал, с помощью которого выяснялось отношение к своему ребенку и образ идеального ребенка; опросник PARI (Измерение родительских установок и реакций), а также социограмма семьи и тест «Фигуры».

Выборку составили 38 супружеских пар (средний возраст мужчин 31 год, женщин – 30,2 года), имеющих одного ребенка в возрасте от года до семи лет.

Соединив теоретический анализ с факторным анализом результатов, мы выделили в структуре РО пять взаимосвязанных компонентов:

Потребностно-мотивационный компонент, включающий потребности и мотивы, побуждающие к рождению ребенка.

Ценностно-смысловой компонент РО, включающий две основные ценности: ценность ребенка и ценность родительства как состояния «быть отцом» и «быть матерью».

Эмоциональный компонент, состоящий из чувств по отношению к ребенку (то, что традиционно описывают как принятие-непринятие ребенка), а также из чувств по отношению к себе как к родителю - переживаний по поводу собственной роли, степени удовлетворенности ею.

Оценочный компонент РО, содержащий оценку себя как родителя, оценку своего партнера как родителя и оценку ребенка.

Поведенческий компонент, включающий как стиль воспитания, так и реальное поведение и операции, связанные с уходом за ребенком и общением с ним.

Исследование позволило обнаружить и описать гендерные различия во всех блоках РО. Для мужчин более значимыми являются мотивы самоизменения, для женщин – мотивы, связанные с развитием отношений с партнером (потребностно - мотивационный блок РО). Женщины чаще, чем мужчины видят в ребенке смысл своей жизни (ценностно-смысловой блок РО). Отцы в большей степени принимают своего ребенка, чем матери, но видят его более слабым и зависимым. Самооценки мужчин и женщин отличаются от оценок идеальных отца и матери по шкале «Независимость» теста Лири. Идеальные родители, по мнению испытуемых, должны быть более уступчивы, кроме того, идеальные матери должны быть дружелюбнее, а идеальные отцы - доминантнее (оценочный компонент РО).

Наше исследование подтвердило, что отцы оказываются эмоционально и физически дистанцированными от своих детей, а их партнерши порой выступают в роли посредников между ними и детьми. Причем подобное положение дел является традиционным для российской семьи.

Что касается поведенческого блока РО, то вопреки распространенному стереотипу мы обнаружили, что отцы принимают активное участие в уходе за ребенком младенческого возраста, впоследствии отдаваясь от проблем воспитания и взаимодействия с ребенком. В отличие от американок [4], российские женщины оценивают вклад своих партнеров в уход за маленьким ребенком так же высоко (иногда даже выше) как и сами мужчины, что может свидетельствовать о кросскультурных различиях. Модели материнства и отцовства различаются в функциональном плане (матери приписываются функции любви и заботы, отцу – защиты и воспитания), а в плане личностных характеристик очень похожи. Идеальный родитель – это уверенный в себе, доминантный человек с гиперсоциальными установками.

1. Кон И. С., *Ребенок и общество* (Историко-этнографическая перспектива). М., 1988.
2. Смирнова Е. О., Быкова М. В., *Структура и динамика родительского отношения//Вопросы психологии*, 1999. №6. С. 29–35.
3. Филиппова Г.Г. Психология материнства. М., 2002.
4. Mothers views on fathers performance // www. fathers. com

Исследование социально-психологической компетентности будущих педагогов

Сысолятина М.В.

Российский государственный профессионально-педагогический университет

По мере развития общества изменяются, усложняются различные виды профессионального труда, в том числе педагогического. Модернизация профессиональной школы направлена на повышение качества деятельности выпускников профессиональных учебных заведений.

Возрастание роли профессионализма в современных условиях с особой остротой ставит проблему профессиональной компетентности специалиста.

Предметом нашего исследования является социально-психологическая компетентность, которую мы рассматриваем, как способность индивида эффективно взаимодействовать с окружающими его людьми в системе межличностных отношений, а именно, умение ориентироваться в социальных ситуациях, правильно определять личностные особенности и эмоциональные состояния других людей, выбирать адекватные способы обращения с ними и реализовывать эти способы в процессе общения.

Социально-психологическая компетентность педагога включает его осведомленность в области процессов общения, происходящих в группах, с которыми он работает, процессов, происходящих внутри групп, как между учащимися, так и между педагогом и группами, педагогом и учащимися, знание того, в какой мере процессы общения содействуют или препятствуют достижению искомых педагогических результатов. Современные экспериментальные исследования доказали, что она сформирована на достаточно высоком уровне у преподавателей, владеющих мастерством в области воспитания.

Социально-психологическая компетентность сказывается на восприятии пробных групп, в которых преподаватели разных уровней продуктивности ведут преподавание. По данным исследователей, чем выше уровень продуктивности преподавателя, тем более высокую оценку он дает учебным группам, в которых ведет преподавание [1]. Оптимальным можно считать такой процесс педагогического общения, при котором педагог, оставляя за собой активную роль, умеет строить общение как взаимный обмен знаниями, идеями, представлениями, интересами, настроениями, чувствами и тому подобное.

Структура процесса общения, предложенная в современной психологии, позволяет выделить два взаимосвязанных компонента: социально-перцептивный, отражающий внутреннюю сторону педагогического общения и коммуникативный, проявляющийся во внешней стороне педагогического общения.

В результате исследования коммуникативных и организаторских склонностей мы получили следующие результаты: значительное большинство студентов 3-го курса (87%) педагогических и профессионально-педагогических вузов отнесены к группе с очень высоким уровнем проявления коммуникативных и организаторских склонностей, они испытывают постоянную потребность к коммуникативной и организаторской деятельности. Оставшаяся часть обследуемых (13%) отнесены к группе с высоким уровнем проявления коммуникативных и организаторских склонностей. Они обычно не теряются в новой обстановке, быстро находят друзей, занимаются общественной деятельностью.

А также, большинству испытуемых присущи высокий (50%) и средний (43%) уровни выраженности социально-коммуникативной адаптивности, что говорит об их пластичности, гибкости в общении, развитом умении взаимодействовать с самыми различными людьми, о легком приспособлении к изменяющимся обстоятельствам; и лишь небольшой процент учащихся (7%) характеризуются, как более стеснительные, замкнутые, скромные, менее уверенные в себе, что скорее всего, может быть связано с индивидуально-психологическими особенностями личности.

В заключении сделаем следующие выводы:

а). Обзор имеющихся подходов к рассмотрению структуры профессионально-педагогической компетентности показал, что социально-психологическая компетентность является значимым критерием анализа деятельности преподавателя.

б). Социально-психологическую компетентность можно рассматривать как совокупную характеристику субъекта общения, состоящую из социально-перцептивной компетентности, связанной с когнитивной и эмоциональной сферами личности, и коммуникативной компетентности, относящейся к когнитивной ее сфере.

в). Полученные результаты исследования свидетельствуют о слабой выраженности социально-психологической компетентности студентов третьего курса, что подтверждает необходимость введения психологического и профессионального сопровождения будущих педагогов.

1. Лукьянова М.И., «Психолого-педагогическая компетентность учителя» // *Педагогика*, 2001, №10, С.56-63.

Самораскрытие личности в процессе социально – психологического тренинга (СПТ)

Тепина М.Н.

Ростовский государственный университет

В настоящее время особенности самораскрытия личности в тренинговой группе остаются мало изученными, хотя актуальность их исследования очевидна. Это связано с тем, что самораскрытие играет значимую роль в процессе СПТ. Известно, что одним из основных условий достижения эффективности от посещения тренинга и достижения катарсиса клиентом, является открытость и честность, достигаемая через самораскрытие [1, 3]. Кроме того, самораскрытие участников тренинга – это основа для построения и развития межличностных отношений внутри группы [2].

В рамках дипломного проекта нами было проведено исследование, целью которого было изучить динамику самораскрытия личности в СПТ. Цель конкретизировалась в следующих задачах: 1) проследить динамику различных параметров самораскрытия участников СПТ; 2) рассмотреть степень соответствия потенциального (ожидаемого) и реального (реализованного) самораскрытия членов группы; 3) исследовать самооценку динамики личностных особенностей участников СПТ.

Для решения этих задач нами была разработана программа тренинга «Самопознание и самораскрытие», рассчитанная на 20 часов. Эмпирическим объектом исследования явились 34 человека - участники СПТ: 2 группы включали учеников старших классов и 2 группы студентов 2 курса гуманитарного ВУЗа.

Дополнительно использовались следующие психодиагностические методики: модифицированный опросник С.Джурарда; анкеты, разработанные автором, направленные на изучение динамики самораскрытия и эффективности СПТ. Была также введена специальная процедура измерения реального и потенциального самораскрытия. Замеры проводились в начале и в конце тренингового цикла.

Были получены следующие результаты:

1. В начале тренинга средний показатель объёма самораскрытия составил 280 баллов. У 22% участников он был намного выше среднего, 50% имеют немного выше среднего балла, что говорит о высокой готовности этих людей к самораскрытию уже на первых занятиях; 28% имеют низкие показатели по этому параметру, они готовы рассказать о себе только некоторым участникам (как правило, своим друзьям) и тренеру, но лишь в общих чертах; 80% участников не готовы общаться в группе на такие темы, как «тело», «финансы», «учёба» и «взаимоотношения»; 60% в начале тренинга испытывают позитивные эмоции от занятий, им нравится, когда другие участники рассказывают о себе, им хотелось бы поговорить об особенностях характера, о взаимоотношениях; 40% не уверены, что смогут установить доверительные отношения с группой, это может быть объяснено с одной стороны, их личностными особенностями, а с другой, закономерностью групповых процессов в СПТ.

2. В начале тренинга уровень потенциального и реального самораскрытия не совпадал у 80% участников (потенциальное самораскрытие было меньше реального) и лишь у 20% он соответствовал. К концу СПТ эти оценки совпадали у 90% респондентов.

3. В конце тренинга показатель объёма самораскрытия увеличился у 70%; у 10% эти баллы остались неизменными; у 20% они снизились, причём это оказались те участники, которые имели изначально высокий балл. Наряду с этим увеличилась дифференцированность самораскрытия: 80% стали выделять людей, с которыми они готовы поговорить на конкретные темы полно и откровенно и людей, с которыми они обсудили эти же темы лишь в общих чертах. Такие темы, как «конфликты с однокурсниками», «перспективы в карьере» 70% участников готовы раскрыть в группе полно и откровенно. Категория «тело» по-прежнему остаётся «закрытой» для 40% участников, однако 60% готовы рассказать полно и откровенно о «своих недостатках, достоинствах», «своем настроении».

На основе полученных результатов, можно сделать следующие выводы: 1). В процессе тренинга увеличиваются такие параметры самораскрытия, как объём, глубина, дифференцированность, избирательность. 2). Объём реального и потенциального самораскрытия начинают совпадать. 3). После тренинговых занятий у всех участников стали более выражены такие личностные качества, как способность устанавливать доверительные отношения, целеустремлённость. Большинство из них избавились или минимизировали, имевшуюся боязнь перед публичным самораскрытием, страх говорить «нет», от застенчивости.

Таким образом, предлагаемая нами тренинговая программа даёт возможность получить навыки самовыражения, способствует оптимизации самораскрытия. В процессе тренинговых занятий участники приобретают опыт доверительных отношений и безусловного принятия другого, у них формируются умения регулировать характеристики самораскрытия в зависимости от ситуации и особенностей партнера по общению. А также в ходе тренинга происходит изменение представлений об окружающих: осуществляется переход от одномерного восприятия к более дифференцированному, многомерному и разнообразному.

1. Амяга Н.В., *Самораскрытие и самопредъявление личности в общении*. М., 1991, с.37-74.
2. Зинченко Е.В., «Самораскрытие личности как социально-психологический феномен»// *Психологический Вестник РГУ*, 1999, вып.4, с.147 – 152.
3. Шкуратова И.П., *Мотивация самораскрытия в межличностном общении*. М., 1999, с.69 - 78.

УДК 316.6

Толерантность и групповая принадлежность (на примере групп различных по сексуальной ориентации)

Терехова Е.С.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Ученые отказываются обсуждать вопрос о "правильной" и "неправильной" сексуальности, предоставляя людям право делать свой собственный выбор.

История, антропология и социология показывают, что разные общества и культуры отличаются друг от друга не только количественно, по степени своей терпимости, но и качественно; они по-разному конструируют половые и сексуальные идентичности и регулируют связанные с ними чувства и отношения. При этом в любом сколько-нибудь сложном обществе существует не один, а несколько нормативных сценариев, что делает индивидуальные вариации сексуального поведения не только возможными, но и неизменными.

Психология показывает, что траектории индивидуального развития и их конкретные результаты также не являются единообразными. В зависимости от своей биологической индивидуальности и особенностей воспитания мальчики и девочки оказываются более или менее маскулинными или фемининными, и это оказывает влияние на выбор любимых занятий и товарищей по играм, а также на самосознание и сексуально-эротические предпочтения, которые постепенно кристаллизуются в относительно стабильную сексуальную ориентацию. Но любая сексуальная ориентация многомерна и имеет множество индивидуальных вариантов [1].

Проведенная работа - это попытка исследования психологии группы людей, субкультуры со своим категориальным аппаратом со своей системой ценностей, со своими стереотипами, со своей системой отношений. Целью проведенной работы было изучение социальной толерантности личности в аспекте ее групповой принадлежности.

Поставленная цель была реализована с помощью решения следующих задач:

I) Теоретические (проследить исторические предпосылки проблемы) – был проведен анализ литературы по данной теме, выявление социокультурных и исторических предпосылок рассматриваемого феномена, выделение групповой принадлежности, а так же природы самого феномена на основе социологических, генетических и психологических данных.

II) Методические (создание эмпирической программы исследования) – проведен анализ существующих методик и индексов измерений основных исследуемых феноменов, результатом которого стала программа исследования, включающая в себя следующие методики: 1. «Индекс толерантности» (Солдатова Г.В., Хухлаев О.Е., Шайгерова Л.А., Кравцова О.А.); 2. «Диагностический тест отношений» (Солдатова Г.В.); 3. Методика «Базовые утверждения» (Янов-Бульман); 4. «Методика Исследования Самоописания» (Столин В.В.)

III) Эмпирические (измерение индекса толерантности, исследование базовых установок, отношений к себе, к образу «женщины» и «мужчины», «типичному представителю круга» группы.) – было проведено тестирования согласно разработанной программе исследования.

Объект исследования - группы людей, возрастом от 20-30 лет, различные по сексуальной ориентации. Гомосексуальная группа (1): мужчины (8 человек), женщины (13 человек), гетеросексуальная (2): мужчины (10 человек), женщины (9 человек). Вторая группа может рассматриваться как контрольная. Общая выборка 40 человек.

Высокий уровень образования, гуманитарная направленность профессионального выбора, а так же актуальные личностные установки как самооценочность, интроспекция, самопознание, креативность – есть специфика групповой принадлежности представителей гомосексуального общества.

На этом основании строится наша гипотеза о том, что толерантность в гомосексуальном обществе превышает уровень толерантности в гетеросексуальном обществе.

Результаты:

1) Измерив, уровень толерантности, было выявлено различие между двумя группами (опытной и контрольной). Средний уровень по опытной группе составил 96 баллов, а средний уровень по контрольной 84 балла.

2) Выявлена связь между толерантностью и базовыми убеждениями. На основе данного факта можно предположить о том, что толерантность произрастает на почве самых ранних базовых ментальных структур, она является важнейшим компонентом в формировании личности.

3) Выявлена взаимосвязь между толерантностью и определением структуры «Я» самим человеком, в частности между такими факторами, как аутосимпатия, самооценочность, самоинтерес, самопринятие, самообвинение, ожидание положительного отношения со стороны других людей. Это связано с тем, что для успешного межличностного взаимодействия, для достижения успехов в карьере и семейных отношениях, где безусловным фактором является толерантность, все перечисленные нами характеристики имеют равное большое значение. Интересным своего рода открытием стала связь между толерантностью и самообвинением человека. Пытаясь объяснить полученный результат, мы предположили, что человек, который склонен винить себя в своих промахах является более толерантным по отношению к другим людям, нежели человек, который видит в своих проблемах другие причины, неудачно сложившиеся обстоятельства или же обвиняет во всем других людей. Мы выявили, что значение по шкале самообвинения выше у опытной группы. Мы можем предположить, что такой факт связан с постоянным давлением со стороны традиционного общества на гомосексуального мужчину или женщину.

Практическая значимость работы заключается в наработке данных, способствующих оптимизации межгрупповых отношений, а так же в психотерапевтическом консультировании гомосексуалистов, что представляет на данный момент большое затруднение в связи с особенностями психологии гомосексуалистов.

1. Кон И.С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. М.: "Олимп", 1998г – 468 с.

УДК 159.97

Проблематика эгоцентрической речи в норме и патологии

Толкачев А.В.

Сургутский государственный университет

Понятие эгоцентрической речи появилось на свет в рамках генетической эпистемологии Ж. Пиаже. Центральной особенностью мышления является эгоцентризм, а его проявление в речи – эгоцентрическая речь, т.е. речь, когда ребенок говорит о себе, и главным образом, не пытается встать на точку зрения собеседника. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского представляет эгоцентрическую речь как переходный этап от внешней социальной речи к внутренней.

Экспериментальные данные нашего исследования генезиса эгоцентрической речи в норме (дошкольники, подростки) показали, что эгоцентрическая речь – это такой вид речи, который источником своего возникновения имеет проблемную ситуацию и характеризуется произвольностью, с периодом первого появления на свет от 3 до 7 лет. Существует эгоцентрическая речь для себя (решение проблемной ситуации достигается путем развертывания своей ориентировки в поле затруднения) или для другого (разрешение проблемы путем привлечения другого в область проблемной ситуации). В целом, эгоцентрическая речь выполняет функции: 1) *планирование дальнейшей деятельности;* 2) *сопровождение своей деятельности;* 3) *фиксирование конечного результата или практической операции;* 4) *ритмизация деятельности;* 5) *выражение эмоциональной стороны;* 6) *попытка привлечения к себе внимания;* 7) *развертывание своей ориентировки.*

Предметом нашего исследования является эгоцентрическая речь у детей с нарушениями в развитии (на примере умственной отсталости), что позволяет проследить механизмы эгоцентрической речи при исключении или нарушении отдельных условий ее появления и т.д.

Исследование направлено на решение ряда задач: 1) выявление феноменологии эгоцентрической речи у детей с нарушениями в развитии; 2) прослеживание условий и причин возникновения эгоцентрической речи, в частности, влияния другого ребенка на количество и характер эгоцентрической речи; 3) изучение функция эгоцентрической речи у детей с нарушениями в развитии.

В исследовании приняло участие 14 детей (13-14 лет) с диагнозом умственная отсталость легкой степени. Выбор возрастного диапазона испытуемых обусловлен смещением возрастных рамок психического развития при умственной отсталости - стойком психическим недоразвитием с ведущей недостаточностью познавательной деятельности при стойком дефиците абстрактного мышления, процессов обобщения и отвлечения в сочетании с нарушенной динамикой, инертностью психических процессов.

Испытуемым предлагалась затруднительная деятельность (задачи на творческое мышление: распутывание завязанных гвоздей, складывание пирамидки), в ходе которых возникала эгоцентрическая речь (на решение каждой задачи отводилось 15 минут). В первой серии исследования испытуемые работали индивидуально (решение 2 задач). Во второй серии двое испытуемых решали самостоятельно аналогичные задачи, находясь в одном помещении (на расстоянии метра друг от друга).

В результате мы получили следующие закономерности. Для проявления эгоцентрической речи при решении задачи важна не только сложность выполнения задачи, но и возможность вербализации хода решения. Со стороны испытуемого необходимо наличие мотивации и, самое главное, способность использовать речь в качестве орудия своей деятельности.

Ребенок может почти решить задачу, остается только последний, легкий, шаг – перевернуть пирамиду на бок или даже просто вытащить разомкнутые гвозди, но ребенок не видит его и не может сделать, а если это и происходит, то случайно, спонтанно, произвольно. Сама эгоцентрическая речь развертывается, как бы опробывая пространство: от движения губ к шепоту, к различению слов с постепенным нарастанием громкости.

В нашем исследовании прослеживалась такая закономерность: с возрастом двигательной активности снижалось количество эгоцентрической речи. С невозможностью отразить действия с помощью слова испытуемые постоянно соскальзывали на воспроизведение всего хода движений, как бы в надежде на то, что они «выдадут сами себя». Наглядно-действенное манипулирование с гвоздями или частями пирамидки становилось наиболее приемлемым вариантом решения задачи. Речь появлялась как отражение отношения к деятельности, а не как орудие этой деятельности. Речь выражала осознание субъектом *наличия* проблемы, но не осознания *смысла* данной проблемы и, тем более, ее решения.

Мы предполагаем, что количество и характер эгоцентрической речи зависят также от сложившегося у субъекта способа взаимодействия с окружающими, от его привычки вовлекать или, наоборот, не впускать другого в свою деятельность. Так, например, небольшой разрыв между эгоцентрической речью при индивидуальном и парном выполнении может свидетельствовать об отсутствии стереотипа совместной деятельности, а, следовательно, и стереотипа означивания и раскрытия своих действий для другого.

Быстрое свертывание эгоцентрической речи у детей с умственной отсталостью по сравнению с нормой свидетельствует не о более продуктивном развитии данной формы речи, а, наоборот, о ее недоразвитии и недоразвитии

речи в целом. Бедность внешней речи обуславливает бедность и сложность развития эгоцентрической речи и, в свою очередь, бедность внутренней речи. Таким образом, в проблемной ситуации вторичная эгоцентрическая речь (как развертывание внутренней) отличается «лаконичностью».

Для более оптимального психического развития необходимо развивать, даже специальным образом организовывать, эгоцентрическую речь как переходный этап в развитии речи и, следовательно, средство развития высших психических функций в целом.

УДК 159.99

Внутренняя картина здоровья в юношеском возрасте

Труханович Н.В.

Томский государственный университет

В последнее время в психологии появился научный интерес к проблемам здоровья. Изучение проблемы отношения человека к своему здоровью В.Е.Каганом, В.Н.Панкратовым показало, что обязательным фактом является формирование внутренней картины здоровья (ВКЗ), как психологической структуры личности, где сформулирована определенная целевая установка, а также возможные пути достижения этой цели [1], [2].

Здоровье, его наличие или отсутствие, будет определять качество становления личности юноши. Поэтому очень важно, чтобы в период юношества сложилось особое отношение к здоровью, выражающееся в осознании его ценности, и активно-позитивное стремление к его совершенствованию, то есть оформилась ВКЗ [3]. В связи с этой проблемой важным видится характер субъективной оценки здоровья, качество накопленных знаний и представлений о нем, положение здоровья в структуре жизненных ценностей, определенное эмоциональное отношение к проблемам здоровья, известные пути достижения и укрепления своего здоровья [2].

В проведенном нами исследовании представлений студентов о здоровье участвовало 72 человека - студенты ТГУ в возрасте 18-23 лет. В качестве методов сбора эмпирического материала использовались методики: «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» (Е.Б.Фанталова), «Неоконченные предложения».

В результате проведенного исследования выявилось, что в юношеском возрасте ведущими ценностями являются ценность любви, ценность здоровья и наличия друзей. Лишь для 3 % испытуемых здоровье в структуре жизненных ценностей занимает одно из последних мест, но по уровню доступности – одно из первых. Примерно 30 % испытуемых отметили, что здоровье для них достаточно ценно, но практически не доступно, что отражается в том, что здоровье для них – это, в основном, отсутствие болезни и боли. Как отметила данная категория испытуемых, они обычно себя чувствуют «нездоровыми». Для остальных испытуемых здоровье является высоко значимой жизненной ценностью и достаточно доступно в их жизни.

Для большинства испытуемых здоровье, как ценность, оказалось теснее связанным в сознании с ценностью счастливой семейной жизни. Эти данные выявились при помощи факторного анализа. Счастливая семейная жизнь в сознании молодежи не коррелирует с ценностью любви, однако, обусловлена наличием в их жизни здоровья, как ресурса, условия их активности и развития, деятельной жизни.

Когнитивный компонент ВКЗ у студентов характеризуется знаниями о здоровье, выражающимися в определении здоровья как физического благополучия, отрицания болезней и психологического благополучия - наличия счастья, успеха в личной жизни. Здоровье является более дифференцированным, многозначным понятием, а нездоровье, как часть ВКЗ, является лишь отрицанием здорового состояния. Юноши себя чувствуют обычно «здоровыми», «хорошо», «прекрасно», когда они активны, деятельны, когда нет сильных отрицательных эмоциональных состояний.

Поведенческая сторона ВКЗ характеризуется знаниями личности о причинах своего нездорового состояния и путей его преодоления. Так, большинство испытуемых убеждены, что активная деятельность является главной причиной здорового самочувствия. Здоровье достигается и укрепляется с помощью привычек здорового образа жизни, а также путем изменения себя как личности, своих взглядов и убеждений.

Большинство испытуемых отметили, что, ощущая себя здоровыми, они чувствуют подъем настроения, радость, желание улыбаться. Этим характеризуется эмоциональный компонент ВКЗ.

Смысловая сторона ВКЗ зависит от соотношения «ценности» и «доступности» здоровья в жизни. Чем недоступней, но ценней оно является для человека, тем четче проявляется тенденция избежать болезней, некоторый страх перед болью и планирование действий для предотвращения возвращения болезненного состояния. У юношей, у которых диагностирован «внутренний вакуум» в отношении здоровья, наблюдается снижение побуждений в отношении сохранения здоровья, которое не является главной ценностью в их жизни. Наблюдается тенденция траты здоровья, как незамечаемого состояния. Чем больше совпадают уровни «ценности» и «доступности» здоровья, тем яснее отслеживается тенденция к определению здоровья, как условия, ресурса для развития личности. Наблюдается активно-позитивное стремление не избежать болезни, а укрепить здоровье путем внутреннего обогащения и развития.

1. Каган В.Е., «Внутренняя картина здоровья – термин или концепция?» // *Вопросы психологии*, 1993, № 1, С.86-88

2. Никифоров Г.С., *Психология здоровья*. СПб., 2000, с.240.

3. Красильников Г.Т., Сыч Л.Н., Галина Л.Л., «Внутренняя картина здоровья как медико-психологическая проблема» // *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*, 1996, № 2, С.19-21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ctmed.ru>

УДК 159.98

Профессиональный опыт специалиста как предмет психологического исследования

Тукачев Ю.А.

Российский государственный профессионально-педагогический университет

Тенденции развития психологии труда как научной отрасли обуславливают необходимость обращения к вопросу о соотношении традиционной проблематики научных исследований с новыми задачами, которые ставит перед психологией жизнь (О.Г.Носкова). Отмечается, что определенные социально-экономические условия способствуют росту актуальности исследования проблем развития человека как субъекта труда (например, проектирование профессиональной карьеры, преодоление кризисов профессионального становления, психологическая помощь безработным гражданам, профессиональная переориентация взрослых, профилактика профессиональных деформаций, организация профессионального обучения, внутрифирменной подготовки кадров и повышения квалификации специалистов).

Профессиональный опыт специалиста на рынке труда и в организации становится актуальной областью исследования в проблемном поле психологии профессионализации взрослого человека (Ф.С. Исмагилова). К психологическому анализу профессионального опыта обращаются при решении разнообразных задач: профессиональный подбор кадров, психологическая помощь безработным гражданам, определение содержания, форм и методов профессиональной подготовки и повышения квалификации взрослых, проектирование профессионального пути специалиста в организации, реализация программ по профессиональной адаптации работников с разным стажем работы и т.д. Исследования профессионального опыта также приобретают значимость в связи с пересмотром норм многих видов деятельности, изменением мира профессий (появлением новых профессий наряду с дифференциацией и интеграцией одних и «отмиранием» других). Более того, важнейшие профессиографические сведения о профессиях имеют тенденцию к быстрому моральному старению. Социальный и научно-технический прогресс, изменение технологий производства, а также расширение спектра требований к специалисту на рынке труда обуславливают быстрое устаревание профессионального опыта специалиста еще до завершения профессиональной жизни (выхода на пенсию).

Следует также остановиться на рассмотрении теоретических предпосылок исследования профессионального опыта: во-первых, это развитие всего комплекса наук о человеке, реализация системного и комплексного подходов в психологии (Б.Ф. Ломов, Б.Г. Ананьев); во-вторых, исследования зарубежных и отечественных ученых по проблемам психологии профессионального развития (Б.Г. Ананьев, В.А. Бодров, Н.С. Глуханюк, А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, Э.Ф. Зеер, Ф.С. Исмагилова, Е.А. Климов, Т.В. Кудрявцев, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, Л.М. Митина, Г.С. Никифоров, К.К. Платонов, А.Р. Фонарев, В.Д. Шадриков, В.М. Шепель и др.), по проблемам становления личности (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.В. Брушлинский); в-третьих, рассмотрение профессионального развития в единстве с личностным (Л.М. Митина). Анализ исследований профессионального опыта позволяет сделать вывод о том, что ученые по-разному понимают этот сложный психологический феномен и рассматривают его как совокупность знаний, умений и навыков (К.К. Платонов), как распределенную в сознании человека его деятельность (А. Турчинов), как сложную систему, включающую в себя способы, приемы и правила решения трудовых задач (Ю.К. Стрелков), как совокупность событий или «техник жизни» человека, актуализируемых в различных профессиональных ситуациях (Л.И. Анцыферова), как упорядоченные в сознании образы пережитых событий (А.А. Кроник, Л.Ф. Бурлачук, Е.Ю. Коржова), как результирующую психических процессов, в которой закреплены все профессиональные знания, умения, навыки, способы и технологии деятельности, с которыми сталкивается за свою жизнь человек (Э.Ф. Зеер) и т.д. Важно также то, что внимание исследователей в большей степени акцентировалось на проблеме освоения опыта развивающейся личностью, в меньшей степени на проблеме формирования опыта в зрелом возрасте, а вопрос о научении опыту фактически не ставился.

В заключении хотелось бы отметить, что профессиональный опыт как предмет психологического исследования может выступать в трех аспектах: 1.) при решении практических, прикладных задач психологии и акмеологии; 2.) изучении феноменологии опыта (опыт имеет свои психологические особенности и структуру); 3.) рассмотрение опыта в динамике, изучение проблемы формирования опыта, научения опыту и его передачи. Наряду с этим существует также проблема разработки эффективных методов психологической оценки профессионального опыта специалиста. При этом широкие возможности для оценки опыта открывают методы экспериментальной психосемантики.

Таким образом, одним интереснейших направлений научных поисков составляющих мастерства, профессионализма человека является изучение проблемы профессионального опыта (изучение механизмов формирования опыта, раскрытие его составляющих и их взаимосвязи, разработки научного инструментария психологического анализа и т.п.).

УДК 159.922

Исследование взаимосвязи способности к самоактуализации и состояния психоэмоциональной сферы больных остеохондрозом

Тукаева А.Т.

Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова – Ленина

В современных условиях с возрастанием темпа жизни, предъявлением более высоких требований к самостоятельности, инициативе, предприимчивости человека все больше увеличивается степень психических нагрузок, ухудшается психическое и соматическое состояние человека. В этой ситуации все более актуальным становится изучение психического и соматического здоровья человека. Однако лечение психосоматических больных направлено, прежде всего, на снятие болевых синдромов. Много тренингов, направленных на устранение тревожности, напряжения и очень мало влияния уделяется индивидуально – психологическим особенностям человека.

Целью нашего исследования является анализ взаимосвязи способности к самоактуализации и состояния психоэмоциональной сферы больных остеохондрозом. Выдвинута следующая гипотеза: больные, имеющие высокие показатели тревожности, нейротизма и стресса, имеют недостаточный уровень развития базовых компонентов способности к самоактуализации.

Анализ полученных результатов показал, что больные с высоким уровнем тревожности, нейротизма, стресса имеют низкие показатели базовых шкал самоактуализации, свидетельствующие о недостаточной способности видеть свою жизнь целостной, о конформности и внешнем локусе контроля этих больных. Возможно, это ведет к возникновению тревожных состояний, поскольку такой человек внутренне пассивен и не направлен на активное преодоление каких – то стрессоров, их переработке, зависит от внешних обстоятельств и считает, что все является результатом действия внешних сил. Возможно, сама личностная тревожность может приводить к неумению целостно воспринимать свою жизнь и мир в целом, к конформности человека. Больные характеризуются недостаточной способностью принимать себя, свои отрицательные эмоциональные переживания, чрезмерно критическим отношением к себе, раздражительностью и пассивным отношением к здоровью и процессу лечения.

Все это свидетельствует о значимости таких личностных конструктов, как самопринятие, независимость, компетентность во времени в процессе самоактуализации и о необходимости их развития для психического и соматического здоровья.

Таким образом, можно заключить, что у данных больных недостаточный уровень развития базовых компонентов способности к самоактуализации, что может вести к каким – либо нарушениям в психоэмоциональной сфере, которые способствуют соматическим расстройствам.

Интерпретация образа врага и друга как мужчины или женщины в общении

Тулинова Д.Н.

Ростовский государственный университет

Традиционно, в отечественной социальной психологии межличностное общение рассматривается как процесс взаимодействия, по крайней мере, двух людей, направленный на взаимное познание, на установление и развитие взаимоотношений, оказания взаимовлияния на состояние, взгляды, поведение и на регулирование совместной деятельности (Мясищев В.Н., Бодалев А.А., Андреева Г.М., Куницына В.Н.). Устанавливаемые в результате межличностные отношения по критерию качества и модальности разделяются на отношения дружбы и вражды, симпатии, привязанности, любви и антипатии, ненависти и т.д. (Мясищев В.Н.). Дается определение дружбы, как близких отношений, основанных на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т.п. (Кон И.С., Лосенков В.А., Обозов Н.Н., Кроник А.А., Кроник Е.А.) и вражды, как отношений, проникнутых неприязнью и ненавистью (Мясищев В.Н.). В зарубежной социальной психологии чаще всего дружба рассматривается в рамках концепции межличностной аттракции. Выделяются ситуационные, когнитивные и гендерные факторы возникновения дружбы. Вражда изучается в пределах агрессивного поведения, где выделяются ряд теорий и подходов, наиболее базовыми из которых являются психоаналитический подход, теория социального научения и теория фрустрации-агрессии (Берон Р., Ричардсон Д.).

В свете существующих взглядов встает вопрос об особенностях образа врага и друга, возникающего в результате отношений вражды и дружбы. Поэтому, в нашем сообщении мы поставили задачу рассмотреть особенности образа врага и друга, как результата отношения вражды и дружбы в межличностном общении, что и стало целью нашего пилотажного исследования.

На основе теоретических выводов было выдвинуто предположение о том, что интерпретация образа врага и друга отличается в зависимости от принадлежности врага и друга к определенному полу (мужчина или женщина), и сами интерпретации образа врага и друга будут качественно разными. В ходе эмпирического исследования для определения формально-содержательных характеристик представлений о враге и друге была создана анкета, включающий 26 полярных характеристик: 16 личностных параметров, взятых из 16-ти факторного опросника Р. Кетелла, и 10 характеристик внешнего облика. Были составлены анкеты для образа врага, как мужчины, так и женщины, и образа друга как мужчины так и женщины.

Объектом исследования стали студенты технического вуза в количестве 100 человек (50 девушек и 50 юношей), в возрасте от 19 до 21 года.

Опираясь на результаты сравнения групповых интерпретаций образа врага и друга можно сделать следующие выводы:

Интерпретации образа врага и друга имеют количественные и качественные различия.

Интерпретации врага и друга отличаются по степени наполненности содержательными конструктами, поскольку представление о друге включает значительно больше характеристик личности, чем представление о враге.

Интерпретация врага содержит отрицательные характеристики личности и внешнего облика, а интерпретация друга включает только положительные характеристики личности и внешнего облика.

Интерпретации друга мужчины и друга женщины имеют значимые отличия, отражающие поло-ролевые установки и гендерные стереотипы современного общества. Мужчина друг должен быть независимым, смелым, доминантным и практичным. Женщина друг должна быть мягкой, доверчивой, дисциплинированной и безыскусственной.

Интерпретация врага мужчины и врага женщины имеют отличия, также отражающие существующие гендерные стереотипы. Наличие у женщины маскулинной черты – доминантность, является условием отнесения ее к группе врагов. Присутствие у мужчины ряда фемининных качеств, например, безыскусственность является условием его отнесения к категории врагов.

Внешний облик женщины врага является более привлекательным, чем внешний облик мужчины врага.

Зависимость скорости чтения и усвоения текстовой информации от носителя информации

Тулубаева С.И.

Петрозаводский филиал международного славянского института

В настоящее время происходит стремительный рост и распространение компьютерных технологий во всем мире. В связи с этим вызывает большой интерес, в каком виде представлена информация (электронные или бумажные носители).

Целью данной работы является выявление зависимости скорости чтения и усвоения текстовой информации от носителя информации.

Объектом исследования является восприятие текстовой информации.

Предметом: скорость чтения и усвоение при чтении текста на различных носителях информации.

Выдвигаемая гипотеза: скорость чтения и усвоение текстовой информации зависит от носителя информации.

Задачи данной работы:

1. Измерить скорость чтения текста на электронном и бумажном носителях.
2. Оценить степень усвоенности текстовой информации.
3. Сравнить полученные в результате исследования данные. Провести качественный и количественный анализ.

В исследовании приняли участие студенты Петрозаводского филиала Международного славянского института.

Для изучения данной темы: «Зависимость скорости чтения и усвоения текстовой информации от носителя информации» использовались методики:

1. Для измерения скорости чтения использовалась методика оценки скорости чтения [1, с.196], где предлагалось прочитать текст за 1 минуту. Далее подсчитывалось количество прочитанных слов.

2. Оценка усвоения текстовой информации проводилась с помощью методики дополнения [1, с.198]. Оценка представлена в процентных показателях. Для проведения данного исследования участникам выдавались образцы текста с пропущенными словами в последовательности 1-5, т.е. пропущено каждое 5-ое слово.

В качестве текстов для чтения предлагались два фрагмента текста на бумажных носителях и два в электронном виде: размер шрифта 14пт, Times New Roman, полуторный интервал между строк из источников [2, с. 130-131] и [3, с. 312, 324].

В качестве носителей информации были выбраны:

Монитор LG StudioWorks Monitor;

Ксерокопии текстов с сохранением характеристик представленных в книгах.

Исследование проводилось в следующем порядке: сначала каждому участнику предлагалось прочитать фрагмент текста, затем ими заполнялись образцы текста с пропущенными словами, (образцы текста были представлены на бумажных носителях).

Анализ данных показал, что нет существенных различий в скорости чтения и усвоения текстовой информации в зависимости от носителя информации. Для оценки статистической значимости использовалась формула критерия Стьюдента.

1. *Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии.* // Под общей ред. А. А. Крылова, С. А. Маничева. СПб Питер, 2000.
2. *Энциклопедия женщины.* СПб СПИКС, 1995.
3. Р. С. Немов., *Психология.* М.: ВЛАДОС, 1998.

УДК 159.923.2

Изучение тревожности у лиц с психосоматическими заболеваниями

Удотова Е.Л.

Воронежский государственный университет

«Субъективные ощущения, такие как страх, злость, отвращение, радость, печаль мобилизуют исключительно сложные телесные процессы, такие как изменения сердечного ритма и дыхания, деятельности желудочно-кишечного тракта, изменение в мускульной системе и железах. Все эти процессы, в которых начальные звенья общей цепи воспринимаются субъективно как эмоции, а последующие – объективно как изменение телесных функций, называются психосоматическими явлениями» [1].

Одной из разновидностей психосоматических явлений являются психосоматические заболевания. Проблеме изучения тревожности у лиц с психосоматическими заболеваниями посвящено наше исследование, поскольку тревожность может быть одним из факторов, способствующих возникновению психосоматического заболевания. Актуальность данной проблемы очевидна: она мало разработана в психологической литературе; существует потребность в новых фактах, которые позволили бы расширить теорию и сферу её применения, так как лечение психосоматических заболеваний как соматических болезней не всегда бывает эффективно. В настоящий момент в нашем городе при всем увеличивающемся количестве людей, страдающих психосоматическими заболеваниями, а чаще всего это подростки, поскольку подростковый возраст – возраст, когда наиболее ярко проявляются психосоматические болезни, закрылось единственное существовавшее в детской клинике психосоматическое отделение.

Целью нашего исследования является изучение особенностей проявления тревожности у лиц с психосоматическими заболеваниями.

Тревожность, как черта, или личностная тревожность, не проявляется непосредственно в поведении [2]. Но ее уровень можно определить исходя из того, как часто у индивида возникает состояние тревоги. Тревожность как черта личности может стать предвестником развития невроза. Правильнее считать, что тревожность является беспредметной, потому что она наносит удар по основе психологической структуры, на которой строится восприятие «Я», отличное от внешнего мира.

Психосоматическое заболевание – драматическая реакция на тяжелую, длительную, изматывающую неудовлетворенность и озлобленность, когда отсутствует психологическая защита. В таком случае защиту от переживания берут на себя соматические системы организма. Организм защищается от разрушения, локализуя последствия переживания в иерархически менее важных структурах. Исследователь Александер [1] в своей концепции эмоциональной специфичности психосоматических болезней выделил несколько основных психосоматических заболеваний. К ним относятся: пептическая язва, язвенный колит, бронхиальная астма, нейродермит, ревматоидные артриты, вегето-сосудистая дистония и тиреотоксикоз. Александером и его сотрудниками также было выделено три основных условия возникновения психосоматических заболеваний: 1) конституциональная или приобретенная уязвимость органа; 2) внутренний эмоциональный конфликт и 3) пусковой механизм, который определен как ситуация – ускоритель, влияющий на человека.

В качестве гипотезы нашего исследования выступает предположение о наличии связи между уровнем тревожности и психосоматическими заболеваниями, а именно: уровень тревожности у лиц с психосоматическими заболеваниями выше, чем у здоровых лиц.

В нашем исследовании использовалась эмпирическая группа испытуемых – подростки с такими психосоматическими заболеваниями как бронхиальная астма и вегето-сосудистая дистония, и контрольная группа – подростки из обычной школы. Была использована методика Спилберга, которая предназначена для оценки ситуативной и личностной тревожности и «шкала тревожности», в которой измеряется уровень школьной, самооценочной и межличностной тревожности.

Результаты исследования показали, что эмпирическая и контрольная группы различаются лишь по показателю школьной тревожности, что может свидетельствовать о том, что в данном возрасте причиной возникновения тревожности являются аспекты учебного процесса в школе.

В настоящее время ситуация может осложниться в связи с введением Единого государственного экзамена. Подростки активно принимают участие в обсуждении результатов пробной сдачи ЕГЭ. У них возникает беспокойство, тревога по поводу сдачи этого экзамена уже сейчас, поскольку идет нагнетание обстановки со стороны педагогов, со стороны родителей и со стороны СМИ. На этот момент следует обратить особое внимание, поскольку нередко одной из причин возникновения психосоматических заболеваний является тревожность, и подростки с высоким уровнем тревожности могут стать потенциальными психосоматическими больными.

1. Александер Ф., Селесник Ш., *Человек и его душа: познание и врачевание от древности и до наших дней.* М., 1995, с. 608

2. Прихожан А.М., «Формы и «маски» тревожности. Влияние тревожности на деятельность и развитие» // *Тревога и тревожность*, 2001, С. 143-156.

УДК 159.922.8

Смысл планирования профессиональных перспектив старшими школьниками

Устюжанин А.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

О том, что планирование очень важно для жизни говорить не приходится, однако возникает парадоксальный вопрос: должны ли планы сбываться?

Представления о неадаптивной, надситуативной активности В.А. Петровского [2], представления о поисковой активности В.С. Ротенберга [5] – заставляют усомниться во вроде бы очевидном утверждении: планы должны исполняться!

Когда речь заходит о профессиональных представлениях и намерениях старших школьников, этот вопрос приобретает новый оттенок: нужно ли что-то планировать, если планы вообще не обязаны сбываться. Мы заинтересовались значением процесса планирования и решили провести исследование на материале планирования профессионального будущего старшими школьниками.

Для школьной психологической службы рассматриваемая тема имеет очень важное значение: в работе со старшеклассниками (а зачастую, и начиная со средних классов) одна из центральных тем консультирования – профессиональная ориентация, профессиональное и личностное самоопределение [1, 4]. На наш взгляд постановка вопроса о пользе планирования и соотношения процесса с результатом позволяет поставить проблему шире, чем обычная практика профориентирования школьников. Н.С. Пряжников считает, что главная (идеальная) цель профориентационной помощи – формирование субъекта самоопределения. Разбираясь с определением понятия субъект, можно прийти к выводу, что субъект – тот, кто берет на себя ответственность за собственные выборы, но и тот, кто способен изменить свои выборы (планы), в изменившейся ситуации (рефлексия, ответственность и спонтанность). В тоже время наиболее распространенные варианты работы профориентационной службы – помощь в выборе конкретной профессии, учебного заведения, и шагов по достижению этих целей. Такая работа помогает учащемуся на определенном этапе решить насущные проблемы, и наличие такого варианта профконсультирования – закономерно и необходимо [4]. Однако очень важно развивать работу по активизации профессионального и личностного самоопределения. Важно, как для отдельного клиента, так и для общества в целом [3].

Работа по планированию профессиональных перспектив позволяет с одной стороны просмотреть конкретные шаги по достижению целей, и в то же время активизировать процессы самоопределения, так как взятая в более широком контексте, ситуация выбора профессии с необходимостью будет анализироваться с точки зрения возможных непредвиденных поворотов жизни.

Можно утверждать, что существует два основных вида самоопределения:

1) субъект самоопределения своей деятельностью «конструирует» свою профессию, с учетом собственных субъектных характеристик (т.е. он просто живет и развивается, выбирая такую деятельность, которая позволяет ему максимально реализоваться как субъекту);

2) субъект самоопределения готовит себя для определенной профессии.

Постановка вопроса о соотношении процесса и результата позволит определить, с каким именно типом самоопределяющегося субъекта мы имеем дело, позволит более грамотно построить сценарий работы с каждым конкретным клиентом. Кроме того, можно утверждать, что даже при запросе клиента 2-го типа самоопределения, направленного на прояснение конкретных целей и шагов, добавление элемента планирования с отсутствием гарантии достижения результата будет полезно по многим причинам.

В рамках настоящего исследования мы бы хотели предложить на суд коллег теоретическое обоснование вышеизложенных утверждений, а также первые результаты исследований.

1. *Практическая психология образования* / Под ред. И.В. Дубровиной: учебник для студентов высших и средних специальных учебных заведений. – М.: ТЦ «Сфера», 2000.

2. Петровский В.А., *Личность в психологии: парадигма субъектности*. г.Ростов-на-Дону: издательство «Феникс», 1996

3. Пряжников Н.С., «Профессиональное самоопределение в культурно-исторической перспективе» // *Вопросы психологии*, 1996, №1

4. Пряжников Н.С., *Методы активизации профессионального и личностного самоопределения: Учебно-методическое пособие*. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2002.

5. Ротенберг В.С., Аршавский В.В., *Поисковая активность и адаптация*. М.: Наука, 1984

УДК 155.2

Оптимальная область оптимума активации: о возможности использования закона Йеркса-Додсона

Уточкин И.С.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Закон Йеркса-Додсона является одним из фундаментальнейших положений психологической науки. Классический вариант закона был получен бихевиористами Йерксом и Додсоном в экспериментах с научением крыс. Дальнейшие исследования, выполненные другими авторами в различные годы, позволили расширить его на более широкий класс ситуаций и субъектов. Общепринятый в настоящее время вариант закона Йеркса-Додсона связывает продуктивность решения субъектом некоторой задачи (как по точности, так и по скорости) со степенью активации (мотивации) самого субъекта и со степенью сложности решаемой задачи [1, 2]. Графически данная зависимость традиционно отображается в виде семейства инвертированных U-образных кривых, каждая из которых соответствует определенной задаче (по оси абсцисс откладывается значение активации субъекта, по оси ординат – показатель продуктивности деятельности). Недостаток или избыток активации ведет к снижению качества деятельности. В разное время высказывались различные гипотезы по поводу природы такого эффекта. Наиболее общепринятыми считаются представления ресурсного [2] и многомерно-активационного [4] подходов, сложившихся в рамках исследования когнитивных процессов, в особенности, внимания.

Однако, делая активацию (ресурсы), которая является энергетическим средством решения задачи, основным принципом, объясняющим работу внимания и всей когнитивной системы, авторы, придерживающиеся вышеуказанных взглядов, упускают из вида специфику самих задач и особых функциональных средств, которые могут требоваться для решения той или иной задачи.

Наша гипотеза состояла в том, что существуют такие задачи, где закон Йеркса-Додсона не проявляется. Это означало бы, что эти задачи решались бы с одинаковой продуктивностью субъектами с разными уровнями активации. В качестве экспериментальной задачи использовалась задача обнаружение звукового тона (сигнала) на фоне шума. Соотношения сигнала и шума по громкости задавали три уровня сложности этой задачи: легкая, средней сложности, сложная (пороговая). Активация испытуемых измерялась с помощью опросника AD ACL Тайера [5] по 2 факторам: энергетическая активация (сон-бодрствование) – ЭА – и активация напряжения (спокойствие-напряжение) – АН. В качестве показателей продуктивности оценивались: вероятность попаданий Р(Н), время реакции ВР, и дисперсия времени реакции ($\square$ ВР). По окончании эксперимента испытуемые давали самоотчет.

Дисперсионный анализ с повторными измерениями выявил два значимых взаимодействия: обнаружено совместное влияние сложности задачи и ЭА на показатели ВР и $\square$ ВР. В обоих случаях это взаимодействие описывается как отсутствие различий между группами низко и высоко активированных испытуемых в легкой и сложной задачах и наличие различий в задаче средней сложности. В этой задаче высоко активированные испытуемые показали более

быстрые и стабильные реакции, чем низко активированные. Значимых взаимодействий между сложностью задачи и ЭА, а также между сложностью задачи, ЭА и АН не выявлено.

Таким образом, мы обнаружили, что фактор активации вносит вклад в эффективность процесса решения только в задаче умеренной сложности. Очень простая и очень сложная задачи (что определяется из анализа самоотчетов и данных по процентам ошибок) не обнаруживают паттерна, сходного с законом Йеркса-Додсона. В легкой задаче это, возможно, связано, с высокой степенью автоматизации процесса принятия решения о стимуле, а следовательно, с небольшой затратой усилия (ресурсов) [1]. Задача средней сложности, судя по присутствию некоторого количества ошибок, уже требует больше внимания, и здесь усиление ЭА вносит вклад в эффективность, что проявляется в более высоком и стабильном темпе деятельности у высоко активированных испытуемых. Это – задача с т.н. ограничениями по ресурсам [3]. Наконец, сложная задача, по-видимому, не может решаться только при помощи вложения дополнительного усилия, поскольку различия между сигналом и шумом находятся в пороговой области. Это – т.н. задача с ограничениями по данным [3]. Для повышения эффективности решения испытуемому требуется актуализация скрытых средств нересурсной природы или создания новых. При анализе таких задач простой апелляции к ресурсам, видимо, недостаточно, и при попытках построить более или менее полную модель решения изучаемой задачи использование закона Йеркса-Додсона должно осуществляться с некоторыми ограничениями, и исследователь должен иметь в виду возможное влияние функциональных механизмов.

1. Дормашев Ю.Б., Романов В.Я. *Психология внимания*. М.: Тривола, 1999.
2. Kahneman D. (1973) *Attention and Effort*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
3. Norman D.A., Bobrow D.B. (1975). On data-limited and resource-limited processes. *Cognitive Psychology*, 7, 44-64.
4. Thayer R.E. (1978). Toward a Psychological Theory of Multidimensional Activation (Arousal). *Motivation and Emotion*, 2, 1-34.
5. Thayer R.E. (1986). Activation-Deactivation Adjective Check List: Current Overview and Structural Analysis. *Psychological Reports*, 58, 607-614.

Дискурсивное Я: новый взгляд на проблему идентичности

Федорова Н.А.

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

В предлагаемом исследовании рассматривается история развития понятия «идентичность» в рамках различных теоретических ориентаций в социальной психологии, и предложен новый для отечественной психологии взгляд на проблему идентичности с точки зрения социального конструкционизма.

Социальный конструкционизм смещает фокус анализа с «Я-как-сущности» на методы конструирования Я. В отличие от традиционной точки зрения, согласно которой Я-концепция – это устойчивая индивидуальная когнитивная структура, конструкционистская психология интерпретирует Я как субъект социального обмена в рамках культуры. Конструкционисты рассматривают идентичность как постоянно формирующуюся в процессе взаимодействия с другими людьми, в процессе взаимодействия дискурсов и выстраивания нарративов. Идентичность можно определить как личностно конструируемую теорию Я.

Однако, если исходить из того, что идентичность постоянно меняется в процессе социального взаимодействия, то перед исследователями встает вопрос о том, как изучать изменчивый характер идентичности.

Для решения этой проблемы мы использовали понятие возможной социальной идентичности, введенное М.Синнирелла. Возможная социальная идентичность - это представление индивида о своем возможном прошлом и будущем групповом членстве.

Цель исследования - установление связи между особенностями возможной социальной идентичности и характеристиками дискурсов, сопровождавших ее появление и формирование.

Гипотезы исследования:

Существуют разные стратегии конструирования возможной социальной идентичности.

Виды возможных социальных идентичностей различаются по степени их включенности в текущие представления о себе, по степени актуализированности и по степени оценки вероятности их осуществления.

3. Особенности возможных социальных идентичностей связаны с сопровождающими их ситуациями взаимодействия.

В исследовании приняли участие 19 человек (9 мужчин и 10 женщин), студенты старших курсов московских ВУЗов и молодые люди, в недавнем прошлом получившие высшее образование, в возрасте от 20 до 26 лет.

В качестве метода сбора данных использовались полуструктурированные глубинные интервью, транскрипты интервью обрабатывались методом дискурсе-анализа.

Полученные результаты в целом подтвердили выдвинутые гипотезы. Нами было выявлено две стратегии, используемые нашими респондентами в процессе конструирования своей возможной социальной идентичности: стратегию «планирование» и стратегию «ориентация на ситуацию».

В описаниях наших респондентов возможные Я существуют в двух формах: актуальное Я и гипотетическое Я. Мы предположили, что эти виды возможного Я можно условно рассматривать как полюса одного континуума. Любое возможное Я может существовать как в форме актуального Я, так и в форме гипотетического Я. Дискурсы сопровождают процессы формирования и изменения возможных Я, т.е. существует взаимосвязь между возможными Я и дискурсами. Можно выделить два аспекта этой взаимосвязи. С одной стороны, дискурсы связаны с описаниями максимально актуальных Я: этим нарративам сопутствуют описания протяженных «тематических» дискурсов. С другой стороны, дискурсы связаны с переходами актуального Я в гипотетическое, и тогда речь идет о «тормозящих» дискурсах, и с переходами гипотетического Я в актуальное Я, и тогда речь идет о «поддерживающих» дискурсах.

Малый объем выборки предполагает, что полученные результаты могут служить основой для дальнейших, более обширных исследований.

УДК 155.3

Непроизвольное запоминание: урневый эффект или эффект трудоемкости задания?

Хоменко И.Ю., Подлесная Д.А., Мишина Ю.В.

Черноморский филиал МГУ им. М.В.Ломоносова

Несмотря на то, что с момента обнаружения эффекта урневой переработки прошло уже 30 лет, до сих пор существуют разногласия в интерпретации данного эффекта. Для Крейка и Локхарта (1972), было принципиально говорить не просто об усложнении или повышении количества вкладываемой в выполнение задания энергии, которые могут вести к лучшему запоминанию материала.

Действительно были получены данные, подтверждающие взаимозависимость энергоемкости манипуляций с материалом и эффективности его запоминания. Например, Колерс [3] предлагал испытуемым читать обычные и перевернутые предложения. Во втором случае уровень запоминания был выше. Ряд исследователей [2, 4, 7] пытались прояснить эту дискуссию, однако полученные данные представляются противоречивыми.

В нашей работе предпринята попытка более строгого контроля следующих независимых переменных: 1) перцептивный/семантический уровень обработки материала, 2) высокая/низкая степень трудоемкости задачи. В исследовании приняли участие 108 учащихся. Испытуемые выполняли 10 заданий. В качестве условия перцептивной переработки испытуемые выбирали рифмы для указанного слова из четырех бессмысленных альтернатив (например, «грабли – кшонк, крум, лорос, табли»).

В качестве условия семантической переработки предлагалось выбрать из четырех альтернатив правильный ответ на загадку (например, «Синий шатер весь мир накрыл – ночь, небо, радуга, одеяло»). Условие высокой / низкой трудоемкости выполнения задания вводилось путем инструкции записывать ответ правой (низкая трудоемкость) или левой (высокая трудоемкость) рукой.

После выполнения задания делался 15-ти минутный перерыв, затем следовало тестирование произвольного запоминания. Максимальный уровень воспроизведения материала наблюдался после выполнения семантической задачи с высокой трудоемкостью (6.75), затем следовало воспроизведение после решения семантической задачи при низкой трудоемкости (6.18), затем воспроизведение при перцептивном условии с высокой трудоемкостью (5.45), и, наконец, минимальный уровень воспроизведения наблюдался после выполнения перцептивного задания с низкой трудоемкостью (4.88).

Статистический анализ данных показал, что значимыми являются различия между условиями, апеллирующими к различным уровням переработки информации: перцептивная задача, правая рука и семантическая задача, правая рука, перцептивная задача, левая рука и семантическая задача, левая рука. Значимых различий в зависимости от трудоемкости выполнения задания в рамках одного уровня переработки обнаружено не было. Другими словами, оказалось не важно, какой рукой испытуемый выполнял задание, т.е. насколько тяжело ему было это делать.

Действительно существенным фактором произвольного запоминания в нашем исследовании выступила «глубина» обработки материала, которую требует нахождения верного решения задачи.

1. Величковский Б.М. Модули, градиенты и гетерархии: где мы находимся в изучении когнитивной архитектуры? // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А.Н.Леонтьева. Под ред. А.Е.Войсунского, А.Н.Ждан, О.К.Тихомирова. М., 1999, с.161-199.

2. Андерсон Д.Р. Когнитивная психология. Спб., 2002.

3. Kolers P.A. A pattern analyzing basis of recognition. In L.S.Cermak, F.I.M. Craik (Eds.), Levels of processing in human memory, Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1979.

4. Stein B.S., Bransford J.D. Constraints on effective elaboration: Effects of precision and subject generation. Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior, 1979, 18, p.769 – 777.

5. Roediger H. L., Craik Fergus I.M. (eds.) Varieties of memory and consciousness. 1989.

6. Craik F.I.M., Lockhart R.S. Levels of processing: A framework for memory research. Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior, 11, 1972, p.671 –674.

7. Craik F.I.M. Levels of processing: Past, present... and future? Memory, 10 (5/6), 2002, p.305-318.

Исследование индивидуальных различий в толерантности к неопределенности

Шалаев Н.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Представленная работа является результатом проведенного на период с марта по ноябрь 2003 исследования толерантности к неопределенности в городе Мерида, Мексика.

Целью исследования стало установить гендерные различия и различия по типу специализации студентов в толерантности к неопределенности; и в то же время прояснить связь толерантности к неопределенности и тревожности. Выборка исследования составила 287 испытуемых (из них 132 мужского пола и 155 – женского). Все испытуемые были студентами Независимого Университета Юкатана (факультеты: химии, юриспруденции, медицины, архитектуры и педагогики).

В исследовании были использованы следующие средства измерения:

Опросник толерантности к неопределенности [3]. Опросник представляет собой шкалу, состоящую из 27 реактивов, измеряющих 3 фактора: 1) Риск: способность или желание человека встречать новые и/или мало прогнозируемые ситуации, 2) Интолерантность к неопределенности: неспособность человека выходить за рамки концептов, верований, восприятий или гипотез, дихотомическая ригидность при суждениях, 3) Поиск безопасности: тенденция к повторению уже прожитого и страх перед неизвестным и неопределенным.

Адаптированный в Мексике опросник личностной и ситуативной тревожности [2]. Шкала состоит из 20 реактивов для измерения личностной тревожности и 20 – для ситуативной.

Семантический дифференциал [1]. В данном исследовании были выбраны 26 биполярных шкал, большинство из которых принадлежали к измерению «оценка». В качестве стимулов для семантического дифференциала были использованы шесть таблиц ТАТ. Испытуемых просили оценить каждую из таблиц ТАТ и проранжировать их по степени «приятности – неприятности» и «неопределенности – определенности». С помощью семантического дифференциала исследовались предпочтения толерантных и нетолерантных к неопределенности испытуемых в оценке таблиц.

Согласно результатам исследования существуют значимые индивидуальные различия в толерантности к неопределенности. По данным опросника толерантности к неопределенности мужчины более склонны к риску (встречать новые и непредсказуемые ситуации) чем женщины (фактор «Риск»). Значимых различий по факторам «Интолерантность к неопределенности» и «Поиск безопасности» получено не было.

По данным анализа вариаций выявлены значимые различия в толерантности к неопределенности по факультетам. Студенты факультета медицины стремятся к большей безопасности (фактор «Поиск безопасности») ($M = 3.26$) ($F(4,287) = 2.94$; $p = .021$) и негативно оценивают риск (фактор «Риск») ($M = 3.41$) ($F(4,287) = 3.95$; $p = .004$). Студенты факультета юриспруденции являются наименее толерантными к неопределенности (фактор «Интолерантность к неопределенности») ($M = 3.63$) ($F(4,287) = 3.62$; $p = .007$).

Согласно результатам корреляционного анализа испытуемые с высокой ситуативной тревогой обладают низкими способностями и желанием встречать новые ситуации (фактор «Риск») ($r = - 0.23$; $p = 0.01$), стремятся к повторению ранее закрепленных моделей поведения из-за страха перед неизвестным и неопределенным (фактор «Поиск безопасности») ($r = 0.26$; $p = 0.01$), являются интолерантными к неопределенности ($r = 0.15$; $p = 0.01$). В то же время, была обнаружена значимая корреляция между тревожностью как личностной чертой и фактором «Риск» ($r = - 0.30$; $p =$

0.01), фактором «Поиск безопасности» ($r = 0.39$; $p = 0.01$) и фактором «Интолерантность к неопределенности» ($r = 0.19$; $p = 0.01$).

В отношении оценок семантического дифференциала и результатов ранжирования испытуемыми таблиц ТАТ, в общем, для всех испытуемых была выявлена тенденция оценивать неопределенные стимулы как менее приятные, чем определенные стимулы (оценка «неприятного стимула» - оценка «неопределенного стимула») ($r = 0.23$; $p = 0.01$).

Согласно данным корреляционного анализа испытуемые с низкой толерантностью к неопределенности склонны оценивать определенные стимулы как более приятные, чем люди с высокой толерантностью к неопределенности: «определенный стимул» - фактор «Поиск безопасности» ($r = -0.16$; $p = 0.05$) и фактор «Интолерантность к неопределенности» ($r = -0.10$; $p = 0.05$).

На основании полученных данных можно сделать следующие выводы:

Существуют индивидуальные различия в толерантности к неопределенности

Существует связь между толерантностью к неопределенности и тревогой. Высоко тревожные люди обладают низкой толерантностью к неопределенности.

Люди с низкой толерантностью к неопределенности склонны оценивать определенные стимулы как более приятные, чем люди с высокой толерантностью к неопределенности.

1. Osgood Ch., Suci G., Tannenbaum P., *La Medida del significado*, Madrid, 1976.
2. Viganola Rosa D. L., *Autoritarismo e intolerancia a la ambigüedad en la cultura mexicana*, México, D. F. Tesis para obtener el grado de maestro en psicología, UNAM, 1986.
3. Spielberger C. D., Martínez-Urrutia A., González-Reigosa F., L. Natalicio, R. Díaz-Guerrero., *El cuestionario de Ansiedad Rasgo-Estado (IDARE)*, México, D. F., 1975.

УДК 612.82:57.018.725

Особенности протекания посттравматического стрессового расстройства у военнослужащих в зависимости от профиля МФАс

Шевырёва Е.Г.

Ростовский государственный университет

Участие в боевых действиях вызывает у военнослужащих эмоциональный и физиологический стресс. Эмоциональный стресс вызван отказом от сложившихся ранее понятий и представлений, пересмотром взглядов, ломкой старых установок, приобретением новых, соответствующих условиям витальной угрозы (необходимость защищать свою жизнь через убийство, быть свидетелем смерти друзей и товарищей по оружию). Физиологический стресс связан с повышенной физической нагрузкой, изменением жизненного стереотипа жизни. Это не может не накладывать отпечаток на характер личности и особенности отношения к миру. Психологические изменения не ограничиваются ситуацией боевых действий и могут проявляться в отдалённые периоды после службы в армии.

Затяжная реакция человека на интенсивный стресс в МКБ-10 определена как посттравматическое стрессовое расстройство, или PTSD-синдром. О роли и месте ПТСР в клинической картине психических расстройств у военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях, писали многие авторы.

Основываясь на анализе работ по этой теме, можно предположить наличие у многих (если не у большинства) военнослужащих с посттравматическим стрессовым расстройством некоторых сходных личностных характеристик, которые формируют общий психологический «склад личности».

На сегодняшний день установлена взаимосвязь доминирования того или иного полушария в переработке когнитивной и эмоционально окрашенной информации. ИПФА является интегральной характеристикой как на уровне индивида, так и на уровне личности, поскольку обуславливает закономерности протекания всех высших психических функций, определяет тип мышления, особенности эмоционального реагирования и т.д. Можно предположить связь между ИПФА и особенностями протекания, а также степенью выраженности ПТСР.

Цель настоящей работы заключалась в изучении влияния профиля МФА на степень выраженности и особенности протекания ПТСР у военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях на территории Чеченской республики.

В качестве объекта исследования выступили 198 военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях в первую и вторую Чеченскую кампанию со сроком пребывания в зоне боевых действий от 6 до 23 месяцев

В качестве методов исследования МФАс были использованы модернизированный опросник М. Аннет, тест Е.П. Торренса «Всеобъемлющий мир». Для выявления степени выраженности ПТСР использовались «Методика диагностики постстрессовых состояний у сотрудников органов внутренних дел» Котенёва И.О., Миссисипская шкала для боевого ПТСР. Личностные особенности военнослужащих исследовались стандартизированным методом исследования личности (СМИЛ), личностный опросник Г. Айзенка, методика ситуативной и личностной тревожности Спилберга-Ханина.

Полученные результаты позволяют сделать нам следующие выводы:

1. Посттравматическое стрессовое расстройство более выражено у военнослужащих с признаками доминирования правого полушария головного мозга.

2. Содержание ПТСР у правополушарного, левополушарного типа асимметрии и амбидекстров характеризуется следующими отличиями:

- события травмы наиболее остро переживаются амбидекстрами;
- упорное вторжение в сознание образов, воспоминаний и эмоций, связанных с содержанием психотравмирующих обстоятельств, вызывает сильный психологический дистресс, который достаточно высок у правополушарного типа. Для них свойственно стремление избегать мыслей чувств, разговоров, лиц и деятельности, вызывающих воспоминание о травме;
- показатели общей возбудимости нервной системы у групп левополушарной организации и амбидекстров статистически не отличались. Вместе с тем, показатели группы с правополушарным профилем латеральной организации были значимо высоки.

3. У всех представителей группы с правополушарным типом МФАс зафиксированы повышенный уровень нейротизма, высокие значения по шкалам ипохондрии, паранойи, истерии, шизофрении, гипомании, высокими значениями ситуативной и личностной тревожности. Это свидетельствует о внутренней напряжённости и дезадаптации, неустойчивости к стрессовым факторам, склонности к аффективному реагированию, которые сочетаются с повышенной чувствительностью в интраперсональных отношениях. В совокупности это обычно выражается в нестабильности, непоследовательности поведения и общения.

Результаты исследования подтверждают выдвинутое предположение, что наличие, степень выраженности и особенности протекания ПТСР у комбатантов Чеченских войн зависят от профиля МФА.

Полученные данные могут послужить основой для выявления роли МФА в клинике ПТСР и способствовать решению вопросов практической диагностики, прогноза течения заболевания и реабилитации комбатантов.

Исследование взаимосвязи интеллекта, акцентуаций характера и общих учебных умений и навыков у учащихся подросткового возраста

Шелепова Е.С.

Тверской государственный университет

Всестороннее развитие личности человека, всех его способностей и дарований – важнейшая социально-педагогическая задача развития современного общества. Одним из основных условий решения этой задачи является осуществление дифференцированного подхода к детям в процессе обучения и воспитания, опирающегося на знание их возрастных и индивидуальных различий, в том числе и особенностей интеллектуального развития. Таким образом, актуальной становится проблема изучения влияния психологических особенностей личности на умственное развитие и общие учебные умения и навыки. В ходе исследования была выдвинута следующая гипотеза: Уровень сформированности общих учебных умений и навыков взаимосвязан с общим уровнем интеллекта и типологическими особенностями характера.

Объектом исследования являются учащиеся среднего звена, подросткового возраста (14-15 лет). В исходную выборку вошло 30 человек, в гендерном составе 15-ти юношей и 15-ти девушек. *Предметом исследования* являются личностные особенности- акцентуации характера, интеллект и общие учебные умения и навыки.

Цель данной работы состоит в определении зависимости общих учебных умений и навыков от интеллекта и типологических особенностей характера.

В данной работе использовались эмпирические методы – констатирующий и формирующий эксперимент, диагностические методы тестирования, обрабатывающие количественные методы – корреляционный анализ, критерий различий Манна Уитни, критерий сдвигов Вилкоксона. Диагностика уровня интеллекта и уровня сформированности общих учебных умений и навыков проводился при помощи психодиагностической методики ТУС (тест умственных способностей Армтхауэра). Диагностика акцентуаций характера проводилась при помощи психодиагностического опросника (ПДО) А.Е. Личко. Собственно исследование включало констатирующий и формирующий эксперименты.

В результате интерпретации полученных данных были сделаны следующие выводы:

Констатирующий эксперимент позволил определить зависимость общих учебных умений и навыков от интеллекта и акцентуаций характера, так было выявлено, что:

гипертимы склонны к высокому уровню исследовательских навыков, но низкому уровню навыков и умений сравнения и обобщения,

циклоидный тип акцентуации характера определяет склонность к наиболее благоприятному результату обучения, так как циклоиды обнаруживают склонность к высокому уровню развития интеллекта и общих учебных умений и навыков, в особенности абстрагирования,

лабильный тип обнаруживает склонность к заниженному уровню сформированности исследовательских навыков, но к хорошей кратковременной памяти,

астено-невротический тип проявляет склонность к низкому уровню обобщения, анализа и синтеза, а также исследовательских навыков,

сенситивный тип проявляет склонность к высокому уровню абстрагирования,

психоастеническому типу свойственна склонность к низкому уровню обобщения,

шизоидный тип обнаруживает склонность к низкому уровню знаний, но высокому абстрагированию и пространственному воображению,

истероидный тип проявляет склонность к наиболее благоприятному результату обучения, так как ему свойственны высокий уровень развития общих учебных умений и навыков и интеллекта,

неустойчивый типу свойственна склонность к неблагоприятному прогнозу обучения, так как низкий уровень общих учебных умений и навыков и интеллекта,

- высокий уровень развития общих учебных умений и навыков обуславливает высокий уровень развития всего интеллекта, что указывает на необходимость их формирования.

Сравнительный анализ гендерных различий показал, что девушки наиболее склонны к лабильному типу акцентуации, имеют более высокий уровень знаний, чем юноши, однако юноши имеют более высокий уровень сформированности исследовательских навыков и математических способностей.

Формирующий эксперимент позволил определить степень пластичности общих учебных умений и навыков. И на основе этого установить, что подростковый возраст является сенситивным периодом для формирования общих учебных умений и навыков, а также, что коррекционная программа является эффективной для их формирования.

1. Дружинин В.Н., *Психология общих способностей*. СПб., 1999.
2. Кулько В.А., Цехоместрова Т.Д., *Формирование у учащихся умений учиться*. М., 1983.
3. Леонгард К., *Акцентуированные личности*. Киев., 1989.
4. Личко А.Е., *Подростковая психиатрия: Руководство для врачей*. Л., 1985.
5. Личко А.Е., *Психопатии и акцентуации характера у подростков*. Л., 1989.

Модели построения профессиональных карьер у молодых мужчин и женщин

Шерет Т.Д.

Ростовский государственный университет

Излагаются результаты проведенного исследования моделей построения профессиональных карьер у молодых мужчин и женщин в связи с их индивидуально-личностными особенностями.

Под моделью построения профессиональной карьеры мы понимали эмпирически выявленный психологический образец определенных действий, направленных на построение карьеры в соответствии с карьерными целями. Модель построения профессиональной карьеры включает в себя два компонента: операциональный и мотивационный.

Целью исследования мы ставили изучение содержания компонентов моделей построения профессиональных карьер у молодых мужчин и женщин.

Исследование проводилось в несколько этапов. На первом этапе в качестве объекта исследования выступили результаты анкетирования мужчин и женщин в возрасте от 22 до 30 лет (соответственно 11 и 28 человек). На втором этапе в качестве объекта выступили самоописания мужчин и женщин в возрасте от 20 до 72 лет в количестве 42 человек (30 женщин и 12 мужчин). На третьем этапе исследования объектом выступили результаты анкетирования мужчин и

женщин в возрасте от 24 до 30 лет в количестве 20 мужчин и 20 женщин. Все респонденты имеют средне-специальное или высшее образование, опыт работы с типом профессии «Человек» на момент проведения исследования.

Методами исследования выступили: анкетирование, психологическое тестирование (тест смысловых ориентаций Леонтьева Д.А., 16-факторный опросник Р.Кеттелла), метод контент-анализа (разработанные категории для самоописаний операционального компонента карьеры), метод экспертных оценок, метод сравнения групп, математические методы обработки данных (ранговая корреляция по Спирмену, непараметрический U-критерий Манна-Уитни, однофакторный дисперсионный анализ по Фридману).

Результаты проведенного исследования показали, что модели построения профессиональной карьеры у мужчин и женщин различаются как по операциональному, так и по мотивационному компонентам.

Операциональный компонент включает в себя четыре группы способов действий: действия на себя, на профессию, на жизненные обстоятельства, на других. Каждая группа была поделена на две подкатегории, различавшиеся по направленности и по степени активности реализации способов действий для построения карьеры. Одна подкатегория включала воздействия субъекта на объект, а в другой подкатегории прослеживалось влияние этого же объекта на субъект. Было установлено, что способы, используемые мужчинами для построения карьеры более разнообразнее, чем у женщин.

Различия по мотивационному компоненту заключаются в следующем: мужчины предпочитают строить карьеру, которая способствует личностному росту, профессиональному мастерству и достижению социального успеха. Женщины в построении карьеры преследуют такие же цели, за исключением последней.

По степени выраженности индивидуально-личностные характеристики субъектов также различны: мужчинам присуща большая независимость, самостоятельность (Q2 [5]); у женщин более выражены целенаправленность, сильная воля (Q3[5]), дипломатичность, хитрость (N[5]), решительность (G[5]), услужливость, любезность (-E[5]).

На основе выявленных различий по операциональному и мотивационному компонентам нами были обозначены следующие модели построения профессиональных карьер:

у мужчин – эгоцентрическая или индивидуалистская модель, т.к. ориентирована на личные, профессиональные и статусные достижения, и опирается на личные характеристики и на активные способы преобразования профессии и себя самого;

у женщин – исполнительская модель, т.к. ориентирована на личные и профессиональные достижения и опирается на преобразование деятельности в соответствии с требованиями общества.

Следующий шаг нашего исследования мы видим в интеграции полученных данных для изучения содержания и структуры отношений личности к профессиональной карьере в связи с гендерным аспектом.

1. Джанерьян С.Т. «Карьера личности и ее профессия» // *Социальная психология личности в вопросах и ответах: Учебное пособие*. М., 1999, С.339-358;
2. Джанерьян С.Т. Отношение личности к профессии // *Психологический вестник*, Вып.2-Ростов-на-Дону., 1997, С.40-57;
3. Климов Е.А. *Психология профессионального самоопределения*.- Ростов-на-Дону, 1996, с.512;
4. Молл Е.Г. «Планирование своей карьеры руководителями» // *Вопросы психологии*.-1998, №3, С. 85-91;
5. Столяренко Л.Д. Основы психологии. Практикум. Ростов-на-Дону, 2001, с.703;
6. Шевелева А.М. *Идеалы профессиональной карьеры у обучающихся психологов*. Автореферат, канд.дисс., Ростов-на-Дону, 2000, с.23.

УДК 159.922

Я-идеальное и Я-реальное в самооценках студентов¹

Ширапова Д.Д.

Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема изучения самооценки продолжает оставаться одной из актуальных психологических проблем. Как указывает Андреева Н.С., самооценка профессиональных знаний и навыков является одной из составляющих профессионализма личности, которая, в свою очередь, непосредственно влияет на эффективность профессиональной деятельности личности [1]. В период обучения в вузе важным является правильное профессиональное самоопределение студентов и формирование их адекватной личностной и профессиональной самооценки, позволяющих в будущем получить высококвалифицированных специалистов. Содержанием профессиональной самооценки, по мнению Козиевской Е.В., выступает самоотношение к профессионально значимым параметрам, необходимым для осуществления профессиональной деятельности. В структуру профессиональной самооценки на акмеологически значимых уровнях входят следующие компоненты: оценка себя как профессионала (в оппозиции профессионал-непрофессионал); оценка себя как профессионала в области межпрофессионального взаимодействия (в отношениях с профессионалами других профессий); оценка себя как профессионала в достижении акме в определенном типе профессиональной деятельности [2].

В нашем исследовании интерес представляет изучение Я-идеального и Я-реального в самооценках студентов, а именно как изменяется оценка себя как профессионала (в оппозиции профессионал-непрофессионал) и насколько совпадает модель специалиста-профессионала студентов с мнением экспертов. Исследование проходило в два этапа: первый – в марте 2001 г., в котором участвовало 72 студента Бурятского госуниверситета г. Улан-Удэ: I группа – 41 человек, II группа – 31 человек; второй – в сентябре 2003 г., в котором приняли участие те же студенты. Для решения поставленной задачи нами использовалась методика изучения самооценки по С.А. Будасси. Испытуемым было предложено 50 слов, обозначающих качества личности, просмотрев которые каждый должен был выбрать качества, соответствующие его внутреннему эталону психолога – Я-идеальное, и из составленного ряда слов, отметить те, которыми он обладает – Я-реальное. Предложенный студентам список качеств был предъявлен экспертам, в качестве которых выступали 25 преподавателей-психологов. В результате экспертного анализа мы выяснили, что психолог должен обладать следующими качествами: ответственность, отзывчивость, тактичность, чуткость, общительность, обаяние, терпимость, сочувствие, настойчивость, непринужденность,

жизнерадостность, вдумчивость, решительность, сострадательность, искренность, справедливость, сдержанность, заботливость, упорство, принципиальность, рассудочность, аккуратность, осторожность, подвижность, уступчивость, радушие, поэтичность, педантичность, нежность.

Анализ полученных результатов позволяет говорить об изменении Я-идеального и Я-реального в самооценках студентов в процессе профессиональной подготовки. К завершению обучения в вузе (5 курс) студенты более четко

¹ Исследование проведено при поддержке Минобразования РФ (грант для поддержки научно-исследовательской работы аспирантов вузов Минобразования РФ, шифр: А 03. – 1.4. – 108)

осознают особенности профессии, правильно определяют профессионально важные качества и их модель специалиста-профессионала становится близкой к модели, определенной экспертами. Об этом свидетельствует увеличение коэффициентов ранговой корреляции по Спирмену, рассчитанных между экспертной оценкой и Я-идеальным, и Я-реальным студентов I и II групп в 2001 г. (А) и в 2003 г. (В). Так, коэффициент между экспертной оценкой и Я-идеальным студентов I группы в 2001 году составляет $r_a=0,50$ ($p>0,01$), а в 2003 году равен $r_b=0,74$ ($p>0,001$), разность между ними составила $d=0,24$, студентов II группы соответственно $r_a=0,55$ ($p>0,01$), $r_b=0,86$ ($p>0,001$), $d=0,31$. Такие качества как ответственность, тактичность и терпимость в 2003 году студентами стали оцениваться также как и преподавателями. Студенты I группы в числе первых качеств, необходимых психологу отмечают еще и чуткость, общительность, решительность и обаяние, которые близки к оценкам экспертов. Студенты II группы жизнерадостность, заботливость стали оценивать также как и эксперты, и намного сблизилась их оценки по таким качествам как отзывчивость, справедливость, искренность, сочувствие. Такое же изменение произошло в их Я-реальном $d=0,3$, при $r_a=0,45$ ($p>0,05$), $r_b=0,75$ ($p>0,001$). У себя они отмечают присутствие всех данных качеств, кроме справедливости, вместо которой появляется настойчивость. Несколько иная картина сложилась в Я-реальном студентов I группы, полученные коэффициенты говорят о совсем незначительном изменении или об отсутствии, так $r_a=0,56$ ($p>0,01$), $r_b=0,50$ ($p>0,01$), $d=0,06$. Среди отмеченных выше качеств в их Я-реальном обнаруживаются только сочувствие, ответственность и отзывчивость. Однако следует отметить, что оценки на II этапе исследования по качествам тактичность, терпимость сдержанность и справедливость значительно стали ближе к оценке экспертов по сравнению с оценками I этапа. Отсутствие динамики в Я-реальном студентов I группы может означать их критическое отношение к себе и осознание неготовности или не полной уверенности в готовности к будущей профессиональной деятельности, тогда как студенты II группы оценивают себя адекватно высоко и чувствуют себя более уверенными и вполне готовыми к работе по специальности.

Таким образом, повышение информированности о профессии становится фактором формирования к ней положительного или отрицательного отношения, то есть представления субъектов обучения о требованиях, уровнях и содержании будущей профессиональной деятельности влияют на процесс дальнейшего профессионального становления. Степень соответствия системы эталонных представлений реальным и самооценочным характеристикам может определить степень психологической и личностной готовности к успешной профессиональной деятельности.

1. Андреева Н.С., *Социально-психологические особенности профессионального самоопределения выпускников вузов психологических специальностей в современных условиях*. М., 2001, 198 с.

2. Козиевская Е.В., *Профессиональная самооценка в развитии мотивации достижения государственных служащих*. М., 1998.

Способы саморегуляции эмоциональных состояний при решении трудовых задач в условиях ограниченного времени

Шипарева О.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Цель настоящего исследования состояла в диагностике эмоциональных состояний и исследовании способов саморегуляции у актеров. Задачи исследования заключались в следующем:

- Выявление источников формирования негативных состояний;
- Диагностика состояния профессионала при решении им некоторых типичных трудовых задач;
- Выявление способов регуляции состояния, используемых профессионалом;
- Анализ возможностей применения специальных средств психологической саморегуляции для данной профессиональной группы.

Методика.

В исследовании принимали участие актеры драматического театра, а также студенты театрального училища. Возраст испытуемых от 21 до 40 лет, 14 женщин и 16 мужчин. Исследование состояло из трех этапов.

1. *Первый этап* – выявление источников, связанных с профессиональной деятельностью актеров, вызывающих неблагоприятные эмоциональные состояния (ЭС) и поиск способов борьбы с неблагоприятными ЭС, используемых профессионалами.

2. *Второй этап* – оценка профессионалами собственного состояния во время выполнения основных трудовых задач. Испытуемым предлагалось заполнить ряд бланковых опросников, диагностирующих функциональное состояние, *перед* спектаклем (первый замер) и *после* спектакля (второй замер). Дополнительно, на более ограниченной выборке был проведен третий замер, непосредственно *во время* спектакля, в антракте между действиями.

3. *Третий этап* – исследование возможностей применения методик психологической саморегуляции. С группой испытуемых был проведен один сеанс нервно-мышечной релаксации. Перед сеансом и после него предлагалось заполнить несколько опросников, выполнить коррекционную пробу, а также замерялся пульс. Основой сеанса нервно-мышечной релаксации был текст сеанса психологической саморегуляции (Леонова, Кузнецова, 1993).

Результаты.

Этап I. По результатам анализа данных, собранных при помощи опросника трудового стресса были выявлены наиболее сильные источники стресса для данной группы испытуемых. Наиболее стрессогенным фактором для испытуемых оказался недостаток личного времени, на втором месте – отсутствие поддержки руководителя, затем несправедливая оплата труда и наличие в работе периодов вынужденного бездействия.

Анализ анкеты оценки способов поддержки/оптимизации своего состояния позволил выделить наиболее часто используемые средства. Среди них испытуемые назвали:

- разговор с коллегами;
- использование дыхательной гимнастики;
- повторение про себя какой-либо фразы или текста, помогающего собраться;
- использование несложных физических упражнений;
- использование небольших пауз в работе, чтобы посидеть спокойно с закрытыми глазами;
- проводить некоторое время в одиночестве;
- использование небольших перерывов, чтобы немного подремать;
- использование перерывов, чтобы выпить чашечку чая или кофе.

Кроме того, было выявлено несколько средств, используемых всеми испытуемыми в равной мере. К ним относятся следующие средства:

- заниматься своим внешним видом (поправлять макияж, прическу),
- разговаривать с коллегами.

Среди наиболее популярных способов можно выделить несколько групп (см. таблицу 1).

Таблица 1. Группы популярных способов регуляции эмоциональных состояний.

Неспецифичные для профессии		Специфичные для профессии
Внешние	разговор с коллегами перерыв на чай/кофе	дыхательная гимнастика, физические упражнения
Внутренние	подремать, посидеть одиночестве, посидеть закрытыми глазами	произнести фразу, помогающую собраться

Табл. 2. По данным оценки профессионалами собственного состояния во время выполнения основных трудовых задач было выявлено, что испытуемые оценивали как несколько сниженное: показатель по шкале состояний находится в зоне субъективного дискомфорта, однако, реактивная тревожность умеренная, также не наблюдается признаков острого физического утомления. Выражены положительные эмоциональные переживания. Внутри блока положительных эмоций наиболее проявлены радость и интерес. Отрицательные переживания и тревожно-депрессивные переживания не выражены.

Проведенный статистический анализ различий* выявил значимые различия по пяти показателям. В двух замерах значимо различаются показатели реактивной тревожности, общий показатель положительных эмоций, показатели интереса и радости, а также показатель тревожно-депрессивных переживаний.

Так как при анализе данных были выявлены значимые различия между двумя замерами по показателю положительных эмоциональных переживаний, было решено провести более детальный анализ. Согласно методике Изарда (Изард, 2000), показатель положительных эмоций разделен на три составляющих: интерес, радость и удивление.

Корреляционный анализ выявил ряд значимых корреляций между параметрами, по результатам корреляционного анализа были построены корреляционные плеяды.

Ряд связей между показателями остается стабильным в двух замерах. Это связи между показателями общей оценки состояния и радости, реактивной тревожности и депрессии, утомления и интереса.

В первом замере отрицательной корреляцией связаны показатели радости и реактивной тревожности, радости и депрессии, общей оценки состояния и негативных эмоций.

Во втором замере положительной корреляцией связаны показатели интереса и удивления, гнев и негативные эмоции, гнев и тревожно-депрессивные переживания. Отрицательной корреляцией связаны показатели радости и негативных эмоций, гнева и радости, утомления и общей оценки состояния, утомления и радости. Анализ корреляционных плеяд показывает, что в двух замерах наблюдается несколько устойчивых связей между показателями. Такими связями являются: связь «реактивная тревожность – депрессия», «радость – общая оценка состояния» и «утомление – интерес». Связь показателей «утомление – интерес» отрицательной корреляцией может отражать тот факт, что по мере роста утомления интерес к выполняемой деятельности снижается. В обоих замерах реактивная тревожность связана с депрессией.

Также был проведен анализ состояния во время спектакля, на более ограниченной выборке.

Полученные данные свидетельствуют о том, что в обычных условиях, при решении стандартных трудовых задач, (т.е. когда актеры заняты в знакомом репертуарном спектакле), их состояние на протяжении всего спектакля остается в пределах нормы.

Табл. 3. Исследование возможностей применения методики нервно-мышечной релаксации (НМР) на группе актеров. В настоящем исследовании было опробовано применение методики нервно-мышечной регуляции на студентах - актерам Московского областного высшего училища искусств. Результаты исследования показали, что применение этой методики оказывает положительное влияние на состояние испытуемых. Наблюдаются позитивные сдвиги по следующим показателям функционального состояния (ФС): настроение, реактивная тревожность, продуктивность. По остальным показателям ФС сдвигов не произошло. Данные анкетирования, а также устные отзывы испытуемых говорят об улучшении самочувствия после сеанса. Таким образом, можно констатировать наличие положительных изменений в состоянии испытуемых.

В исследовании были получены данные об изменениях, происходящих в состоянии актера во время решения профессиональных задач. Также были рассмотрены возможности применения методики ПСР для группы профессионалов. По результатам данного исследования можно сделать следующее заключение:

- состояние актеров при выполнении типичных профессиональных задач находится в пределах нормы;
- во время спектакля актеры оценивают свое состояние менее дифференцировано и подробно, чем до и после выступления;
- данным исследованием встала проблема более четкого разведения состояния актера как профессионала, исполняющего роль и состояния сценического персонажа;
- были выявлены способы поддержки или оптимизации текущего состояния, используемые данной группой;
- указанные способы часто выполняют двойную функцию: как профессиональное средство подготовки к спектаклю и как индивидуальный способ регуляции состояния;
- выявленные способы можно считать достаточно эффективными;
- применение специальных методик психологической саморегуляции для группы актеров в процессе репетиций позволяет улучшить их состояние.

1. Вильсон Г., Психология артистической деятельности. М., 2001.
2. Гройсман А.Л., Личность. Творчество. Регуляция состояний. М., 1998.
3. Изард К., Психология эмоций. С-П., 2000.
4. Леонова А.Б., Психодиагностика функциональных состояний человека. М., 1984.
5. Леонова А.Б., Кузнецова А.С. Психопрофилактика стресса. М., 1993.
6. Леонова А.Б., Медведев В.И. Функциональные состояния человека в трудовой деятельности. МГУ, 1981.
7. Маришук В.Л., Блудов Ю.М., Плахтиенко В.А., Серова Л. К. Методики психодиагностики в спорте. М., 1990.

УДК 159.923.2

Теоретический анализ понятия «кризис»

Щербакова А.В.

Южно-Уральский государственный университет

Для любого, кто имеет своей целью изучение какого – либо явления, вполне закономерным является то, что первый шаг в этом направлении делается в сторону рассмотрения уже имеющихся точек зрения на этот феномен, уже

* Полученные данные обрабатывались в статистическом пакете SPSS версия 11.0, сравнение показателей по двум замерам проводилось с помощью непараметрического критерия Вилкоксона

существующих исследований. Мы, изучая явление кризиса, также пошли по этому пути, начав с анализа различных точек зрения на данный феномен в психологической науке.

В современной психологии существует ряд подходов к определению понятия кризиса:

Рассмотрение *кризиса как ситуации угрозы для удовлетворения базисных потребностей* личности. В качестве таких ситуаций выделяют ситуации острого горя, связанные с потерей близкого человека (в результате смерти или разрыва отношений) или тяжелой болезнью, грозящей смертельным исходом. Кроме того, к числу таких ситуаций относят боевые действия, несчастные случаи и катастрофы, ситуации крайней опасности, грозящей близким или родным, свидетелем которых стал человек, тяжелое ранение и т.д. Очевидно, что далеко не все кризисы в жизни человека обусловлены ситуациями острого горя [Ф.Е. Василук, А.В. Смирнов и др.].

Изучение *возрастных кризисов*, то есть «особых, относительно непродолжительных (до года) периодов онтогенеза, характеризующихся резкими психологическими изменениями». Однако следует отметить следующие аспекты: во-первых, не все люди переживают все кризисы возрастного развития; во-вторых, кризисы представителей различных культур зачастую не совпадают с отечественной их классификацией: например, подростки, проживающие в традиционной кавказской культуре, не переживают подросткового кризиса, так как в этом возрасте они являются уже «мужчинами»; наконец, не все переживаемые человеком кризисы обусловлены исключительно особенностями какого-либо возрастного этапа. Если бы это было так, то вполне закономерным являлось бы такое предположение: все люди в возрасте, скажем, сорока лет будут переживать кризис. Следовательно, подход к феномену кризиса исключительно как к возрасту вовсе не является исчерпывающим [Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, К.Н. Поливанов].

Рассмотрение так называемого *кризиса идентичности*. Но не все кризисы в жизни человека связаны с потерей им чувства непрерывности и тождественности собственного Я [В.Хесле, Г.У. Солдатова, Ю.Г. Овчинникова].

Исследования, касающиеся *мотивационных кризисов*, под которыми понимается наличие некоего «сбоя» в мотивационной структуре личности, например, нарушение иерархии мотивов, отсутствие ведущего мотива и так далее. Но если представить себе человека, переживающего кризис, то совершенно ясно, что далеко не всякий кризис будет связан с мотивационными структурами, так человек может определённо знать, чего он хочет, иметь четкую мотивационную иерархию и при этом переживать кризис [А.А. Кроник, Р.А. Ахмеров].

Изучение *биографических кризисов*: различные формы переживания человеком непродуктивности своего жизненного пути. Но человек может осознавать свой жизненный путь в качестве непрерывного континуума и при этом переживать кризис [Р.А. Ахмеров].

Таким образом, ни один из перечисленных подходов к феномену кризиса в психологии нельзя считать исчерпывающим, так как они описывают отдельные виды кризисов, но не позволяют судить о феномене в целом. Поэтому мы обратились к исследованиям в других гуманитарных науках, что позволило выделить ряд основных факторов, описывающих кризис, из которых впоследствии было сформулировано определение самого понятия.

Говоря о кризисе, зачастую используют категорию *«события»*, что, на наш взгляд, вполне закономерно. По словам С.Л. Рубинштейна, события жизни – это узловые моменты и поворотные этапы жизненного пути индивида, когда с принятием того или иного решения на более или менее длительный период определяется дальнейший жизненный путь человека

Кризис – не просто событие, а событие *переломное*. Перелом – это некое коренное, кардинальное изменение, изменение внезапное. Интересным в свете рассматриваемого вопроса представляется понятие *«точек бифуркации»* в синергетической парадигме.

В описаниях кризиса зачастую присутствует характеристика *субъективного момента* – любой кризис отличается нежелательностью и неоднозначностью толкования [В.И. Ишимов].

Кризис – это не только перелом, но и *процесс*, имеющий, по мнению Л.С. Выготского, три фазы: предкритическую, собственно критическую и посткритическую.

Сущность явления невозможно постичь, не поняв его *причины* и не рассмотрев *возможные последствия*. Причиной кризиса может стать любое событие или явление, если для этого созрела благодатная почва. Можно говорить о трех возможных исходах кризиса: а) регресс, если в результате переживания кризиса человек вернулся на более низкую ступень личностного развития; б) «зависание» на какой – либо стадии кризиса; в) в случае разрешения кризиса, переход личности как системы на более высокую ступень развития [К.Ясперс, С. Гроф].

Итак, изучение подходов к феномену кризиса позволило сформулировать следующее определение: *Кризис – переломное событие жизненного пути индивида, характеризующееся нежелательностью, неоднозначностью толкования, когда происходит качественно новая перестройка, новое осмысление человеком своей глубинной природы. Результатом переживания кризиса является формулирование нового взгляда на мир. Кризис можно понимать в широком и узком смысле слова: в широком смысле слова – это рассмотрение кризиса как процесса; в узком смысле – как некоей точки (перелома).*